PERIOD.
GENERAL LIBRARY
UNIV. OF MICH.
SEP 11 1933

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМОЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Первомайские марки латышских большевиков в 1914 г.—Румынская Сигуранца.—К истории «Рабочей группы» при Центральном военно-промышленном комитете.—Первая Государственная дума в Выборге.—К истории польского восстания 1863 г.—Июльские дни 1917 г.—Подложный манифест 1861 г.

ЦЕНТРАРХИВ

1933

КНИГОТОРГОВОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИЗД-В

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ ИЗДАНИЯ ЦЕНТРАРХИВА

ПУГАЧЕВЩИНА

Том третий. Из архива Пугачева. Подготовлен С. Голубцовым. („Материалы по истории революционного движения в России XVII и XVIII вв." под общей ред. М. Н. Покровского). Соцэкгиз 1931. Стр. VIII + 527 + 1 карта. Ц. 6 р.

ВОССТАНИЕ ДЕКАБРИСТОВ

Материалы по истории восстания декабристов. Под общей редакцией М. Н. Покровского.

Том II. Дела членов Северного тайного общества. К печати приготовил А. А. Покровский. Гиз. 1926. Стр. 424. Ц. 2 р. 50 к.

Том. III. Дела членов Северного тайного общества. К печати приготовил А. А. Покровский. Гиз. 1927. Стр. 447. Ц. 3 р.

Том VI. Восстание Черниговского пехотного полка. К печати приготовил Ю. Г. Оксман. Гиз. 1929. Стр. XVIII + 406. Ц. 4 р.

Том VIII. Алфавит декабристов. Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. Гиз. 1925. Стр. 433. Ц. 4 р. 50 к.

МОРОЗОВСКАЯ СТАЧКА 1885 г.

С предисловием В. И. Невского Т. („Материалы по истории рабочего движения". Под ред. А. Лозовского.) „Вопросы труда". 1925. Стр. 264. Ц. 75 к.

1917 ГОД В ДОКУМЕНТАХ И МАТЕРИАЛАХ

Под редакцией М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева.

Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов. Стенографический отчет. С предисловием Я. А. Яковлева. Подготовил к печати М. Цапенко. Гиз. 1927. Стр. 356. Ц. 4 р. 50 к.

Государственное совещание. С предисловием Я. А. Яковлева. Гиз. 1930. Стр. 372. Ц. 3 р. 60 к.

Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Подготовили к печати В. Рахметов и Н. Мямлин. Том второй. Соцэкгиз. 1931. Стр. V + 489. Ц. 7 р. 50 к

ПРОДАЖА во всех магазинах и отделениях Книготоргового объединения государственных издательств. Почтовые заказы направлять без задатка: «Книга-почтой», Москва 64, Покровка, 28 или «Книга-почтой», Ленинград, проспект 25 Октября, 28.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ВТОРОЙ (ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМОЙ)

1933

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1933

Ответственный редактор **Я. Берзин**
Редакционная коллегия: В. Максаков (зам. отв. редактора), **В. Малаховский, И. Меницкий, Ф. Ротштейн**

Государственное социально-экономическое издательство. Техред. **С. Топаз**
Сдано в произв. 4/III—1/IV 1933 г. Подписано в печать 5/V—10/V 1933 г.
Статфор. Б, 176×250 9 п. л., 60 480 зн. в п. л. С.-Э.(п.) № 36 Зак. 358
Уполн. Главлита Б—30.684 **Тираж 2500**

Интернациональная (39-я) тип. „Мособлполиграф", ул. Скворцова-Степанова, 3

Первомайские марки латышских большевиков в 1914 г.

Историческая справка [1]).

Изображенные на снимке партийные марки, извлеченные ныне из архивов царской полиции, являются своеобразной иллюстрацией к одному из важнейших моментов в истории латышского большевизма.

Начиная с 1905 года в рядах Социал-демократии Латышского края (СДЛК) велась непрерывная борьба между большевиками и меньшевиками. Несмотря на то, что сознательные рабочие Латвии всегда стояли на революционных позициях и стремились к объединению с партией российских большевиков, центральное партийное руководство в СДЛК долгие годы оставалось в руках меньшевиков и разного рода примиренцев. Если еще в период 1905—1909 гг. латышским большевикам удавалось по временам оттеснять меньшевиков от руководства, то в дальнейшем, когда окончательно укрепившаяся столыпинская реакция угнала на каторгу и рассеяла по российским тюрьмам и местам заключения и по центрам заграничной эмиграции кадры большевистского актива Латвии, все центральные учреждения были прочно захвачены меньшевиками.

Но латышские рабочие не мирились с таким положением, и партийные низы чем дальше, тем больше стали выступать против меньшевистского ЦК и центрального органа «Циня». С началом нового подъема в рабочем движении России латышские большевики стали широко развивать самостоятельную деятельность, к 1912 году создали в рядах СДЛК сплоченную, организационно оформленную фракцию и перешли в решительное наступление против меньшевистской партийной верхушки.

В самой Латвии главной крепостью большевизма являлся IV район рижской организации (район «Александровских ворот»), где в тот период работали тт. Эйхе, Печак, Ленцман, умерший во время войны в Бутырской тюрьме Звирбул-Путнис, расстрелянный бело-латышами в 1919 году Шильф-Яунзем и др. Одновременно за границей, в противовес меньшевистскому «Заграничному комитету» (ЗК), издававшему официальный орган партии «Циня», латышские большевики-эмигранты создали «Бюро заграничных групп» (БЗГ), которое с осени 1912 года начало издавать резко антиликвидаторский, близкий к большевизму «Бюллетень».

---

[1]) Перевод надписей на марках — наверху: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Под портретом Маркса: «Восьмичасовой рабочий день». Ниже: «Бюро Заграничных групп Социал-демократии Латвии». Под рисунком марки — подпись типографа, печатавшего марки.

Стремясь отвоевать партию у меньшевиков «легальным путем», т. е. не прибегая к расколу, латышские большевики совершили ряд политических ошибок примиренческого характера, которые Ленин тогда же резко осуждал в своих письмах к редакторам «Бюллетеня» и др. товарищам, но в рамках данной заметки нет возможности остановиться на разборе этих ошибок. Для пояснения хода событий отметим только, что в центре внутрипартийной борьбы стоял вопрос о новом съезде СДЛК, созыв которого саботировали меньшевики и который мог состояться лишь в начале 1914 года. Этот съезд (Брюссельский), на котором Ленин лично принимал весьма деятельное участие, явился переломным моментом в истории рабочего движения Латвии. Правда, вследствие фракционных махинаций ЦК, большевики не имели на съезде обеспеченного большинства и только с помощью одного примиренца могли провести ряд антиликвидаторских резолюций. Половинчатый характер этих резолюций не подлежит сомнению, но большевикам все-таки удалось добиться главного: принципиального осуждения ликвидаторства и вытеснения меньшевиков из партруководства [1]). С этого времени СДЛК стала выступать заодно с русскими большевиками как в России, так и на международной арене и, установив организационную связь с большевистским ЦК, стала подготовлять полное слияние СДЛК с большевистской партией.

Покидая после Брюссельского съезда свои места в центральных учреждениях партии, меньшевики оставили новому ЦК и новому ЗК партийную кассу совершенно пустой (см. документ № 3). Стремясь прийти на помощь большевистскому руководству партии, БЗГ решило прибегнуть к распространенному в западноевропейских рабочих организациях способу сбора денег, а именно: пустить в продажу в пользу ЦК особые «первомайские марки».

Как видно из помещенных в «Бюллетене» отчетов БЗГ, эти марки были отпечатаны и выпущены уже весною 1913 г., т. е. в тот период, когда внутрипартийная борьба в СДЛК приняла чрезвычайно ожесточенный характер и когда особенно остро чувствовалась необходимость усиления средств большевистской фракции. Часть марок, оставшаяся нераспространенной, и была пущена в оборот весной 1914 г., т. е. вскоре после Брюссельского съезда.

К пояснениям, данным в подстрочных примечаниях к публикуемым ниже документам, добавим только, что кроме перечисленных в протоколе от 12/IV 1914 г. меньшевиков («Чипус» — Элиас, «Вейс» — Мендерс и «Меркель» — Скарре) в состав старого ЗК входил и, значит, разделял с остальными его членами ответственность за растраченные партийные деньги также Ф. Целенс («Цинис»). В настоящее время они все четверо являются виднейшими лидерами латвийского социал-фашизма; последний из них неоднократно занимал пост министра иностранных дел буржуазной Латвии.

Из большого дела департамента полиции, посвященного подготовке и проведению Брюссельского съезда (всего 187 листов), мы пока публикуем только те документы, в которых содержатся упоминания о «марксовых марках».

Я. Б.

1. Донесение чиновника особых поручений при министерстве внутренних дел Красильникова директору деп. полиции от 15 апреля 1914 г. № 758.

Совершенно секретно.

Имею честь доложить вашему превосходительству, что, по поступившим агентурным сведениям, избранный на съезде Центральный комитет

[1]) Несмотря на то, что большевикам не удалось добиться полного успеха на Брюссельском съезде, Ленин все же высоко оценивал достигнутые результаты и широко пользовался решениями «латышских марксистов» (так ему приходилось в легальной печати обозначать СДЛК) в борьбе против ликвидаторов (см. Сочинения, т. XIV, стр. 289, 296—302, 318—319 и др.).

Социал-демократии Латышского края приступил к исполнению своих функций, наметив обширную программу своей деятельности.

В этом отношении известно, что особые усилия прилагаются в области агитационной; решено возможно чаще выпускать летучие листки по всем текущим политическим [1]) вопросам; в ближайшем будущем в г. Риге будет издана прокламация с краткими сведениями о состоявшемся съезде; будут устроены сходки, на которых по этому же вопросу будут читаться доклады; решено выпустить подробное отдельное обозрение о минувшем съезде и, если позволят материальные средства, которые в настоящее время сильно подорваны расходами по созыву съезда (съезд обошелся в 5 000 руб.), то будут напечатаны и изданы протоколы съезда,— с этой целью собираются в настоящее время деньги и пущены в оборот особые марки, образец которых при сем имею честь представить.

Центральный орган Социал-демократии Латышского края будет пока печататься в Брюсселе, но решено издавать его чаще и в более обширном объеме.

В отношении Заграничного комитета известно, что он состоит из большевиков; в состав его входят: Ян Берзин, по кличке «Земель», и некий Пузик [2]). Названный комитет решил выпустить историю прибалтийской революции, составленную Яном Янсоном по кличке «Браун» [3]).

Коллежский советник Красильников [4]).

2. Донесение начальника Лифляндского губ. жандармского управления ген. Волкова в департамент полиции от 29 апреля 1914 г. № 931.

Представляя при сем для сведения копию полученного агентурным путем протокола заседания Заграничного комитета партии «Социал-демократия Латышского края», сообщаю, что упоминающиеся в этом протоколе лица, по выяснении, оказались следующие: «Браун» (он же «Браунс»)— крестьянин Дубенауской волости, Газенпотского уезда Янис (Ян) Эрнстов Янсон, «Акмен» (он же «Акменс») — крестьянин Магнусгофской волости, Рижского уезда Иоган Эрнстов Герман, «Винтер» — бывший студент Берзин, «Меркель» — некий Вольдемар Алексеев Скарре, т. «Ч». — некий Элиас Чипус и тов. «Вейс» — не установлен [5]).

Генерал-майор Волков.

---

[1]) В подлиннике: «полицейским».

[2]) На самом деле в состав нового Загр.комитета входили два большевика: Я. Герман («Ауссеклис», «Акменс») и Я. Берзин («Земелис», «Винтер») и один примиренец-центрист Я. Янсон. — Фамилия (или кличка) «Пузик» — явный плод воображения провокатора, дававшего сведения Красильникову.

[3]) Речь идет о втором выпуске книги Янсона «Революция в Прибалтике», которая в этот период набиралась в брюссельской типографии СДЛК. Во время войны эта работа погибла в Брюсселе и не разыскана до сих пор. Первая часть книги Янсона вышла в 1912 г. (имеется русский перевод под ред. т. Кнорина).

[4]) Красильников Александр Александрович, с 1909 г. состоял заведующим заграничной агентурой; с 1911 г. — чиновник особых поручений при мин. вн. дел.

[5]) «Вейс» — лидер латвийских меньшевиков — Ф. Мендерс; был более известен под кличкой-псевдонимом «Золов». Остальные участники обоих заседаний правильно расшифрованы провокатором.

Последние трое из перечисленных в документе лиц состояли членами старого, меньшевистского ЗК. Они были приглашены на особое заседание нового ЗК для передачи ему финансового отчета ЗК за период их деятельности.

3. Заседание Заграничного комитета [1]).

Перевод с латышского [2]).

Присутствовали: Браун, Акмен, Винтер. Составляется следующий порядок дня:

а) Конституирование Заграничного комитета. 2) Конституирование редакционной коллегии. 3) Текущие дела. 4) Вопрос о средствах. 5) Принятие счетов и кассы старого Заграничного комитета.

1) Секретарем Заграничного комитета избран Винтер. Обязанности секретаря определяют в следующем регламенте:

а) Секретарь поддерживает связи и ведет корреспонденцию с Центральным комитетом Социал-демократии Латышского края и другими нашими партийными учреждениями, с организац. РСДРП и с другими братскими партиями. Секретарь Заграничного комитета Социал-демократии Латышского края должен правильно информировать и писать подробные отчеты, по крайней мере, 3-4 раза в месяц.

б) Секретарь исполняет обязанности кассира и ведет кассовые книги, которые должны быть доступны контролю и всех остальных членов во всякое время.

в) Секретарь составляет ежемесячно краткий кассовый отчет для остальных членов коллегии и за каждые полгода изготовляет подробный отчет для опубликования.

г) Секретарь заведывает типографскими и транспортными делами, заботится о документах и т. д. [3]).

д) Секретарь каждый раз ознакомляет всех членов коллегии с ответственными письмами, которые поступают и выходят, а также оставляет копии всех высланных писем.

Постановляется: платить секретарю жалованья 100 франков в месяц и 25 франков за помещение для Заграничного комитета.

2) Техническим редактором «Циня» избирают т. Брауна. Для устройства деятельности редакции составляется следующий регламент:

а) За направление и содержание «Циня» отвечает вся редакционная коллегия.

б) Как редакционные статьи в «Циня» помещаются только такие, которые приняты единогласно или большинством голосов. Если меньшинство редакции не может согласиться с помещаемой статьей, то меньшинству предоставляется право высказаться в отдельной статье (за своею подписью).

---

[1]) Заголовок подлинника.

[2]) Как явствует из приписки нового секретаря Винтера, этот документ представляет собою копию протокола, посланную в Ригу Центр. К-ту СДЛК. Не подлежит сомнению, что в руки жандармского управления он попал через провокатора Аугула. Последний перед съездом считался меньшевиком, на съезде выступал «примиренцем». В состав нового ЦК он попал, по всей вероятности, только потому, что за него голосовали все меньшевики и некоторые примиренчески настроенные большевики. Сейчас после съезда он выдал почти всех членов нового ЦК (тт. Эйхе, Звирбула и др.). Он был разоблачен уже летом 1914 г., после Октябрьской революции был казнен латышскими большевиками.

Несмотря на безграмотность полицейского перевода, документ печатается здесь без изменений.

[3]) Нынешние читатели вряд ли сразу поймут содержание этого пункта, если не пояснить, что в нем речь идет о нелегальной типографии, о нелегальном транспорте (т. е. об отправке из-за границы в Россию) партийной литературы, об изготовлении таких «документов», как паспорта, виды на жительство и пр. для подпольщиков.

в) До составления каждого номера «Циня» редакционная коллегия обсуждает содержание номера и помещенных статей.

г) Присланные со стороны (т. е. не от редакционной коллегии «Циня») статьи помещаются за подписью авторов.

д) Присланные статьи принимаются большинством голосов. Если по какому-либо случаю в редакционной коллегии не было бы большинства голосов, то вопрос оставляется на решение ЦК. Центральный комитет остается главнейшей инстанцией, к которой меньшинство редакции может апеллировать в случае конфликта.

е) Статьи Центрального комитета и извещения организаций нужно писать [1]) в неизмененной форме.

Гонорар решено платить попрежнему: 10 сантимов за строчку. Техническому редактору причитается вознаграждение (включая чтение корректуры, ведение корреспонденции и т. д.) 50 франков за полный номер, состоящий из 16 страниц.

3) Из текущих дел самыми спешными признаются следующие:

а) Издание 3 номеров «Циня» (майского, конгресса [2]) и юбилейного). Майский номер уже составлен. Остальным нужно исполнить предварительные работы, что должен исполнить редактор. Относительно юбилейного номера редактор должен обратиться к старым партийным деятелям, чтобы они написали свои приключения [3]) из партийной жизни и каждый описал по возможности подробно свое время. Так как такие статьи полностью нельзя поместить в «Циня», то постановляют составить особую юбилейную брошюру.

б) Извещение о конгрессе. Постановляют указать ЦК, что с этим нужно спешить, тем более, что издание протоколов затянется за неимением средств.

в) Брошюра «Прибалтийская революция» Брауна, II часть. Готовы пять листов. Постановляют, что эту брошюру нужно окончить поскорее.

г) Брошюра т. Ч. «Классовая борьба и социализм». Эту брошюру постановил отпечатать старый Заграничный комитет, и половина уже набрана. Постановляют напомнить т. Ч., чтобы он кончил брошюру в самом непродолжительном времени.

д) Другие агитационные брошюры. Постановляют напомнить ЦК, чтобы он сообщил, на какие именно темы теперь необходимы брошюры.

е) Протоколы конгресса. Издание их признается спешным, но, за неимением средств, пока невозможно созвать протокольную комиссию, потому нужно отложить эту работу.

4) Вопрос о средствах. — Касса совершенно пустая, и в ближайшем будущем не предвидится заметного улучшения. Доходами от западноевропейских и американских товарищей можно покрыть только самые необходимые расходы. На займы в данный момент тоже нет шансов.

а) Постановляют напомнить Центральному комитету, чтобы он поспешил присылкой материалов о нашем профессиональном движении и прессе, чтобы можно было составить подробный документальный доклад и обратиться за пособием к централу германских профессиональных обществ.

б) Предложение «Бюро заграничных групп» распространять издания «Бюро» майские марки в пользу С.-Д. Латышского края. (Майские марки уже отправлены американским и западноевропейским группам).

---

[1]) Следовало бы: «печатать».
[2]) Т. е. съездовского.
[3]) Следовало бы: «воспоминания».

в) Постановляют напомнить ЦК, чтобы он позаботился о получении обратно известных ликвидационных денег (а именно: Общ. по обработке металла с 1905 г., один держатель таковых находится в Америке).

г) Взыскание долга германского товарища оставляется и впредь Брауну [1]).

е) Газетам нужно указать, чтобы они платили гонорар и заграничным сотрудникам из своей кассы.

5) Получение счетов Заграничного комитета (по особому протоколу).

12/IV 1914 года. Присутствуют члены Заграничного комитета Винтер, Акмен, Браун, затем бывшие члены Заграничного комитета т. Ч., Вейс и Меркель и назначенный конгрессом член ревизионной комиссии т. Огретис [2]). На порядке дня стоит вопрос о принятии счетов прежнего Заграничного комитета. Так как ревизионная комиссия раньше просмотрела счета ЗК [3]) за 1910, 1911, 1912, 1913, и 1914 гг. до 14 февраля, то Заграничный комитет на этих счетах не останавливается и рассматривает только старые доходы и расходы Заграничного комитета с 14 февраля по 1 апреля. Счета находят в порядке в том отношении, что доходы сходятся с расходами. По заключенным счетам в кассе Заграничного комитета должно находиться в разных фондах наличными деньгами 4 876 фр. 85 сант.

Кассир Меркель объясняет, что этой суммы у него нет и что это произошло оттого, что летом прошлого лета у него украдены 6 500 франков партийных денег.

Винтер сообщает постановление Центрального комитета, что за эту сумму делается ответственным весь старый состав Заграничного комитета.

Тт. Ч. и Вейс объясняют, что они отклоняют от себя эту ответственность, и заявляют, что они внесут в Центральный комитет по этому поводу подробную мотивировку.

Т. Меркель заявляет, что он берет ответственность за всю недостающуюся сумму на себя и дает письменное обязательство, что недостающие суммы он уплатит в определенные сроки до 15 января 1915 г.

Члены Заграничного комитета объявляют, что они обо всем сообщат Центральному комитету.

Протокол подписывается всеми присутствующими участниками. (Подписи).

Относительно этого общего заседания (с старым Заграничным комитетом) мы можем выразить и наше мнение.

По нашему мнению, с решительными мерами нужно обождать, по крайней мере, до первого взноса (15 мая), когда Меркель обещает уплатить 750 фр.; если он не исполнит обещанного, то нужно обсудить вопрос, какие меры принять, чтобы названная сумма не пропала.

---

[1]) В пунктах «в» и «г» речь идет, повидимому, о каких-то конспиративных суммах. Будем надеяться, что старые латышские подпольщики помогут нам расшифровать смысл этих пунктов.

[2]) «Огретис» — парт. кличка т. Карлсона, работавшего наборщиком в нашей партийной типографии в Брюсселе, состоявшего секретарем-кассиром и главным организатором Бюро загр. групп.

Ныне т. Карлсон — видный работник УССР.

[3]) В подлиннике «ЦК».

Независимо от обещания Меркеля Центральный комитет должен выразить свои отношения к положению, занятому остальными членами старого Заграничного комитета. По нашему мнению, по каким-либо чисто формальным юридическим причинам нельзя освободить тт. Ч. и Вейса от ответственности, и Центральный комитет должен остаться на своей прежней позиции. Вместе с тем он должен упомянуть, что при этом виноват и старый ЦК, ибо таковой не контролировал деятельность своих учреждений. Во всяком случае, нужно сообщить членам старого Центрального комитета о положении дела.

Если дело дойдет до опубликования, то нужно основательно обдумать это постановление и строго мотивировать.

Это пока все. Заседание прошло хорошо — надеемся, что это хороший признак [1]). Ожидаем, чтобы вы утвердили: 1) секретаря Заграничного комитета, 2) технического редактора «Циня», 3) принятые регламенты Заграничного комитета и редакционной коллегии. Дальше, чтобы вы выразили ваше мнение о всех обсужденных наших вопросах, особенно по делу старых членов Заграничного комитета.

Милый привет.

Н. Винтер.

Нужно упомянуть, что я окончательно переселился в Брюссель. Проект нельзя было написать, пока не достал протокола. Пришлю его вам через два-три дня.

Пришлите обзор об организационном деле и движении [2]).

---

[1]) Выражение: «Заседание прошло хорошо», по всей вероятности, должно было означать, что на нем не было столкновений с примиренцем Янсоном—Брауном, который на съезде резко выступал против большевиков, но потом стал сближаться с ними. Во время войны он вошел в лондонскую секцию РСДРП(б).

[2]) Т. е. о положении партийной организации и рабочем движении.

Румынская Сигуранца

Румыния вступила в империалистическую войну на стороне Антанты в августе 1916 г. До того она, по выражению М. Н. Покровского, «торговала своим нейтралитетом» [1]). Германский империализм предлагал ей Бессарабию. Царское правительство — Трансильванию и часть Буковины. Англо-французский империализм сулил из-под полы и часть Бессарабии. Румынское правительство взвешивало не только эти посулы, но и военные шансы сторон. Оно торговалось отчаянно с обеими сторонами, но прежде всего старалось на возможно более длительный срок затянуть состояние нейтралитета, потому что с точки зрения коммерческой это было наиболее выгодное состояние.

В правительстве румынском были и германофилы и антантофилы. Премьер-министр Братиану числился в сторонниках союза с царской Россией. Он хлопотал о браке наследника Кароля с дочерью Николая Романова Татьяной. Королю румынскому тоже улыбался этот брак, но король недаром носил фамилию Гогенцоллерн. Его личные и семейные симпатии тяготели в сторону Берлина. Однако все эти династические и дипломатические соображения играли подчиненную роль. А на первом плане были у господствующего класса Румынии интересы политически-коммерческие. Если правительство торговало нейтралитетом, то вся буржуазия, все чиновничество торговали чем попало, всеми товарами военного времени, дозволенными и недозволенными. Весь господствующий класс Румынии, во всех своих разрезах, во всех слоях и прослойках был втянут в бешеную спекуляцию: продавали и продавались. Из официальных материалов, печатаемых ниже, видно, что спекуляцией сахаром занимались и профессора университета и депутаты парламента. Поставки шли и в страны Антанты и в страны германской коалиции. Пшеницу, например, румынское правительство предлагало и Германии и Англии, и купила Англия только для того, чтобы не купила Германия.

Румыния не могла однако затягивать без конца блаженное состояние нейтральной спекуляции, потому что при окончательном разделе военной добычи нейтралитет расценивался бы ниже участия в войне, и надо было заблаговременно обеспечить свое участие в разделе. Бухарест решил поставить свою ставку на Антанту. Спекуляция условиями вступления в войну определялась военными успехами и неудачами сторон. Румынское правительство готово было удовлетвориться Трансильванией и частью Буковины, когда ослабело германское наступление. Затем, когда русские войска откатились от Галиции, Румыния потребовала часть Бессарабии и лишний жирный кусок Буковины, а также Банат. Она сбавила цену после того, как отступление приостановилось и началась подготовка к новому наступлению — брусиловскому. Историю этой цинически откровенной торговли рассказывает М. Н. Покровский в статье, блещущей сарказмом, в сборнике «Царская Россия в мировой войне».

Румыния «вступила» в войну. Легко представить себе, как могла вести какую бы то ни было войну насквозь прогнившая, насквозь продажная буржуазия этой страны. О том, что у трудящихся масс Румынии, у ограбленного и угнетенного кре-

---

[1]) М. Н. Покровский, Империалистская война, стр. 222.

стьянства, у закабаленного рабочего класса не было никакого желания драться за «национальные интересы» — говорить не приходится. Но и командный состав армии не пылал никакими «патриотическими» чувствами. Война была видом коммерции, и надо было, в сущности, не воевать, а лишь делать вид, что Румыния воюет. Ниже печатаемые материалы рассказывают о румынском генерале Сочеке, который командовал частями 2 и 5 дивизии, сбежал с поля сражения и укрылся в Бухаресте. Он был разжалован — приличия ради. Но указание на его связь с австрийским командованием оставлено было румынскими властями без всяких последствий. Этот генерал Сочек был ведь не исключением из общего правила. Многие генералы так же не скрывали своих симпатий к Германии, как почти не скрывал их и румынский двор. Трудно сказать, в чьих интересах, в конце концов, вела Румыния войну. С первого же выстрела на австрийско-румынской границе германские войска заняли без сопротивления значительную часть румынской территории, а оставшуюся часть заняли русские войска.

Оказавшись в Румынии, командование царской армии убедилось в том, что международные отношения румынских правящих кругов по существу нисколько не изменились и после того, как Румыния из страны «нейтральной» стала «союзницей». Румынские власти и вся румынская буржуазия, как и прежде, продают все, что возможно, и продаются кому угодно. В частности, всесильная румынская охранка под управлением господина Панаитеску является, с одной стороны, центром германского шпионажа, а с другой стороны, большим коммерчески-спекулятивным предприятием. Царские охранники, осевшие в Румынии, были чрезвычайно возмущены такой односторонней деятельностью союзного учреждения. Источники этого возмущения нам неизвестны, а об искренности его мы скажем ниже. Во всяком случае, русские царские охранники дали чрезвычайно яркую и очень убедительную картину жизни и работ румынских охранников. Когда русский автор называет Сигуранцу «бандой мошенников», то он нисколько не преувеличивает. Мошенником и разбойником в прямом смысле этого слова был начальник Сигуранцы, Панаитеску, составивший себе на службе в охранке состояние в два миллиона лей. Его помощника Гусси русский автор-охранник называет с полным основанием «негодяем и сутенером».

Авторы документов, печатаемых ниже, сами по себе заслуживают очень малого доверия. Но в данном случае нет основания сомневаться в подлинности основных фактов. Они подтверждаются всей обстановкой Румынии, всей позицией, которую заняли и в войне и в нейтралитете румынские правящие круги. Все торговали и продавались,— торговала и продавалась и румынская охранка. Все ее чины участвовали в спекуляциях, которыми гноилась буржуазия всех нейтральных стран во время войны. Шпионаж был коммерцией, а коммерция была связана с шпионажем. Взятки и шантаж следовали непосредственно за контрабандной торговлей. Сигуранца служила, повидимому, действительно всего больше Германии, но она совсем не отказывалась и от торговли с царской Россией. Румынские шпионы обслуживали и «союзников» и «врагов», и это вынужден признать сам благородно негодующий русский автор-охранник. Он изобличает Сигуранцу и Панаитеску, в частности, в том, что они укрывали заведомого германского шпиона Абрамовича. Но, оказывается, этот румынский агент, служивший Германии, был очень хорошо знаком и русским военным властям и продавал свой товар также и им, и — возможно — надувал обе стороны.

Сигуранца была бандой мошенников, но сила ее была в том, что она являлась необходимейшим для румынских помещиков и капиталистов учреждением в борьбе с революционным движением. Панаитеску был «временщиком», по заявлению компетентного русского царского охранника. Он был близок ко двору, был правой рукой покойного короля Карла и остался правой рукой короля Фердинанда, о чем автор из деликатности не упоминает. Вор, мошенник, взяточник и бандит Панаитеску устраивал темные делишки короля и придворных, и разоблачения царской охранки бьют по всему румынскому правительству с династией во главе. Король Румынии состоял

акционером нефтяной компании «Стелла ромына», а эта компания, связанная с германскими банками, занималась не только продажей нефти, но и шпионажем. «Банда мошенников» таким образом совсем не ограничивалась пределами Сигуранцы. В эту банду входили самые высокопоставленные в Румынии люди, и попытка свернуть шею начальнику Сигуранцы завершилась тем, что полетел тот румынский офицер Попеску, который, по показанию царской охранки, пытался организовать независимую от Сигуранцы контрразведку. Возможно, что и все это разоблачение «банды мошенников» произошло потому, что Попеску вместе с русскими своими друзьями не разделил коммерчески-шпионской добычи и вторгся со своими агентами в принадлежащую Панаитеску и его коронованным покровителям область мошенничества и шантажа.

Представители царской охранки выступают в этом деле как очень благородные и негодующие «патриоты». Они клеймят румынских охранников и даже вскрывают источники падения. «Несомненно, что одной из причин плачевного состояния, в котором находится в настоящее время румынская охранная полиция, является общее состояние нравов и культуры румынского государства...» Это глубокое заключение русского охранника, помеченное 28 февраля 1917 г., звучит неподражаемым юмором. В этот день с оглушительным треском провалилась царская власть, которая представляла «нравы и культуру» не хуже румынских.

Царская охранка хорошо была знакома с румынской еще до войны, и сотрудничество между ними было налажено издавна. Война только скрепила эти связи. На разоблачение русского военного агента в Румынии румынские власти могли бы при желании ответить аналогичным разоблачением «нравов и культуры» царского двора и царской охранки. Незадолго до того, как русский военный агент составил свой колоритный доклад о румынской «банде мошенников», в тогдашнем Петрограде слушалось дело о мошенничествах Манасевича-Мануйлова, который был работником царской охранки, а также контрразведки, и соединял с этим, как Гусси, профессию «отъявленного негодяя и сутенера». Этот Манасевич-Мануйлов шантажировал видных капиталистов, угрожая расследованием их темных коммерческих операций. Его боялись и давали ему деньги, потому что он был влиятельным сотрудником комиссии ген. Батюшина, а эта комиссия занималась расследованием связи известнейших русских капиталистов с Германией и тоже представляла собой «банду мошенников». Манасевича-Мануйлова удалось предать суду с величайшим трудом, потому что он был близок к царскому двору, был другом Распутина, за него горой стояла царица Александра Федоровна, и самый провал его после убийства Распутина был уже признаком окончательного распада и разложения придворной распутинской банды, включавшей в свой состав и царя с царицей. Румынскому Панаитеску соответствовал в царской России генерал Курлов — такой же мошенник, взяточник, спекулянт. Германский шпионаж в России во время войны очень хорошо укрывался под сенью распутинской банды.

Доклад русского военного агента о румынской банде мошенников, именуемой Сигуранцой, не имел никаких последствий при Временном правительстве, потому что Сигуранца в том виде, как она была охарактеризована царским охранником, оказалась так же нужна и полезна контрреволюции, как нужна была и полезна царизму. Уже из публикуемых документов видно, что те самые агенты Сигуранцы, которые обвинялись в том, что они чуть ли не сплошь германские шпионы, служили царской охранке, сообщая о настроениях в русской армии, об отказе русских солдат воевать, о враждебном отношении к войне. Генерал Щербачев, начальник русских войск в Румынии, широко использовал Сигуранцу в борьбе с революционным движением, а затем после Октябрьской революции Сигуранца стала опорным пунктом всех противобольшевистских сил. Банда мошенников превратилась в армию «спасителей» буржуазной России. Грязный и кровавый террор Сигуранцы в 1918 и 1919 гг. хорошо известен. Французский и английский штабы знали цену всем этим Панаитеску, еще вчера усердным агентам германского шпионажа. Но теперь, в борьбе с большевиками,

они становились опорой Антанты. Убийства и преступления щедро оплачивались в Париже и Лондоне. В Румынии они стали источником нового заработка.

Публикуемые документы имеют не только исторический характер. Они в полной мере злободневны, потому что «общее состояние нравов и культуры румынского государства» осталось таким же, — пожалуй, еще более ухудшилось. В 1932 г. начальником полиции в Бухаресте был некто Кракапеску, достойный преемник Панаитеску. Когда в Париже белогвардеец Горгулов стрелял в президента французской республики и парижскими охранниками был пущен провокаторский слух о том, что убийца — «коммунист», то немедленно откликнулся из Бухареста Кракапеску и сообщил сотруднику газеты «Журналь», что Сигуранце Горгулов известен именно как «агент Коминтерна». Это была дружеская услуга румынской сигуранцы сигуранце парижской. А через несколько дней белогвардейские «Последние новости» сообщили об аресте Кракапеску, изобличенного в бандитизме.

«Арестован начальник бухарестской полиции Мартин Кракапеску по обвинению в том, что он действовал заодно с бандитами и ворами.

Не так давно бандиты напали в поле на автомобиль, в котором ехали князь Бибеску, американский финансист Дью и жена польского посланника в Бухаресте. Бандиты ограбили всех находившихся в автомобиле и отобрали у них крупную сумму денег и драгоценности.

Дознание по этому делу вел Кракапеску. Через несколько дней после нападения бандиты были арестованы. Начальник полиции за быстрое раскрытие преступления получил благодарность от правительства и от короля Кароля.

А затем произошло уже нечто совершенно неожиданное. Кракапеску, только что так отличившийся, был уволен в отставку. А еще через короткое время его арестовали.

Как утверждают, Кракапеску стоял во главе нескольких бандитских шаек, и нападение на князя Бибеску и его приглашенных было организовано им самим». (20 мая).

Вина Кракапеску лишь в том, что он не проявил достаточной осторожности и ограбил автомобиль с американским финансистом. Он оказался плохим румынским дипломатом. Как деятель Сигуранцы он был на своем посту и высоко держал знамя бандитизма и провокации. Банда мошенников стоит попрежнему у власти во всех капиталистических государствах.

Д. Заславский.

Доклад военного агента в Румынии полк. Палицына росс. посланнику в Бухаресте 28 февраля 1917 г.

Доклад о состоянии и деятельности румынской охранной полиции[1]).

Совершенно секретно. Копия.

Введение.

Работающее в г. Яссах под моим председательством Международное бюро по поверке паспортов с первых же дней своего существования принуждено было констатировать многочисленные злоупотребления в деятельности румынской охранной полиции, так называемой «Сигуранцы». Это

[1]) Архив революции и внешней политики. Заголовки всех публикуемых здесь документов воспроизводятся по подлиннику.

привело к необходимости усилить негласные наблюдения в этом направлении, и довольно скоро оказалось возможным собрать факты и документы, в достаточной степени освещающие физиономию и характер этого столь важного института. Эти факты и документы и собраны в настоящем докладе, дабы, поставив в известность посланников России, Франции, Англии и Италии, принять меры к пресечению зла, столь опасного при настоящем положении вещей.

Причины дурного состояния румынской охранной полиции.

Несомненно, что одной из причин плачевного состояния, в котором находится в настоящее время румынская охранная полиция, является общее состояние нравов и культуры румынского государства. Хотя причина эта довольно отдаленная, тем не менее ее необходимо отметить, чтобы понять возможность тех отдельных случаев, кои будут доложены ниже.

Перед войной Главная дирекция румынской полиции, под предлогом, что Румыния — страна нейтральная, что ее персонал плохо оплачивался, что страна должна поддерживать тесные торговые связи с австро-германцами, не считала нужным запрещать своим служащим жить в самых интимных сношениях с агентами центральных держав и быть даже соучастниками их темных дел. Это, разумеется, не оставалось без соответствующего денежного вознаграждения.

Вследствие этого «Сигуранца», мало-по-малу, стала настоящим орудием германского шпионажа.

Когда Румыния выступила на стороне держав Согласия, то, к сожалению, персонал охранной полиции не изменился, ни одно улучшение в это смысле не было сделано.

Чины «Сигуранцы», будучи обязаны теперь следить за агентами центральных держав, фактически должны были работать против тех, кто их кормил накануне. Вполне понятно, что охранная полиция почти ничего и не сделала.

Главная ответственность за такое поведение румынской полиции раньше всего падает на ее главного директора г. Панаитеску. (*Приложение 1)*.

Личность главного директора румынской охранной полиции г. Панаитеску.

До 1906 г. Панаитеску был мелким полицейским чиновником полиции [1]). Замеченный покойным королем Карлом и оцененный по достоинствам, Панаитеску при создании в 1907 г. Главной дирекции охранной полиции был поставлен во главе этого учреждения.

Льстивый и исполнительный, услужливый и весьма честолюбивый, считающий более выгодным оказывать мелкие услуги какому-нибудь депутату, чем важные услуги государству, Панаитеску, ставши директором «Сигуранцы», сумел поставить себя самым выгодным образом. Первым долгом он постарался так или иначе связать себя со всеми наиболее выдающимися людьми государства и приобрести, если и небольшие симпатии, то, во всяком случае, значительное влияние. Будучи в курсе всех событий, он стал обладателем многих секретов, знание коих ему обеспечивало возможность держать в руках членов правительства и гарантировало полную безнаказанность в самых темных делах.

[1]) Так в подлиннике.

Еще в 1906 году Панаитеску был ничтожеством, теперь — это человек, занимающий один из самых важных постов в королевстве, которого все боятся, за исключением германских шпионов.

В 1906 году Панаитеску был почти нищий, теперь же он очень богат. (Состояние Панаитеску, по агентурным данным, не менее 2 000 000 лей).

Характеристика персонала румынской охранной полиции.

Чтобы судить о директоре румынской полиции, необходимо констатировать, что при небольшом числе чиновников более или менее почтенных, как Войнеску и Думитреску, главными сотрудниками его являются лица весьма подозрительные и опасные, как, например, Вилли Джоржеску, главный инспектор бригад «Сигуранцы», продажность которого широко известна румынской публике. Это—страстный германофил, бывший в особенно интимных отношениях со всеми немцами Бухареста. Он также был беден, теперь это очень богатый человек. Не лучше сотрудники Панаитеску и на более низких ступенях иерархической лестницы. Таковы, напр.: комиссар Здравку, бывший уже не раз арестован за разные темные истории, комиссар Гусси, известный по бывшим ранее самым грязным делам. (*См. приложение 2)*.

Таков Галаган, комиссар охранной полиции в Яссах, с довольно хорошо установившейся репутацией. Междусоюзному бюро известен случай, когда один из моих агентов указал на возвращение в Румынию из России весьма важного шпиона — некоего Зиваль. Узнав об этом, Галаган приказал указанному агенту дать письменное заявление, угрожая в противном случае арестом, что Зиваль не шпион. *(См. приложения 2-а/3)*.

Особенно большую небрежность, если это только можно назвать небрежностью, Панаитеску проявил при вербовании низших агентов.

Большинство из них с самым темным прошлым, уже не раз судившихся и не имеющих ни опыта ни авторитета. Будучи выбраны самым дурным образом, лица эти чрезвычайно плохо оплачиваются вообще — от 150 до 200 франков. *(См. приложение 4)*.

Однако главный директор не придает этому важного значения и предпочитает закрывать глаза на действия своих агентов, лишенных, как и и многие румыны среднего и высшего класса, самых элементарных понятий о нравственности и патриотизме. Случаи наглого взяточничества со стороны агентов «Сигуранцы» были констатированы Междусоюзным бюро неоднократно. Из них наиболее точно установлен следующий: некий г. Генри Кульман, представитель в Румынии фирмы Нестле и К°, эльзасец по происхождению, не имел надлежащего вида на жительство. Узнав об этом, чины румынской полиции, угрожая арестом, заставили уплатить г. Кульмана в виде взяток около 2 000 лей. Когда г. Кульману удалось получить французский паспорт, чины румынской полиции все же не прекратили вымогательств, и один из них — Пандели — вновь пытался получить новую сумму. Тогда г. Кульман обратился с письмом о заступничестве к г. французскому посланнику. *(См. приложение 5)*.

Весьма характерен для нравов румынской полиции и следующий случай. Некий Василиади был пойман на месте преступления во время передачи им секретных сведений одному из самых опасных германских агентов — Вилли Давидовичу. Василиади был арестован, но спустя некоторое

время благодаря заступничеству уже упомянутого комиссара Гусси, он был не только выпущен на свободу, но и принят на службу в «Сигуранцу».

Даже когда дело касалось каких-либо особо важных поручений, как, например, наблюдения в местностях, близких к границе, то и тогда г. Панаитеску, повидимому, не находил нужным считаться с качествами своих агентов. Так, например *(см. приложение 6)*, в октябре 1916 года Панаитеску послал в г. Тыргу-Жиу агента 1 разряда Радулеску по делу некоего Федора Васильева, подозреваемого в шпионаже. Радулеску, найдя Васильева, ему объявил, что если он не заплатит ему 2 000 лей, то он, Радулеску, его арестует. Васильев, решив, что его свобода не стоит таких денег, предложил меньшую сумму и после некоторой торговли Радулеску согласился взять лишь 1 200 лей. Тогда другой агент «Сигуранцы» Козьма, возмущенный этой сделкой, донес обо всем, приведя доказательства, в Главную дирекцию, которая, несомненно будучи убеждена в виновности своего агента, немедленно отозвала Радулеску. Между тем Васильеву удалось доказать свою невиновность, и он подал в «Сигуранцу» прошение о возврате ему 1 200 лей, уплаченных Радулеску, на что ему было отвечено, что с подобной жалобой он может обратиться в суд. Что же касается Радулеску, то он, получив в минувшем декабре повышение по службе, ныне находится при Главной дирекции румынской охранной полиции.

Несомненно, что среди персонала румынской «Сигуранцы» есть лица с незапятнанной еще репутацией, однако число их крайне незначительно, почему можно сказать, что охранная полиция в Румынии представляет банду мошенников, из коих, весьма вероятно, многие находятся в сношениях с агентами центральных держав.

Таковы сотрудники г. Панаитеску, сотрудники, при помощи коих он должен бороться с превосходными разведывательными организациями австро-германцев. Ири этом никакого контроля агентов Главной дирекцией не производится, вследствие чего, если и отдано какое-либо распоряжение, то весьма часто никто не интересуется, исполнено оно или нет.

Отношение румынской охранной полиции к германским и австрийским подданным вообще.

Несомненно, что благосклонное отношение румынской охранной полиции к агентам и организациям центральных держав находится раньше всего в тесной связи с отношениями ее к германским и австрийским подданным вообще.

Как известно, с объявлением в Румынии мобилизации подданные враждебных Согласию держав были интернированы, причем ведение вопросами об их содержании и выпуске на свободу было поручено особому комитету при министре внутренних дел. Однако в Румынии всем известно, что участь этих лиц находится всецело в руках г. Панаитеску. И вот, в настоящее время интернированных таким образом неприятельских подданных выпущено весьма большое число лиц, причем значительнейшая часть из них принадлежит к германцам и австрийцам, которые до выступления Румынии занимались торговлей или служили в банках, т. е. выпущен наиболее опасный элемент. Некоторые из них значились как подозрительные по шпионажу, некоторые же занимались германофильской пропагандой, таковы: Бернард Шахнер, Юлий Грюнфельд, Александр Фридман, Стерлинг, Кирхер, Браунс, Хопфнер, Рудольф Паули и др. *(Приложение 7)*. За-

мечу еще, что значительное число лиц, подобных этим, вовсе не подвергалось ни аресту ни интернированию.

Одним из главных очагов шпионажа в Румынии, до ее выступления, несомненно, было нефтяное предприятие «Стела Ромына» во главе со своим директором Георгием Страусом. Почти несомненно, что до выступления Румынии действия этого общества оставались без должного внимания со стороны румынской полиции. В этом случае г. Панаитеску не может ссылаться на свою неосведомленность, ибо «Сигуранца» получала весьма важные донесения от некоего Фридриха Фриб, управляющего гаражом общества. *(См. приложение 8)*. Г. Фриб обнаружил, что автомобили общества часто предоставлялись в распоряжение германцев и германского посланника г. фон дер Буш и что они служили для перевозки в Болгарию и Турцию ящиков с документами. Об этом г. Фрибом было донесено неоднократно, но никаких мер со стороны «Сигуранцы» принято не было. Фриб обнаружил также, что г. Страус имел частые свидания с бывшим главным директором почт и телеграфа полковником Верзя, как известно, оставшимся в Бухаресте и ныне назначенным мэром этого города, а также полковником Стурдзой у его матери. Но на эти донесения не обращалось никакого внимания.

Как объяснить бездействие «Сигуранцы» по отношению к подобной организации и подобным лицам?

Отношение к лицам, подозрительным по шпионажу.

Явное нежелание «Сигуранцы» что-либо предпринять против таковых было констатировано неоднократно. Главное то, что преступная терпимость полиции была проявлена по отношении к людям, которые были отмечены агентами г. Панаитеску и которые, казалось, должны были бы быть арестованы немедленно.

В январе и феврале сего года о некоем Георгие Сородоке *(приложение 9)* было заявлено в Главную дирекцию, как о лице очень подозрительном, причем на это имелись достаточные основания. Сородок, австриец из Буковины, в возрасте от 25-30 лет, бежал в Румынию в начале войны и здесь обосновался на ферме в 10 верстах от Ясс. Обладая большими деньгами, он приглашал проходящих солдат и поил их вином, занимаясь расспросами, а также германофильской и антимилитаристической пропагандой. Все это было замечено и засвидетельствовано персоналом находившегося вблизи французского госпиталя. Однако эти жалобы не привели ни к какому результату, и, мало того, несколько времени спустя, городская управа г. Ясс выдала г. Сородоку право на свободное проживание, причем очень важно заметить, что это единственный документ, которым обладает он.

Пользуясь правом выдачи паспортов, Главная дирекция румынской охранной полиции имеет возможность разрешать пребывание в Румынии и проезд по стране лицам, не внушающим никакого доверия. Этому имеются доказательства в *приложении 9-а*. Некий Поржес и его жена, австрийские подданные, пожелали отправиться из Ясс в Дорохой. Для получения паспорта они обратились в комендантское управление г. Ясс; здесь им отказали. Они обратились после этого в префектуру, но и здесь им было отказано. Тогда они решили прибегнуть к Главной дирекции «Сигуранцы», и попытка их увенчалась полным успехом. По приказанию инспектора полиции г. Вилли Джоржеску, паспорта им были выданы. №№ паспортов— 108544 и 108549. Они подписаны г. Смынтанеской и помечены датой: 3 июня

1916 г. в г. Бухаресте. Здесь возникает очень важный вопрос, что делает высшее управление «Сигуранцы», если его агенты получают о ком-либо важные сведения и доносят об этом в Главную дирекцию? Имеются вполне точные доказательства, устанавливающие здесь весьма тяжкие упущения.

Агент под № 234, принадлежащий к Тульчинской бригаде охранной полиции, которая ныне переведена в Текуч, обнаружил, что один административный офицер, по фамилии Иван Марков, занимается отчаянной болгарофильской пропагандой, что он публично уговаривает румын не исполнять приказов по реквизиции и не принимать румынских банковых билетов, которые скоро потеряют цену.

Об этом начальник бригады г. Думитреску не замедлил донести г. Панаитеску. Что же сделал последний? Из рапорта г. Думитреску, составляющего *приложение 10*, видно, что директор «Сигуранцы» ничего не сделал и что Марков произведен в поручики и продолжает состоять для связи при русских войсках.

Как известно, в феврале сего года в Яссах был разжалован ген. Сочек, который, во время командования им в ноябре прошлого года частями 2 и 5 дивизий, оставил свой пост и самовольно бежал в Бухарест. Ныне выяснилось, что еще до выступления Румынии к этому Сочеку был приставлен для наблюдения филер Апостолеску. Этот последний констатировал частые сношения Сочека с австрийским посланником и особенно с австрийским военным агентом полковником Ранда. Апостолеску донес обо всем этом г. Панаитеску, но последний оставил дело без последствий.

Примеров, указывающих на небрежное и опасное отношение румынской полиции к лицам, поведение коих внушает большие подозрения, весьма много. В то же время нельзя отметить ни одного важного дела, которое действительно было бы сделано «Сигуранцей» и принесло существенную пользу.

Мнение о румынской охранной полиции румынской главной квартиры.

Мнение румынских военных властей о румынской охранной полиции весьма неблагоприятно для последней. Будучи убеждено в безнаказанности главного директора и, вероятно, опасаясь поднимать вопрос об его уходе, высшее военное командование решает в январе сего года образовать при комендантском управлении г. Ясс Бюро контрразведывательной службы во главе с г. Стелианом Попеску, поручиком резерва, бывшим судебным следователем в Бухаресте. Генерального штаба подполковник Флореску подал по этому поводу следующий рапорт генералу Презану *(см. приложение 11)*, который начинается так: «Еще до эвакуации Бухареста пришлось убедиться в необходимости отказаться от сообщений, получаемых от Главной дирекции охранной полиции, которая только с внешней стороны находится в подчинении у высшего военного командования».

Это Бюро контрразведывательной службы начало функционировать 8 января, причем весь его персонал составляли несколько милиционеров и 8 пеших жандармов. Тем не менее 8-го же января Бюро это обнаружило несколько мелких злоупотреблений, одну условную переписку и, наконец, дело шпиона Тишлера.

Дело Тишлера.

Это последнее, известное мне и нашим союзникам путем агентурной работы, представляет особый интерес для суждения о деятельности г. Панаи-

теску и потому заслуживает более подробного рассмотрения. Оно более других доказывает, насколько подозрительны все действия румынской охранной полиции, и его одного было бы достаточно, чтобы возбудить судебное преследование против организации, во главе которой находится г. Панаитеску (*Приложение 12*).

Кароль Тишлер — хорошо известный в Румынии шпион, энергичный и дерзкий. Тем не менее он был арестован только 28 января и притом не по указанию г. Панаитеску, а по распоряжению поручика Попеску, начальника контрразведывательного бюро при комендантском управлении г. Ясс. Предварительно поручик Попеску приказал произвести у Тишлера обыск, причем были найдены бумаги столь компрометирующие, что шпион был немедленно арестован.

Поручик Попеску после этого обратился в Главную дирекцию «Сигуранцы» с просьбой сообщить, не имеется ли каких-либо сведений о Кароле Тишлере. Ему было сообщено, что о нем абсолютно ничего неизвестно. Спустя некоторое время поручик Попеску узнал, что один из агентов «Сигуранцы» добивался у одного из его чиновников сообщения причин, по коим арестован Тишлер. Тогда поручик Попеску приказал этому агенту явиться и объяснить, что это обозначает, на что получил ответ, что это сделано по поручению г. Панаитеску.

29 января Панаитеску лично поинтересовался, что произошло с Тишлером, причем заявил по телефону, что он только что нашел полное дело о Тишлере и что поручик Попеску может притти его рассмотреть.

Поручик Попеску был чрезвычайно удивлен, найдя в деле указания, что Тишлер значится уже два года как германский шпион, который был в Бухаресте в постоянных сношениях с шпионским агентством Иверсен, а равным образом со шпионами Давидовичем и Файнором. Там же оказалось указание Файнора, что Тишлер работал с полковником Рандой, австрийским военным агентом, и что Тишлер имел особый кредит в Германии, дабы получить позволение, вопреки строгому воспрещению, на производство экспорта из Германии медикаментов, предназначенных для Румынии.

Таким образом, г. Панаитеску имел в своем распоряжении против Тишлера сведения достаточно ясные, многочисленные и тяжкие, и все же он оставил его на свободе. Однако это не все. Именно в том же *приложении 12* имеются данные, указывающие, что 1) штабс-капитан Можайский еще 1 декабря заявил, по моему поручению, румынской охранной полиции о нахождении в Яссах Тишлера, имеющего уже голландский паспорт, 2) что я 11 января с. г. просил г. Панаитеску об арестовании г. Тишлера, указав на его адрес: улица Стефана Великого, № 33.

В деле охранной румынской полиции должны иметься отметки, что г. Панаитеску, после моего заявления, приказал произвести обыск у Тишлера. В то же время г. Панаитеску мне обещал, что, если хоть что-нибудь будет обнаружено у Тишлера, он прикажет его арестовать. Тем не менее до 28 января обыск этот произведен не был, и Тишлер оставался на свободе.

Кроме того, оказывается еще следующее: поручик Попеску узнал, что в охранной полиции г. Ясс имеется целое дело о Тишлере под № 8458/916. Он немедленно ознакомился с ним, и, конечно, его удивление не имело границ, когда он узнал:

1) что 23 марта 1916 года охранная полиция г. Ясс осведомила г. Панаитеску, что Тишлер — германский шпион, добыл разрешение на экспорт медикаментов из Германии и что он имеет в бухарестском почтамте личный ящик № 499 для корреспонденции;

2) что 22 июля 1916 года ясская охранная полиция сообщила в Главную дирекцию «Сигуранцы», что германский шпион Тишлер получает в этот период времени свою корреспонденцию в личном ящике бухарестского почтамта № 501;

3) что 31 декабря охранная полиция г. Ясс в третий раз сообщила Главной дирекции «Сигуранцы», что Тишлер весьма опасный шпион, держит у себя спрятанные товары.

Тем не менее этих трех донесений, сделанных г. Панаитеску, не было достаточно, чтобы арестовать Тишлера. Тогда же поручик Попеску обратил внимание на то обстоятельство, что в делах Главной дирекции нет ни одного донесения о Тишлере от ясской полиции. Когда это было высказано г. Панаитеску, последний заметил, что очень возможно, что эта переписка украдена или потеряна или, наконец, осталась в Бухаресте. Г. Панаитеску при этом добавил, что на деле Тишлера он сделал небольшую отметку, что этот шпион должен быть арестован в день мобилизации, и очень удивлен, что этот приказ или, вернее, отметка не была исполнена.

Таким образом, в течение 5 месяцев, несмотря на имеющееся дело, несмотря на донесения, полученные от ясской охранной полиции, несмотря на представления военного агента союзной державы, главный директор «Сигуранцы» не мог решиться на арестование германского шпиона, заведомо известного и очень опасного. Для того же поручику Попеску потребовалось всего несколько дней [1]).

Еще более, чем дело Тишлера, наводит подозрение дело другого очень опасного шпиона — именно Абрамовича, которому г. Панаитеску оказывает какое-то странное покровительство. К сожалению, в этом деле еще не совсем выяснились некоторые данные, чтобы с уверенностью сказать, какую грязную роль играет здесь главный директор румынской «Сигуранцы». Тем не менее в *приложении 13* можно видеть или, вернее, чувствовать, что тут какой-то наглый обман, какое-то глумление над долгом и над союзниками.

Отношение румынской охранной полиции к союзным миссиям и к русским войскам.

В довершение всего следует отметить, что в Румынии все же есть лица, для наблюдения за коими румынская полиция отказывается от обычной небрежности — это члены союзных дипломатических миссий. Неоднократно агенты, состоящие на службе союзных военных агентов, призывались в Главное управление «Сигуранцы», где от них под угрозой преследования требовали доносить обо всем, что происходит в дипломатических миссиях. Специальные филеры г. Панаитеску имеют поручение следить за посланниками, секретарями и военными агентами.

Помимо того г. Панаитеску отдал распоряжение, чтобы переводчики, приставленные к нашим войскам, при содействии румынской охранной полиции, сообщали бы все, что им известно о наших войсках. Специальные агенты «Сигуранцы» обязаны следить за движением русских войск, за разговорами офицеров между собой и т. д. *(См. приложение 14)*.

Наиболее же характерно отношение к нашим войскам и поведение начальника бригады «Сигуранцы» в Ботошанях г. Флору. *(Приложение 15)*.

---

[1]) Первоначально пор. Попеску обнаружил, что Тишлер занимается спекуляцией сахара. [Примечание в подлиннике].

Несмотря на его всю ненависть к русским, несомненно известную г. Панаитеску, этот последний пытался прикомандировать его к штабу IX армии.

К сожалению, таких лиц, как г. Флору, на службе в «Сигуранце» очень много, но именно агенты такого рода и пользуются расположением г. Панаитеску.

Заключение.

Полагаю, что вышеизложенного вполне достаточно, чтобы показать, что́ из себя представляет румынская охранная полиция. Без преувеличения можно сказать, что она является более опасной для союзников, нежели для австро-германцев. Среди ее чинов есть, несомненно, еще годные элементы, но эти наиболее забитые. Казалось бы, чтобы реорганизовать румынскую охранную полицию, чтобы ее расчистить, необходимо первым долгом удалить лицо наиболее ответственное — г. Панаитеску. Это не будет мерой простого упорядочения дела — эта мера должна быть принята во имя спасения.

Генерального штаба полковник П а л и ц ы н.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

Краткая записка о личности директора румынской полиции г. Панаитеску и об его деятельности до выступления Румынии.

Вскоре после революции 1907 года в Румынии была основана «Главная дирекция охранной полиции», так называемая «Сигуранца», управление коей было вверено г. Панаитеску.

С первых же дней существования «Сигуранцы» между покойным королем Карлом и г. Панаитеской устанавливаются самые тесные сношения. Доверие короля Карла к этому последнему было так велико, что не было ни одного важного дела, в которое не был бы посвящен Панаитеску.

Вполне естественно, что Панаитеску, явившись доверенным человеком короля Карла, всегда принимавшим близко к сердцу интересы Германии, не мог не проникнуться ненавистью к нам. Повидимому, с целью, чтобы как можно крепче держать в своих руках организацию «Сигуранца», Панаитеску окружил себя лицами мало интеллигентными и самой невысокой нравственности. Умея в то же время их поощрять и привязать к себе, он сделал их верными орудиями для своих целей. Опираясь на короля, Панаитеску приобретает все бо́льшую и бо́льшую силу и влияние. Зная через своих агентов все политические интриги, кои в Румынии носят обыкновенно самый грязный характер, будучи прекрасно осведомлен о самых темных аферах, без коих не обходится почти ни один румынский министр, — наконец, находясь в курсе интимной жизни двора и всего румынского высшего общества, Панаитеску мало-по-малу становится лицом, которого все боятся, но против которого все бессильны. Несколько лет тому назад между Панаитеску и Маргиломаном, занимавшим тогда пост министра внутренних дел, произошли какие-то пререкания. Маргиломан представил королю декрет о замене Панаитеску другим лицом, но король отказал.

До 1913 года в руках «Сигуранцы» фактически находилась вся разведывательная и контрразведывательная служба. Генеральный штаб, с генералом Авереску во главе, видя ненормальность такого положения и замечая крайнюю односторонность разведки, направленной исключительно

против России, решил просить о передаче этой службы в его ведение. Несмотря на всю справедливость такого проекта, совет министров, утвердив ходатайство о новых суммах на разведывательную службу, предоставил их не генеральному штабу, а г. Панаитеску. Последние годы жизни короля Карла Панаитеску был почти временщиком, — у него заискивали, его расположения добивались, его покровительство открывало двери к важнейшим должностям в государстве.

Панаитеску, официально считаясь внепартийным, после возникновения европейской войны, почти не стесняясь, стал оказывать нашим врагам свое могущественное содействие.

Насколько глубоки его симпатии к Германии, можно судить по тому, что несколько дней тому назад он в частном разговоре с одним лицом сказал: «До выступления Румынии у меня были отличные отношения с королем Фердинандом, и я ему всегда говорил не выступать против Германии, но король поступил иначе, и наши отношения не могут быть прежними».

Несмотря на все свое влияние, Панаитеску, надо заметить, имеет в Румынии много врагов. К числу его противников принадлежат генералы, известные по своему отношению к России: Авереску и Аргереску.

Будучи в мирное время очень вреден интересам России, Панаитеску с начала войны принес нам очень много вреда.

Во-первых, это выразилось в преследовании наших агентов и в покровительстве агентам Германии. Им предлагался выбор — или немедленно быть высланными из Румынии или же передавать в полицию все донесения, посылаемые в наши штабы. Попав в руки полиции, эти донесения подвергались переделке, и затем наши штабы получали то, что было угодно сообщить г. Панаитеску. В то же время германские агенты действовали как у себя дома

Во-вторых, Панаитеску отдал приказ, чтобы копии всех шифрованных телеграмм, отправляемых русской миссией или русским военным агентом, представлялись бы в «Сигуранцу», якобы ради какой-то особой цензуры, не существовавшей для других держав.

В то же время Панаитеску, поскольку известно, принимал всяческие меры против агитации за выступление на стороне России. Его агенты безотлучно следили за тем, что делают и говорят Филипеску, Таке-Ионеску и другие. (Между прочим, Филипеску говорил, что, если он станет во главе кабинета, то немедленно выгонит г. Панаитеску).

Повидимому, все, что следовало, своевременно сообщалось в германскую и австрийскую миссии.

По словам некоторых руссофилов, их свидания для совещаний приходилось устраивать совершенно скрыто, — они переодевались, чтобы не выдать себя агентам г. Панаитеску.

Наконец, имеются сведения, что не без помощи Панаитеску в Румынии производилась скупка меди, кожи и других нужных Германии предметов, а также провоз военной контрабанды в Турцию.

Верно. Шт.-капитан М о ж а й с к и й.

Междусоюзное военное бюро.
Дело № ... [1])

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

Г у с с и, помощник специального комиссара 1 класса румынской охранной полиции, где состоит на службе 3-4 года, сначала в качестве аген-

[1]) Цифра № здесь и далее в подлиннике отсутствует.

та, в возрасте 32 лет, с посредственным образованием. Он достиг своего положения благодаря комбинациям разного рода. Кроме того, он женился на молодой девушке, служившей в Главной дирекции в качестве чиновницы и имевшей любовный роман с нынешним суб-директором «Сигуранцы» г. Эмануелем, прикомандированным к главной румынской квартире. Этот последний, рассчитывая от нее отделаться, упросил Панаитеску устроить эту свадьбу, на которой главный директор был посаженным отцом и затем оказал свое покровительство жениху поступить на службу в «Сигуранцу». Перед этим Гусси был сутепером. Гусси вошел в сношения с известным германским шпионом Абрамовичем, евреем, русским подданным, под предлогом узнать от него организацию германского шпионажа. Абрамович рассказывал многим лицам, что он давал деньги Гусси, дабы пользоваться благосклонным отношением к нему «Сигуранцы». Гусси помогал этому шпиону в его делах с участием в этом также переводчика «Сигуранцы» Моноли-Хеонодаки, который также был в сношениях с Абрамовичем. Хеонодаки, не будучи румыном, все же пользуется большим доверием главного директора. Хеонодаки находится в дружеских отношениях с комиссаром Винтилом Ионеску и комиссаром Костеску, которые ему сообщают все получаемые ими сведения.

Несомненно, что Хеонодаки выдавал австро-германцам интересы румын и вовлек Гусси в операции Абрамовича.

(Об Абрамовиче более подробно в *приложении № 13*).

Верно. Шт.-капитан М о ж а й с к и й.

Междусоюзное военное бюро.
Дело №...

ПРИЛОЖЕНИЕ 2-а.

Г а л а г а н, инспектор охранной полиции. Во время нейтралитета Румынии находился в сношениях с германскими агентами, в том числе с Морицем Борко, который ныне находится в тюрьме. Имеются сведения, что Галаган замешан в шпионском деле начальника охранной полиции в Галаце, который застрелился вследствие обнаружения его участия.

В июле 1916 года Галаган устроил в Галаце свидание германского и австрийского консулов с братьями Морозовыми и Салтаницким для организации шпионажа в Бессарабии, причем последним было дано 1 000 франков. Получив это поручение, братья Морозовы немедленно донесли о сем контр-адмиралу Веселкину. Об этом деле имеются точные данные в штабе Одесского округа.

Один из агентов полк. Палицына указал последнему на возвращение Зиваля из России в Яссы. Узнав об этом, Галаган приказал упомянутому агенту дать письменное заявление, что Зиваль не шпион. При этом, в случае отказа, Галаган угрожал агенту арестом.

Верно. Шт.-капитан М о ж а й с к и й.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3.

Междусоюзное бюро.

С л у ч а й З и в а л я.

З и в а л ь В я ч е с л а в был арестован 6(19) февраля румынской охранной полицией по представлению полковника Палицына. Зиваль по национальности — чех.

Обозначение его профессии на синем билете (синий билет — вид на жительство, последний раз визирован у Зиваля 11 ноября 1916 г.) — инженер-химик.

Синий билет, выданный ему г. Корбеску (Корбеску — префект г. Ясс) 31 октября 1915 г., имеет надпись, что он действителен до 2 июня 1920 года. Номер синего билета 4782.

Панаитеску препятствовал, чтобы дело Зиваля было рассмотрено г. Верисоцким. Было удостоверено, что в деле, данном г. Верисоцкому, некоторые сведения были заранее скрыты.

Г. Галаган, комиссар, заставил явиться агента полковника Палицына (что это агент полковника Палицына, румынской полиции было известно), заметившего Зиваля, и приказал ему написать декларацию, в которой говорится, что Зиваль не является подозрительным лицом и что может быть оставлен на свободе.

Копия этой декларации, написанной по настоянию и под руководством г. Галагана, находится на руках у полковника Палицына, российского военного агента в Румынии.

Верно. Шт.-капитан М о ж а й с к и й.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4.

Перевод с французского.

Румынская охранная полиция в настоящем и прошлом и ее состав.

Это учреждение существовало до 1904—5 года, как один из отделов министерства внутренних дел, где г. Панаитеску служил в качестве простого писца. Эта служба была в то время под начальством г. Матвея Претеску, в настоящее время занимающегося адвокатурой в Бухаресте. Затем она стала называться «охранной полицией», имея во главе Главную дирекцию румынской полиции, и получила специальный штат служащих, как-то: агентов, комиссаров, бюро. Во главе ее был поставлен г. Панаитеску, который организовал службу при помощи агентов двух категорий с жалованьем от 150—200 лей. Первоначально охранная полиция обслуживалась двумя бригадами агентов. Первые занимались разведкой, контр-шпионажем и т. д. Вторые филерством на железных дорогах, раскрытием преступлений и т. д. На обязанности охранной полиции лежали различные функции, как-то: служба переводчиков, служба регистрации, осведомительная, визировка паспортов.

Агенты в той и другой категории были: агенты — явные, которые приходили за приказаниями каждый день, и агенты — анонимные, которые являлись для рапорта только тогда, когда имели сведения, то есть через три, семь, десять, двенадцать дней. Среди этих агентов, не имевших ни знаний, ни опыта для занятия этим делом, были еще агенты, взятые на службу по рекомендации разных политических деятелей, от коих имели поддержку, а эти, яро защищая интересы своих патронов, агитировали в их пользу. Многие из них имели право годового проезда по железным дорогам в 1 классе по всей стране и т. д.

Из 60 агентов, работавших в Бухаресте, не более 20 были способными и полезными работниками, другие же были вышеуказанной категории и работали по указанию Вилли Жоржеску и других.

Многие же агенты были назначены на работу, которая могла быть исполнена простыми солдатами.

Способ, коим выслеживались иностранцы, прибывающие из заграницы, оставлял желать много лучшего. Агенту давали настолько много лиц для слежки одновременно, что у него нехватало времени, и работа его сводилась в нулю. Часто случалось, что агент, начав слежку и прервав ее, чтобы побывать дома, ввиду множества данных ему поручений терял из виду то одно, то другое лицо и, совершенно упустив его, писал рапорт, совершенно не соответствующий действительности. Вследствие того, что дирекция не давала для своих агентов ни экипажей, ни автомобилей и не давала на расходы по их найму, результаты работы не могли быть удовлетворительны. Множество лиц, способных на шпионаж, оставалось без наблюдения, потому что дирекция не давала соответствующих средств и не принимала мер для выслеживания их по вышеуказанным причинам. Много опасных лиц не было выслеживаемо по той причине, что у агента, которому единолично поручалось вышеуказанное лицо, нехватало физической возможности выслеживать его одному в течение дня и ночи. Г. Панаитеску совершенно игнорировал условия службы своих служащих и агентов, и дело разведки было далеко неудовлетворительно. В то время как разведка противников была на большой высоте, он крайне вяло и нехотя боролся с нею. Г. Панаитеску имел в своих руках соответствующие суммы, чтобы хорошо оплачивать и содержать серьезных агентов, но не хотел этого сделать. Г. Панаитеску не оставил вести ту политику, которая велась Румынией до выступления ее, и продолжал вести и после выступления ее уже вовред стране. Не принимая серьезных мер для борьбы с разведкою противника, он считал более интересным и полезным преследовать разведывательную службу союзников. Например, Панаитеску вел усиленное преследование агентов русской организации, помещавшейся в г. Бухаресте, на страде Романа, № 44. Комиссары, прикомандированные к «Сигуранце», были далеко не способны по своему образованию и своему прошлому, оставлявшему желать много лучшего, к работе, на них возлагавшейся. Так, комиссар Здравку, бывший многократно арестованным прежней полицией за разные темные дела, занял одну из больших должностей у г. Панаитеску.

Комиссар Гусси, отъявленный негодяй и сутенер, находится в настоящее время в охранной полиции.

Охранная полиция, решив посылать в Германию и Австрию своих агентов, вместо того, чтобы держать их в укромных местах до их отправки, заставляла их бывать ежедневно в кулуарах «Сигуранцы», полных всегда агентов неприятельских стран и где последние могли их видеть. Немецкие крупные агенты-организаторы платили большие суммы чинам «Сигуранцы», соглашавшимся состоять у них на службе. Так, напр., некий немецкий агент Бара предлагал Кралю и К° до 60 000 франков за некоторые сведения о России и несение службы у него. Это было сообщено «Сигуранце», но г. Панаитеску не обратил на это внимания, так же как и на предложение австрийским посланником одному из агентов «Сигуранцы» такой же значительной суммы. Другой агент Василиади был захвачен врасплох, когда сообщал весьма секретные сведения германскому агенту Вилли Давидовичу. Последний был после этого арестован, а сообщавший двойной агент остался на службе в «Сигуранце». Вышеупомянутый Василиади был оставлен в Бухаресте, где, вероятно, вошел в связь с немцами. Кроме этих агентов были еще некий Небунелли, совершенный авантюрист и темный делец, и Н. Иорганда, имевший поручение организовать и следить за приезжающими в Бухарест иностранцами в «Гранд-отеле». Но это поручение не мешало ему заниматься самыми темными делами с лицами, за коими он

следил. Тем не менее «Сигуранца» имела несколько агентов серьезных, работавших за совесть, но г. Панаитеску никогда не интересовался их службой. Эти агенты никогда не были запятнаны, что нельзя не отметить. Но и заслуги этих агентов никогда не были оценены.

В заключение нужно сказать, что дирекция этого установления управляла им все время крайне отрицательно.

Верно. Шт.-капитан М о ж а й с к и й.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4-а.

Перевод с французского.

Записка об организации румынской охранной полиции.

Румынская охранная полиция, дезорганизованная ввиду происшедших событий, в настоящее время реорганизуется тем же способом и теми же элементами, что и раньше, и, повидимому, результаты ее деятельности будут те же, что и прежде. Органы охранной полиции следующие: 1) дирекция охранной полиции, 2) политическое отделение и 3) уголовное отделение.

Эти три отдела имеют в своем распоряжении бригады охранной полиции, которые распределены для работы по всей Румынии.

Дирекция ведает общими вопросами и личным составом. Бюро, ведающее делами состава, приглашает на службу лиц и ведет за ними наблюдение. Это бюро находится под руководством инспектора охранной полиции. Практические результаты этого отделения ниже всякой критики, — как, например, случай с агентом Пулька, ныне арестованным, двойным агентом, который работал для охранной полиции, австрийцев и русских одновременно.

Политическое отделение находится под непосредственным руководством г. Панаитеску и ведает всеми делами разведки и контрразведки. Дела провинции находятся всецело в руках бригад. Деятельность этого отдела не соответствует действительному назначению этой службы, ввиду полного отсутствия инициативы у агентов, которая находится всецело в руках г. Панаитеску. Много бумажной переписки и мало практических результатов. Уголовное отделение занимается делами чисто уголовного характера. Это отделение не представляет особого интереса, так как занимается делами безопасности государства и не является своей деятельностью опасной для держав Согласия.

Бригады охранной полиции рассеяны по всей Румынии и занимаются розыском и преследованием лиц, занимающихся шпионством, или преступников как из числа подданных королевства, так и подданных других держав — нейтральных и неприятельских.

Директор «Сигуранцы» г. Панаитеску имеет в помощь себе одного помощника директора, двух инспекторов, несколько комиссаров полиции и необходимый персонал служащих, работающих в бюро. Директор имеет в своем непосредственном распоряжении две бригады агентов от 15—20 человек в каждой. Все служащие в «Сигуранце» одновременно являются агентами. По вступлении Румынии в войну было организовано от 16—18 летучих бригад. Они состояли из македонских и трансильванских румын для наблюдения и борьбы с контр-шпионажем в тылу фронта. Эти бригады также имели обязанность быть в связи с агентами, находившимися позади фронта

противника. Бригады эти в административном и дисциплинарном отношениях были подчинены охранной полиции, а практически были всецело в распоряжении полевых штабов армий. Результаты деятельности этих бригад были далеко неудовлетворительны. Во многих случаях начальники этих бригад, назначенные из бюрократии охранной полицией, при первом же выстреле бросали свои посты, и из этого можно видеть, какова была польза от их существования. Агенты всячески уклонялись от выступлений для устройства связи с агентами, находящимися в тылу у противника. Более одного раза их не удавалось высылать, и то почти силою, через линии противника, для восстановления связи. Многие из них не возвращались, а кто и возвращался, то с таким запозданием, что сведения его, ввиду происшедших перемен и перегруппировок, не имели цены.

Верно. Шт.-капитан Можайский.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5.

Перевод письма директора торгового дома Нестле г. Кульмана французскому посланнику.

Г. министр.

Имею честь довести до вашего сведения о действиях некоторых чиновников префектуры, которые, узнав о моем происхождении из Эльзаса, заставили им уплатить сумму около 2 000 в общей сложности.

Несмотря на то, что в настоящее время я имею французский паспорт, я остаюсь объектом вымогательства денег с их стороны. Так, 11 числа сего месяца один из агентов специальной бригады, по фамилии Пантелли, также потребовал от меня уплаты ему некоторой суммы денег, но получил с моей стороны отказ.

Считая, что недостойно правительственного учреждения иметь у себя на службе лицо, которое, будучи слишком мало оплачиваемо, принуждено унижать и пятнать имя чиновника, я позволяю себе передать это дело вашему превосходительству.

Примите, г. министр, и т. д.

(Подпись) Генрих Кульман.

Верно. Шт.-капитан Можайский.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV [1]).

Бригада румынской охранной полиции в г. Тыргу-Жиу в октябре 1916 года имела среди своего персонала специального агента 1 класса г. Радулеску, который был откомандирован из состава охранной полиции г. Бухареста.

Некий Федор Васильев, бывший ученик земледельческого училища в г. Медиеш в Трансильвании, был заподозрен в шпионаже. Он владел в г. Тыргу-Жиу садом. Агент Радулеску сообщил ему, что он заподозрен в шпионаже, и просил с него 2 000 лей, чтобы не быть арестованным. После некоторой торговли Радулеску согласился получить 1 200 лей за обещание оставить Васильева на свободе. Другой агент «Сигуранцы», узнав об этом и возмутившись (имя его Козьма), донес об этом в «Сигуранцу». «Сигуранца» вызвала Радулеску в Бухарест и сделала ему выговор. Через два же месяца Радулеску получил повышение по службе. Обвиненный в

[1]) Так в подлиннике.

шпионаже Васильев спустя некоторое время был признан невиновным в приписываемом ему преступлении и обратился в «Сигуранцу» с требованием возврата 1 200 лей, кои он дал Радулеску, — тогда «Сигуранца» ему ответила, чтобы он жаловался в суд.

Таким образом, агент Радулеску, позволивший себя подкупить на этот раз человеком, оказавшимся невинным, но который мог быть опаснейшим шпионом, вместо того, чтобы быть смещенным, получил повышение по службе, а пострадавший был направлен в суд самой же охранной полицией.

Агент Радулеску в настоящее время находится в Яссах в Главной дирекции румынской охранной полиции, а Федор Васильев живет в городе Романе.

Верно. Шт.-капитан М о ж а й с к и й.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6.

Дело румынской охранной полиции.

Бригада румынской охранной полиции в г. Тыргу-Жиу в октябре 1916 г. имела среди своего персонала специального агента 1 класса г. Радулеску, который был откомандирован из состава охранной полиции г. Бухареста. Некий Федор Васильев, бывший ученик земледельческого училища в г. Меди ш в Трансильвании, был заподозрен в шпионаже. Он владел в г. Тыгру-Жиу фруктовым садом. Агент Радулеску сообщил ему, что он заподозрен в шпионаже, и просил с него 2000 лей, чтобы он не был арестован и мог спокойно покинуть Румынию. После торговли Радулеску получил 1.200 лей за обещание оставить Васильева на свободе. Это дело было узнано другим агентом Козьма, уроженцем Трансильвании, и этот последний донес об этом в «Сигуранцу». Последняя, будучи убежденной в виновности своего агента, вызвала его в Бухарест и сделала ему выговор. Через 2 месяца Радулеску получил повышение по службе. Обвиненный в шпионаже Васильев, спустя некоторое время, был признан невиновным в приписываемом ему преступлении и обратился в «Сигуранцу» с требованием возврата 1200 лей, которые он дал Радулеску. «Сигуранца» ему ответила, чтобы он жаловался в суд. Таким образом, агент Радулеску, позволивший себя подкупить на этот раз человеком невиновным, но который мог быть опасным шпионом, вместо того, чтобы быть смещенным, получил повышение по службе, а пострадавший был направлен «Сигуранцей» в суд.

Агент в настоящее время находится на службе в «Сигуранце», а Васильев живет в г. Романе.

Верно. Шт.-капитан М о ж а й с к и й.

ПРИЛОЖЕНИЕ 7.

С начала открытия действий комиссии по проверке паспортов иностранцев в октябре 1916 года, нижеследующие лица — германские агенты и изобличенные германофилы — были оставлены на свободе по распоряжению «Сигуранцы» или выпущены на свободу спустя некоторое время:

1) Бернард Шахнер, австрийский подданный, комиссионер. Калеа Виктория, 90.

2) Юлиус Грюнфельд, австрийский подданный, венгерец, владелец фототрафии Флотоклуб, Булевар Акадами, 3. Имеет сына, родившегося в Румынии, принявшего австрийское подданство и находящегося в австрийской армии.

3) Александр Фридман, австрийский подданный, служащий в банке Офе Румыния.

4) Балиан Кирхен, еврей, натурализовавшийся в Румынии, директор общества «Стела Ромына», бывший посредник у немцев. Арестованный румынами за шпионаж, был выпущен последними на свободу.

5) М. Браунс, германский подданный, директор торг. дома «Генрих Ланц», владелец фабрики в Мангейме, имел отделение в Бухаресте. Занимался пропагандой в пользу Германии. В 1914-15-16 годах ездил в Софию, все вечера в Бухаресте проводил в пивной Дюрье. Здесь вращался среди людей шпионской организации Иверсена, где считался своим человеком.

6) Александр Хопфнер, австрийский подданный, служил в торг. доме «Ленц», пропагандист, освобожден был немедленно.

7) Рудольф Паули, германский подданный, представитель торг. дома «Цвейфель», интернированный в начале войны, вскоре был освобожден. Ему протежировал Фурника, бывший председателем Комитета снабжений румынского Красного креста; он числился в этом Комитете, как заведующий бюро.

8) Стерлинг, известный германский агент, директор банка «Женераль Ромына».

9) Бухгольцер, арестованный в Бухаресте за найденный у него аппарат беспроволочного телеграфа.

10) Миллер — соучастник Бухгольцера.

Верно. Шт.-капитан М о ж а й с к и й.

ПРИЛОЖЕНИЕ 8.

Междусоюзное бюро.
Дело № ...

«Стела Ромына», анонимное общество для добывания нефти. Германская контрразведка в Румынии.

В Румынии издавна существует нефтяное общество «Стела Ромына», созданное на германские капиталы. Почти все акции этого общества находятся в руках Дейче-Банк, некоторая часть принадлежит и румынским акционерам. Среди последних был и Карл I румынский, благодаря чему общество пользовалось большими привилегиями. Начав дело с капитала в три миллиона, оно довело их до 150 миллионов. «Стела Ромына» управлялась германцами, но персонал был из евреев и румын. До войны это общество являлось одним из проводников германского влияния в Румынии, но с началом военных действий в 1914 году оно превратилось в центр германского шпионажа в Румынии и особенно в Бухаресте. Управление его помещалось на Булевард Кароль, № 5. Несмотря на подробные доклады, сообщенные румынской «Сигуранце», ею не было принято никаких мер. Наиболее важным шпионом являлся Жорж Страус, главный директор общества. В обществе состоял заведывающий гаражом, некий Фридрих Фриб, уроженец Румынии, но сын австрийцев. Последний, уклонившись от воинской повинности в Австрии, отказался от подданства тамошнего и принял румынское. По своим убеждениям и чувствам он вполне румын. По словам Петреску, полицейского комиссара в Кемпине, Фриб с нетерпением ждал случая, чтобы отдать себя «Сигуранце», чтобы доставлять ей всевозможные сведения о деятельности общества, ее директора и германской миссии, которые его считали своим доверенным лицом. «Румынская звезда» предо-

ставила в распоряжение германцев несколько автомобилей, из коих один был под управлением Фриба.

Последний преимущественно курсировал между Предеалом, Синаей, Кемпиной, Бухарестом и Муржевом, перевозя ящики с военными припасами и шпионскими документами. Этими агентами особенно пользовались каждый раз, когда агенты или курьеры германской миссии должны были перевезти какой-либо транспорт, предназначенный для Турции. Фон дер Буше и Страус очень часто путешествовали в этих автомобилях, никогда не пользуясь для своих путешествий железной дорогой. Несмотря на частые донесения Фриба, поступившего на службу в «Сигуранцу» (с вознаграждением всего лишь в 100 лей, и то неаккуратно выплачиваемых), а также рапорты и другого агента, в коих они осведомляли «Сигуранцу» обо всем, что они могли увидеть или услышать по поводу этих переездов, ею не было принято решительно никаких мер для того, чтобы помешать следованию через Болгарию в Турцию многочисленных транспортов с припасами и документами. Главным образом Фриб систематически осведомлял «Сигуранцу» о тайных свиданиях между Страусом и изменником Верзя, бывшим главным директором почты, а также с генералом Илиеску в то время, когда последний был генеральным секретарем румынского военного министерства, с князем Штирбеем и, наконец, с полковником Стурдзой, с коим он виделся в доме его матери вдовы Стурдзы. Несомненно, что Страус, состоя представителем одного из самых могущественных финансовых учреждений Германии (Дейч-Банка), располагал огромными денежными суммами для подкупа таких лиц, как Стурдза и Верзя. Следствие по этим делам покажет, что измена их—это дело рук Страуса. Путем нескольких дознаний установлено, что германское правительство возложило задачу за какую угодно цену и путем каких угодно средств подкупить видных лиц Румынии, чтобы они не относились враждебно к задачам, преследуемым центральными империями. Румынская «Сигуранца», несмотря на то, что была своевременно осведомлена обо всех действиях, не признала нужным принять меры для разоблачения Страуса, который был германским шпионом, работавшим в Румынии под видом директора «Стела Ромына».

Шофер Фриб в настоящее время работает в качестве механика во франко-румынском гараже и может быть приглашен для дачи объяснений.

Верно. Шт.-капитан М о ж а й с к и й.

ПРИЛОЖЕНИЕ 9.

Междусоюзное бюро.
Дело № ...

Г е о р г и й С о р о д о к, австрийский подданный из Буковины, в возрасте 25—30 лет. В начале войны он дезертировал из Австрии в Румынию, где уже находится более 2 лет. Он состоит управляющим фермой Пража близ Бучиума в нескольких километрах от Ясс. Сородок говорит по-румынски, венгерски, русски и немецки. Он располагает большими деньгами и угощает вином проезжающих мимо русских и румынских автомобилистов. Когда русские войска проходили мимо, он приглашал к себе солдат наиболее интеллигентных и занимался расспросами. Будучи, несомненно, выше по своему положению современного состояния, он сам никогда не занимается ручным трудом. Очень часто отправляется в Яссы, под предлогом продажи молока, но между тем никогда це хотел продавать молока французскому госпиталю, расположенному в расстоянии 500 метров от его дома. Он по-

стоянно ведет с солдатами разговоры, носящие характер германофильской и антимилитаристической пропаганды. Это было неоднократно засвидетельствовано шоферами, состоящими на службе французского госпиталя.

Несмотря на жалобы со стороны администрации французского госпиталя, а также заявления российского военного агента, Сородок был оставлен в полном покое, повидимому, вследствие заступничества г. Пража, имеющего родство с одним из министров. Мало того, Сородоку примарем Бучиума был выдан вид на жительство, единственный документ, которым Сородок располагает.

Верно. Шт.-капитан М о ж а й с к и й.

ПРИЛОЖЕНИЕ 9-а.

Междусоюзное военное бюро.
Дело № ...

А б р а м П о р ж е с и его жена Сали, несмотря на свое австрийское подданство, были оставлены на свободе в Яссах. Не удовольствовавшись этой терпимостью, они решили путешествовать и стали просить разрешения ехать в Дорохой.

Сначала они обратились в комендантское управление г. Ясс. Здесь им было отказано.

Вторую просьбу они предъявили в префектуру г. Ясс, но и здесь они получили отказ от г. Рафаила.

Но, наконец, по распоряжению г. инспектора Вилли Джоржеску, охранная полиция выдала этим австрийцам румынские паспорта №№ 108544 и 108549, за подписью г. Смынтанеску, с пометкой: 3 июня 1916 года — в г. Бухаресте.

Верно. Шт.-капитан М о ж а й с к и й.

ПРИЛОЖЕНИЕ 10.

Перевод с румынского.
Секретно.

Министерство внутренних дел.
Управление общей и государственной полиции. Специальная охранная бригада в Тульче (ныне Текучи).

Господин директор.

Агент 234, принадлежащий к названной бригаде, доносит нам следующее.

Несколько дней тому назад он встретил офицера администрации (военный чиновник) Ивана Маркова, уроженца Тульчи.

Этот офицер, по происхождению болгарин, был ему известен как враждебно относившийся к национальному делу Румынии. Он был ему известен как хороший болгарский патриот, и агент знал, что бывающее ежегодно в день святых Кирилла и Мефодия торжественное собрание болгарского клуба произошло в этом году в винограднике Маркова; на собрании произносились речи и провозглашались тосты за победу центральных держав и в честь Болгарии.

Агенту известно, что накануне объявления общей румынской мобилизации, когда происходила реквизиция лошадей и повозок для полков, квартировавших в Тульче, Марков, сам офицер запаса, кричал толпе, по

преимуществу состоявшей из болгар, находившихся тут же: «Лучше убить лошадей, чем давать их румынам». Вследствие раздавшихся в толпе протестов полиция должна была вмешаться, и был о происшедшем даже составлен протокол, который был направлен местному коменданту.

Агенту также известно, что до румынской мобилизации Марков входил в состав австро-германского консорциума и направлял туда весь продававшийся хлеб.

Наконец, агенту также известно, что как Марков, так и его брат советовали болгарскому населению департамента Тульчи не принимать румынских кредитных билетов, так как со дня захвата Добруджи эти билеты потеряют всякую цену, тогда как никелевая и серебряная монета своей цены никогда не потеряет.

Все это в соответственное время было вам донесено, и агент № 234 был чрезвычайно удивлен, увидев, что ныне Иван Марков не только произведен в лейтенанты, но, сверх того, еще назначен на ответственное место — офицера для связи между интендантством румынских войск и русским 30 армейским корпусом.

Об изложенном доношу на зависящее распоряжение.

Начальник бригады С. Думитреску.

Господину директору полиции и государственной охраны (Сигуранцы Женерала) в Яссы.

Верно. К[оллежский] сов[етник] [1]).

ПРИЛОЖЕНИЕ 10, ЛИСТ 2.

Копия телеграммы военного агента в Румынии полковника Палицына генерал-квартирмейстеру штаба армии румынского фронта от 17 февраля 1917 года за № 161.

Доношу на зависящее распоряжение, что в случайно попавшем ко мне документе, составляющем служебное секретное донесение одного из чинов румынской охранной полиции от 9 февраля своему начальнику, сообщается, что офицер административной службы поручик Марков, по происхождению своему болгарин, крайне германофильских убеждений, открыто их высказывающий, до начала войны Румынии бывший на службе австро-германцев по закупке продуктов, в настоящее время, якобы, состоит офицером для связи между румынским интендантством и интендантством нашего 30 корпуса. Данных для заключения о верности этого донесения никаких не имею. Доносит лицо нам сочувствующее. № 161.—Палицын.

Верно. Шт.-капитан Можайский.

ПРИЛОЖЕНИЕ 10.

Копия с копии.

Румынская главная квартира.
Разведывательное отделение.
30 марта 1917 года.

Его превосходительству
начальнику штаба помощника августейшего главнокомандующего армиями румынского фронта.

В ответ на сношение № 100656, от 5 марта 1917 года, имею честь довести до сведения вашего превосходительства, что интендантский поручик

[1]) Подпись отсутствует.

Марков Иван находится при начальнике интендантского управления IV русской армии, так же как и подпоручик Демир Демиров, на основании сношения полковника Ильинского за № 46400 от [1]) декабря 1916 года. Все сведения, которые имеются у вашего превосходительства, вполне соответствуют с теми сведениями, которые мы получили впоследствии, и интендантский подпоручик Демир Демиров, благодаря своим враждебным чувствам по отношению к нашей стране, так же виновен, как и поручик Марков. Имею честь уведомить ваше превосходительство, что мы спешно приняли нужные меры к тому, чтобы эти два офицера были заменены при командующем IV армией, и относительно их будет возбуждено нашим военным судом следствие.

Подписал за начальника штаба главной румынской квартиры генерал К р и с г е с к у. Скрепил начальник разведывательного отделения подполковник К о н д е с к у. Верно. Ротмистр К и р п о т е н к о.
Верно. Шт.-капитан М о ж а й с к и й.

ПРИЛОЖЕНИЕ 11.

Извлечение из доклада, сделанного полковником Флореску генералу Презану.

Еще до эвакуации Бухареста военные власти столицы пришли к убеждению, что нам необходимо отказаться от сведений, сообщаемых Главной дирекцией румынской охранной полиции, и что это учреждение лишь по внешности находится в подчинении у высшего военного командования.

Вследствие этого представляется необходимым образовать особую службу розыска и поручить ее г. Стелиану Попеску, бывшему следователю в г. Бухаресте, известному по своей деятельности во время службы в дирекции специальной полиции при комендантском управлении г. Ясс.

Средства, которые были даны в его распоряжение, были весьма ограничены: 8 солдат пешей жандармерии... [2]) с отпуском на каждого по 3 леи в день для покрытия расходов на продовольствие и другие надобности.

Со столь незначительным персоналом эта служба начала функционировать с 8 января 1917 года, и в течение 8 дней было обнаружено: продажа спиртных напитков без разрешения, неприменение закона о благотворительных марках, продажа запрещенных брошюр, условная корреспонденция, спекуляция со съестными припасами и другие менее важные злоупотребления, о которых производится дознание.

В то же время охранная полиция обнаружила лишь одну попытку шантажа, одно незначительное преступление, о котором было заявлено соседом потерпевшего лица, и одну кражу живности.

Эти обстоятельства подали повод поручить поручику Попеску наблюдение за агентами секретной полиции, а также за ее комиссарами, которые не исполняют своего долга.

Обстоятельство, мешающее полиции исполнять свой долг, это — вмешательство политических деятелей. Так, напр., префект полиции мне показывал австрийский календарь в красках, книгу с портретом Гинденбурга и другие тенденциозные брошюры, которые были конфискованы в книжном магазине Сочека, однако спустя несколько дней после опечатания его

---

[1]) Пропуск в подлиннике.
[2]) Точки в подлиннике.

магазина они были ему возвращены и оставлены без запрещения ввиду ходатайства министра Марзеску.

Несмотря на меры, принятые для арестования Сочека, этот последний был выпущен на свободу без ведома военного ведомства.

В течение того же времени поручик Стелиан Попеску арестовал некоего Кароля Тишлера, при коем были найдены документы, доказывающие, что он получил право на вывоз из Германии медикаментов на 100 000 франков, и три разрешения от министра Радовича на получение 24 000 килограмм сахару. Он продавал килограмм сахару за 4 франка, из коих один давал г. В. Поп, которому покровительствовал г. Радович и при помощи коего были получены эти разрешения.

Верно. Шт.-капитан М о ж а й с к и й.

ПРИЛОЖЕНИЕ 12.

Перевод письма, адресованного подполковнику главной румынской квартиры Флореску Стелианом Попеску, бывшим депутатом и следователем, на коего возложена организация контр-разведывательной службы при комендантском управлении города Ясс.

Ввиду особой важности значения охранной службы, предусматриваемой новым сводом военных законоположений, я был в начале января с. г. прикомандирован к комендантскому управлению г. Ясс для организации этого дела.

С организационными средствами и небольшим числом агентов, вначале 6 и теперь 10, мне удалось наладить работу. Я завербовал агентов среди солдат милиции и пеших жандармов. В продолжение месяца я разобрал 60 дел и почти все были представлены на усмотрение военного совета.

Главной целью моей деятельности, на каковую я был признан достойным быть назначенным, был розыск неприятельских шпионов. Среди вышеуказанных дел мною были обнаружены два опасных германских шпиона: Тишлер и М. Фотгадис. Тишлер, имея многочисленные связи во всех слоях общества, был приведен ко мне по обвинению в спекуляциях с сахаром. В этом деле оказались замешанными и профессора университета и депутаты. Обыск, произведенный у него на квартире, обнаружил одну переписку и разрешение на вывоз из Германии в Румынию в мае 1916 года на 100 000 франков медикаментов.

Тишлер отказался назвать лицо, при помощи которого им было получено от немцев это разрешение. С этого момента я убедился, что это—шпион. Он был арестован 15 января.

Я по телефону запросил тогда охранную полицию («Сигуранцу»), не известно ли что-нибудь о Тишлере. Мне дали отрицательный ответ. Равным же образом я обратился с тем же вопросом к французской миссии, на что мне было сообщено, что Тишлер известен как шпион.

Продолжая розыск, я узнал, что один из агентов «Сигуранцы» являлся в комендантское управление выведать причины, по коим арестован Тишлер, причем старался это выпытать от моих людей, вместо того, чтобы прямо обратиться ко мне. На другой день меня вызвал г. Панаитеску и сообщил, что Тишлер—шпион и что у него имеется целое о нем дело. Один из моих агентов, Николаэ, мне сообщил, что Тишлер имел у себя спрятанную мануфактуру, и г. Панаитеску мне сказал то же самое. Тишлер сознался, что он получил от Ионеску, субдиректора комиссии экспорта и импорта

при министерстве торговли, товары для продажи. Эти товары составляли часть склада материалов, которые подлежали продаже Ясскому банку. Я обнаружил около одного вагона этих товаров. Тогда я арестовал Ионеску, который сознался в краже. Он мне объявил, что, увидев, что товары, стоющие более 500 000 франков, продаются за 185 000 франков, он отдал приказание своему помощнику Григореску вытащить часть товаров, которую он и передал Тишлеру за сумму около 50 000 лей.

Арестованный затем Григореску показал, что он это сделал по приказанию Ионеску. Он также заявил, что Ионеску действовал так потому, что министр Радович продал Ясскому банку, представителем коего являлся сенатор Ботез, два миллиона товаров за ничтожную сумму.

Тишлер уже продал часть товаров местным евреям за 42 000 лей. Проверив по инвентарю предметы, переданные Тишлеру, я констатировал, что он был неправилен и что стоимость этих вытащенных материалов достигает 100 000 франков.

Исследуя вопрос о причастности Тишлера к шпионажу, что меня интересовало более всего, я установил, что Тишлер был в сношениях с известным германским шпионом Вилли Давыдовичем, заключенным в концентрационный лагерь.

Из дел, имеющихся в «Сигуранце», следует, что там имеется два дела о Тишлере. Одно за № 8458/916—ясской бригады, другое № 1177/АС917—Главной дирекции в Бухаресте. В первом можно видеть: на первой странице сообщение (нота) агента (Брауншгейна), который доносит от 23 марта 1916 г. начальнику ясской охранной полиции, что Тишлер—германский шпион, который достал разрешение на экспорт медикаментов. Об этом ясская полиция донесла в Бухарест в Главную дирекцию сношением от 1 апреля 1916 года № 2661. 22 июня 1916 года тот же агент доносит ясской «Сигуранце», что Тишлер получает свою корреспонденцию по ящику бухарестского почтамта № 501 и что это—шпион, о котором он доносил еще 9 января 1913 года. 21 декабря 1916 года тот же агент донес, что Тишлер держит спрятанные товары. На эти донесения ясская полиция не получила из Бухареста никаких указаний. В том же деле можно видеть, что Тишлер является шпионом германской миссии.

30 декабря 1916 года агент № 286 опять доносит, что Тишлер—шпион, причем в его донесении имеется примечание: «Он мною отмечен в таблице № 2 и в специальной таблице румын».

3 марта 1916 года агент № 289 обнаружил, что Тишлер—австрийский шпион и получает свою корреспонденцию в почтовом ящике № 501 в бухарестском почтамте.

31 декабря 1917 [1]) года комиссар Иорданеску уведомил Главную дирекцию, что русский капитан Можайский ему заявил, что Тишлер—шпион.

3 января 1917 года агент № 33 донес «Сигуранце», что Тишлер находится в Яссах и что, по словам шпиона Файнару (находящегося в концентрационном лагере) Тишлер работал непосредственно с полковником Рандой.

7 января г. Панаитеску приказал произвести обыск у Тишлера.

28 января директору полиции стало известно, что Тишлер арестован по распоряжению комендантского управления.

Г. Панаитеску мне тогда заявил, что лицо, которому было поручено производство обыска, приказания не исполнило и что оно за это наказано. В деле Главной дирекции не имеется никакого следа о донесениях ясской

[1]) Очевидно, следует: 1916.

охранной полиции по поводу Тишлера. Возможно, что эти донесения вытащены, но кем?

Г. Панаитеску мне показал на деле Главной дирекции знак, который означал, что Тишлер должен быть арестован в ночь мобилизации. Но в действительности Тишлер был арестован только мной.

Мое следствие было направлено, главным образом, для раскрытия преступления по шпионажу, но я не мог оставить в стороне также и другие злоупотребления, констатированные при расследовании дела. Вчера вечером я получил от коменданта г. Ясс уведомление, что мое следствие слишком мелочно и что подобным поведением я превышаю свои обязанности. Я должен, по его мнению, приостанавливать дознание всякий раз, когда обнаруживается, что в деле замешаны политические деятели.

Затем он меня уведомил, что я замещен другим лицом, которое уже вступило в исполнение своих обязанностей 6 февраля, после арестования г. Ионеску, имевшего место 4 февраля 1917 года.

Считаю долгом еще добавить, что Тишлер был в хороших отношениях с военным министром. Я вполне принимаю на себя ответственность, утверждая, что устранением от должности я обязан тем политическим деятелям, участие коих в подозрительных делах было обнаружено мной.

Поручик Стелиан Попеску.

Записка № 1.

1177/А 917.
ИНФ. ОПС.

Подлежит внесению в таблице Сипореску для П.

Кароль Тишлер, живущий по улице Генерал Флореску, № 9, состоит на службе германцев.

Регулярно посещает агентство по улице Козьма, № 10.

В. Д.

18/XI 1915.

Гусси.
Стр. 286/4.

Записка № 2.

30 декабря 1915.

Работа на службе у германцев отмечена мной в таблице 2 и специальной румынской таблице. Д.

1177 А. О. 670 О. С.

Главной дирекции общей и охранной полиции. Агент № 286.
31/XII Инобих.

Гусси.

Относительно субъекта Карла Тишлера сообщаю вам, что он происходит из г. Ясс, еврей, румынский подданный; он проживает в Бухаресте у своего двоюродного брата д-ра Стоматопула, улица Генерал Флореску, № 9, Поликлиника Санататеа. Он получает от этого последнего в качестве комиссионера фармацевтические товары, медикаменты, в коих нуждается. Он занимается также продажей угля, добываемого на минах Дорманешти, которые им эксплоатируются в сообществе с г. Попа, проживающим в этой

местности. По полученным мною сведениям, Тишлер проживает, якобы, по Калеа Гривица, где он живет с одной женщиной. Я произвел опрос в различных меблированных домах этого и ближайших кварталов, а также почтальонов, обслуживающих Калеа Гривиц, и не нашел ни малейшего следа этого имени. Эти сведения мне были доставлены мальчиком, служащим у д-ра Стоматопула. Возможно предполагать, что этот последний, кто бы мог указать истинный адрес своего шурина, старается скрыть правду. Приметы Тишлера, которые были даны, следующие: среднего роста, худощавый, жидкие волосы, маленькие усы, шатен, карие глаза, возраста 27-29 лет, овал лица продолговатый, смуглый. Почти каждый день он приходит к своему зятю (Стоматопуло).

Записка № 3.

1177. Дирекция общей и охранной полиции.

5.III 1916 г.

Тишлер—еврей, румынский подданный, из Ясс, не имеет занятий, проживает в Бухаресте, состоит в качестве военного разведчика на службе у австро-германцев и полковника Ранда. Его мать имеет в Яссах мебельный магазин, довольно известный. Он приходится шурином д-ру Стоматопулу, еврею, который имеет клинику на площади св. Георгия м. Вольнер [1]) из отеля «Континенталь» является агентом полк. Ранда.

Ф.

Бог. П.

Оба известны Б.

№ 1177.
Дирекция общей и охр. полиции. Ясская бригада.
Дирекция общей и охр. полиции
Ясская бригада.
Агент А. № 1.

22 июля 1916 года.

В. П. *Представить в Гл. дир.* За нач. бриг. подп. Ботез.

Записка № 4.

Имею честь уведомить и представить записку негласного агента № 1 и вам доложить, что о Кароле Тишлере известно Главной дирекции общей и охранной полиции по рапорту моему № 123 от 9/I 1913 г. Подписал Ботез. № 6176.

22 июля 1916 года.

Вследствие сообщения, сделанного мною вам относительно Кароля Тишлера, который является агентом австрийской и германской миссии и скрывает место своего жительства, сообщаю вам, что он имеет на центральной почте ящик № 501, где получает свою корреспонденцию. ЕХ. № 23.

П.

---

[1]) Так в подлиннике.

Записка № 5.

Дело 1177.
Агент № 33.

Яссы. 3 января 1917 года.

Сообщаю о присутствии в Яссах очень известного еврея Кароля Тишлера, проживавшего в Бухаресте в течение всего периода нейтралитета и который, по сведениям филера, работает непосредственно с австрийским военным агентом полковником Рандой. Он проживает в своей семье по улице Стефана Великого, № 33. Его брат — владелец магазина драгоценностей и часов.

5/I 1917 г.

Срочно.

(Заметка главного директора о сообщении ему того же полковником Палицыным).

Записка № 6.

Яссы. 1 декабря 1916 г.

1177. АС.

Сегодня капитан Можайский мне говорил, что известный шпион Тишлер замечен им в Яссах и имеет голландский паспорт. Я ему обещал заняться этим субъектом и узнать, находится ли он действительно в Яссах.

Винт. Ионеску.

Записка № 7.

Яссы. 1917 г. 28 января.
28/I 1917 г.
А. М. В. Ионеску.

Я узнал, что Тишлер будто арестован комендантским управлением и что при нем найдено 45 000 лей. Это мне сообщил Каминский (агент). Является необходимым узнать в комендантском управлении, действительно ли Тишлер арестован и верно ли, что при нем найдена такая сумма.

С. Т. I.

Верно. Шт.-капитан Можайский.

Архив Ясской «Сигуранцы».
Специальная бригада в Яссах.
Агент № 1.
С рапортом № 2822/I/4910.

Записка № 1.

Согласно № 2661/4
B. I.
Копию в дирекцию.
23 марта 1916 года.

Я узнал, что Кароль Тишлер, бывший коммерческий чиновник, родом из Ясс, проживающий в Бухаресте, ныне находится на службе германской миссии в Бухаресте. В награду за свою службу он получил разрешение на вывоз медикаментов на сумму 40 000 лей, и, чтобы скрыть эту операцию,

она была совершена на имя Кауфман. Тишлер ныне хлопочет получить паспорт, который бы ему позволил проехать в Берлин, куда он посылается германской миссией. Тишлер получает свою корреспонденцию с давних пор по почтовому ящику № 499. Его местожительство неизвестно, но он живет [то] в одном доме, то в другом. Он часто посещает своего зятя д-ра Стоматопула, ул. Генерала Флореску, № 9. Он также имеет часто свидания с некоторыми чиновниками военного министерства.

Представляю это сообщение на ваше усмотрение и распоряжение.

(Этой данной в делах г. Панаитеску не имеется).

Архив Ясской «Сигуранцы».
Главная дирекция общей и охранной полиции.
Ясская бригада.
Агент № 1.
22 июля 1916 года.
№ 61—22—7—1916 г.

22 июля 1916 г.

Секретно.

В. I. В копии дирекции общей и охранной полиции Спец. ком. Вос.

Записка № 2.

Имею честь уведомить и представить вам записку агента № 1, что о Кароле Тишлере было донесено в Главную дирекцию общей и охранной полиции рапортом нашим от 9/1 1913 г. № 123.

Шеф Бюро спец. комиссара В о с.

Ввиду имеющихся у вас сведений, что Кароль Тишлер состоит агентом австро-венгерской и германской миссий, имею честь вас уведомить, что он нанимает в Бухаресте почтовый ящик № 501, где, я думаю, что он получает подозрительную корреспонденцию. Сообщаю для сведений—для зависящих распоряжений.

(Этой записки не имеется в деле Панаитеску).

Отд. Ботошаны.

Архив Ясской «Сигуранцы».
№ 95—83 3/II 1916
и № 9584 3/II 1916.

Записка № 3.

Г-ну директору общей и охранной полиции Бухареста.

Имею честь просить в сообщении нам, констатировано ли что-либо подозрительное против еврея Кароля Тишлера, отмеченного нами нашим № 2661 от 1/4 1916 г. как находящегося на службе в германской и австро-венгерской миссиях и получающего корреспонденцию по почтовому ящику № 499. В утвердительном случае мы могли бы принять против Тишлера меры, ибо он находится ныне в Яссах. Нам известно, что в последнее время в Бухаресте он жил по ул. Генерал Флореску №... по ул. Фрумоса, № 18. Он, кажется, имел в Бухаресте бюро, для коего получалась корреспонденция по почтовому ящику № 499 и где можно было бы получить на его счет сведения.

(Этой записки в делах г. Панаитеску не имеется).

21 декабря 1916 года.

Архив Ясской «Сигуранцы».
Мин. вн. дел.
Главная дирекция общ. и охр. полиции.
Ясская специальная бригада.
А—а № 1.

Записка № 1.

Мне известно, что некий м. Ионеску, начальник Бюро Экспорт и Импорт, извлек из депо Ясского банка материй и предметов на сумму в 40 000 лей. Эти товары привезены в Яссы из Бухареста и Браилова. Украденные товары были переданы Каролю Тишлеру, которому Ионеску поручил их продажу. Доход от продажи должен был поделен между ними. Товары были сложены в магазине, принадлежащем Каролю Тишлеру по ул. Морзеску, близ портного Шварца. Окна и двери прикрыты материей и картинами, дабы нельзя было видеть, что находится внутри. В магазине имеются двери, ведущие в большую залу, в одну маленькую комнату и в погреб. Этикеты товаров сорваны Тишлером. Сообщаю вам для зависящих распоряжений.

Примечание. Таким образом один из агентов Ясской «Сигуранцы» донес, что Тишлер спрятал эти товары, однако Главная дирекция ничего против Тишлера не сделала.

Верно. Шт.-капитан Можайский.

ПРИЛОЖЕНИЕ 13.

Копия рапорта военного агента в Румынии генерал-квартирмейстеру штаба румынского фронта 10 февраля 1917 года № 140.

Вследствие телеграммы № 100247 доношу: с конца 1915 года в штаб юго-западного фронта из целого ряда источников стали поступать сведения, что проживающий в Бухаресте русский подданный, измаильский купец, Иосиф Нафруль Абрамович является одним из наиболее видных агентов австро-германцев по шпионажу в России. Почти одновременно с этим Абрамович, повидимому, для более успешного выполнения возложенных на него задач, предложил свои услуги штабу Одесского военного округа. Контрразведывательное отделение этого штаба некоторое время пользовалось его услугами. Однако сношение с ним было прекращено вследствие выяснения его истинной роли. По некоторым данным, в то же время в качестве агента служил в румынской охранной полиции и, вероятно, продолжал свою вредную деятельность. Ввиду предписания генкварверха от 12 октября 1916 года за № 5517 мной было предложено румынскому правительству в конце октября минувшего года арестовать Абрамовича и выдать его России. По арестовании Абрамовича ввиду происходившей эвакуации Бухареста он был отправлен в тюрьму в г. Хуш. В декабре месяце последовало согласие румынского правительства на выдачу нам Абрамовича. Однако штаб Одесского военного округа просил, дабы, в целях контрразведки, Абрамович на некоторое время был переведен в тюрьму в г. Дорохой. Директор румынской охранной полиции мне сообщил тогда, что распоряжение это сделано. В конце января мною были получены агентурные сведения, что румынской охранной полицией распространяются слухи, что Абрамович убит при крушении поезда у ст. Чурея 31 декабря, когда он перевозился при конвое из Хуша в Дорохой. Я немедленно запросил г. Панаитеску, насколько это верно. Г. Панаитеску заявил, что действительно Абрамович следовал с этим поездом и что вслед за крушением спасшийся каким-то чудом конвой обнаружил исчезновение арестанта. Убежал ли при этом Абрамович или погиб, установить, по словам г. Панаитеску, было трудно вследствие того, что многие трупы настолько обуглились, что распознание их не представлялось возможным. Но все же,

по мнению г. Панаитеску, Абрамович погиб. Донесение об исчезновении Абрамовича, как заявил Панаитеску, дошло до него с большим опозданием, а посему он не мог об этом своевременно поставить меня в известность. Ныне я имею агентурное сообщение, что Абрамович несомненно жив и находится в Румынии, вследствие чего мною приняты меры к выяснению места его нахождения. Обстоятельства побега Абрамовича, а также и факт следования его в поезде, потерпевшем крушение, настолько подозрительны, что мною также приняты меры к проверке всей этой истории совершенно секретным путем, дабы, по донесении сего посланнику, привлечь к ответственности чинов румынской полиции. Пока, в интересах дела, полагаю крайне желательным не доводить до сведения румынского правительства относительно наших подозрений насчет действий румынской охранной полиции. Все сведения, кои будут мною получены по делу Абрамовича, мною будут донесены дополнительно.

Подлинный подписал полковник П а л и ц ы н.
Верно. Шт.-капитан М о ж а й с к и й.

ПРИЛОЖЕНИЕ 14.

Копия рапорта военного агента в Румынии полковника Палицына генерал-квартирмейстеру штаба румынского фронта от 17 февраля 1917 года за № 170.

При сем представляю копию полученного мною агентурным путем документа, из коего можно установить, что румынской полиции даны указания собирать сведения о нашей армии при помощи негласных агентов. В исходящем журнале начальника той же бригады «Сигуранцы» записано за № 8 от 13 января сего года «Мишкареа Трупелор Русс», т. е. о движении русских войск.

Приложение: Копия документа.
Генерального штаба полковник П а л и ц ы н.

К о п и я д о к у м е н т а.

Минист. внутр. дел.
Дирекция общей и охран. полиции.
Тульчинская специальная бригада.
№ 27.

8 ф е в р а л я 1917 г. Г. Т е к у ч.

Секретно.

Господин директор.

Агент № 234 нам доносит следующее: однажды вечером он разговаривал с одним русским унтер-офицером, служащим в штабе, который ему сказал, между прочим, что в рядах русской армии существует движение, грозящее принять большие размеры. Это движение заключается в недовольстве, что солдат послали на чужой фронт и что даже 6 полков пехоты отказались итти на румынский фронт. Имея ввиду важное значение, которое имеет для нас этот вопрос, а также сведение, что вскоре русская кавалерия покинет Румынию и уйдет в Россию, я просил названного агента, чтобы он продолжал свою разведку относительно того, что он мне донес, и во время другого разговора тот же унтер-офицер ему сообщил, почти не ожидая вопроса: «Ты видел, что то, о чем я говорил, оправдывается, и те 6 полков отказались. Теперь уходит кавалерия, под предлогом, что нет фуража. Но на самом деле фуража достаточно, но уходит оттого, что они солидарны с пе-

хотинцами». В то же время агент № 109, который не знал того, что доносит агент № 234, нам сообщил следующее: «В кофейне «Комерсиаль» этого города я завел знакомство с двумя русскими военными мусульманского происхождения, из коих один называется Зехерия и состоит деньщиком у русского полковника, другой же—Гассан. Эти, между прочим, мне сказали, что в рядах русской армии существует враждебное течение против Румынии и что это течение примет неожиданные размеры. На вопрос, вследствие какой причины это происходит, мне было отвечено, что это потому, что русская армия, пришедшая на наш фронт, очень плохо принята румынами, что вызвало возмущение не только солдат, но даже и офицеров». О сем доношу вам, господин директор, для сведения.

Подписал начальник бригады Думитреску.
Верно. Шт.-капитан Можайский.

ПРИЛОЖЕНИЕ 15.

Копия телеграммы военного агента в Румынии полковника Палицына в генквар IX от 11 января с. г. за № 57 и генкварюз за тем же №.

Прошу сообщить, не имеется ли каких-либо сведений о начальнике румынской охранной полиции Флору. № 57.

Подписал полковник Палицын.

Копия телеграммы генерала Духонина от 24 января с. г. за № 10498.

На № 57. По имеющимся в штарм IX сведениям и документальным данным, Флору высылал своих тайных агентов в занятую нами Буковину для выяснения организации и личного состава нашей контрразведки и общего настроения в занятой области. Доклад составлен им в явно враждебном нам тоне и был представлен Флором в министерство. По имеющимся агентурным сведениям, во время нейтралитета Румынии Флору занимался двойным шпионажем не в пользу России и вел специальное преследование лиц, заподозренных им в сношениях с нами. По сведениям румынских источников, Флору — убежденный германофил, не заслуживающий доверия. За время службы шефом «Сигуранцы» в Ботошанском округе проявлял полную бездеятельность в борьбе со шпионажем противника. Вообще—лицо, враждебное нашим интересам. Флору пользуется особым доверием директора румынской полиции г. Панаитеску, пытавшегося прикомандировать Флору в штарм IX. № 10498. Духонин.

Верно. Шт.-капитан Можайский.

К истории «Рабочей группы» при Центральном военно-промышленном комитете.

«Превращение отдельных лиц из радикальных с.-д. и революционных марксистов в социал-шовинистов — явление, общее всем воюющим странам» (Ленин).

Касаясь России, В. И. писал, что «течение» легалистов, которое, благодаря тысяче связей с либеральной буржуазией, было реальностью в России в 1910—1915 гг., завершило свое оппортунистическое развитие, обогатив свою программу крайне важным пунктом: «проведением в рабочий класс идей, сводящихся к необходимости охранять и укреплять, хотя бы ценой войн, великодержавные преимущества и привилегии великорусских помещиков и буржуазии».

Такими ренегатами социализма и предателями рабочего класса в России во время империалистической войны были «Рабочие группы» при Военно-промышленных комитетах. Конечно, одни эти группы были бессильны влиять на рабочее движение, как бессильно было и черносотенное правительство со своей проповедью в рабочей среде. Но, «когда эти две силы объединились, когда Хвостов подал руку гвоздевцам, когда союз оппортунистов с правительством стал фактом, а поддержка этого союза со стороны либеральной буржуазии приобрела невиданные размеры — тогда этот союз получил известное значение в рабочем движении России».

Тем не менее это явление В. И. нисколько не смущало. В статье «У последней черты» он писал: «Она (война) не только убивает «скорострельной пушкой» оппортунизм и анархизм, она великолепно разоблачает также авантюристов и переметных сум социализма. Для пролетариата в высшей степени выгодно, что эту предварительную чистку его движения история начала делать накануне социалистической революции, а не в самом ходе ее». Опыт нашей революции блестяще это подтвердил. Чем быстрее разоблачалась контрреволюционная сущность оппортунистов всяких мастей (меньшевиков, эсеров, троцкистов, право-левацкого блока, группы Рютина и др.), тем быстрее и легче революция крепла и поднималась на высшую ступень.

Национализм и шовинизм в русском рабочем движении отравляли чистоту пролетарской идеологии и подчиняли ее интересам и нуждам правительства и буржуазии. То же самое мы видим сейчас и во всех капиталистических странах, где с.-д. партии, все более заражаясь национализмом, быстро приближаются к чистому фашизму в лице гитлеровской партии национал-социалистов.

Опыт большевистской борьбы с оппортунизмом, центризмом и примиренчеством как в русском рабочем движении, так и на международной арене имеет исключительный практический интерес для международного революционного движения наших дней, когда социал-демократия проходит заключительный этап своего развития, став уже сейчас главной социальной опорой буржуазии.

В этом смысле история «Рабочих групп» как одного из отрядов русских национал-социалистов заслуживает серьезного внимания.

* * *

Центральный военно-промышленный комитет возник в мае 1915 г. в результате кампании за «милитаризацию промышленности» при российской организации локаутчиков — «Совете съездов представителей торговли и промышленности». 25—27 июля 1915 г. состоялся съезд представителей местных и областных Военно-промышленных комитетов, выработавший устав. 27 августа этот устав прошел через Государственную думу, был утвержден царем и стал законом в виде «Положения о ВПК». Согласно этого положения ВПК является «общественной организацией», в состав постоянных членов коей входят также и представители рабочих в числе десяти, по одобренному Советом министров «наказу об образовании комитетов».

В приглашении рабочих принять активное участие в работах Центрального военно-промышленного комитета последний так определял задачи рабочих делегатов: «Участвуя в трудах Центрального военно-промышленного комитета, представители рабочих будут содействовать великому и святому делу помощи нашей армии. Они помогут наилучшему выяснению условий повышения производительности заводского труда и будут содействовать более успешной работе на оборону страны».

Мысль впрячь «самих» рабочих в колесницу милитаризма возникла еще в феврале 1915 г. на втором съезде представителей городов, где по предложению Н. И. Астрова была дана главному и областным комитетам директива «образовать совещание по экономическим вопросам с целью изыскания мер борьбы с растущей дороговизной продуктов первой необходимости». В связи с этим решением 11—13 июля было созвано совещание по борьбе с дороговизной, на которое были приглашены и представители рабочих. Как видно из записки провокатора Поскребухина [1]), мысль о приглашении рабочих на совещание была кадетам подана социал-демократами меньшевиками, «желавшими привлечением рабочих к участию в совещании по вопросу о снабжении армии доказать лойяльность последних». Русские либералы сначала не дооценили этого ценного социал-предательского совета, но потом ухватились за него и в союзе с инициаторами начали развертывать свою новую рабочую политику.

Если на совещании по борьбе с дороговизной из этой политики ничего желанного для буржуазии не получилось, то потом, с помощью тех же меньшевиков-оборонцев, эту мысль она реализовала путем создания «Рабочих групп» при ВПК.

Идеологам «Великой России» — от Струве до Гучкова и Рябушинского, плохо скрывавшим истинные интересы войны, «обработка» рабочих в нужном буржуазии духе не удавалась, и им на помощь пришли социалисты, «приявшие войну». Последние использовали во-всю свою близость к рабочим массам, отдали весь свой авторитет, все свои знания задаче преподнести рабочему националистическую отраву, весь запас «марксистской» фразеологии приспособили к интересам империалистической буржуазии.

Рабочий класс России с презрением отвернулся от этих предателей, использовавших свое положение «представителей рабочих» в ВПК для борьбы с развивающимся стачечным движением. Они вырабатывали проекты примирительных камер, всюду совались со своим посредничеством и стремились всячески уменьшить количество конфликтов. Через своих сторонников давали советы, чтобы рабочие обращались к ним с петициями, организовывали анкеты и т. д. Во время конфликтов выказывали необыкновенную суетливость, но их дипломатические старания, как известно, — о чем свидетельствует и печатаемая нами справка, — не имели успеха.

В Петербурге на первом собрании для выборов представителей в ВПК (27/IX 1915 г.) рабочие отказались войти в ВПК и в принятой большинством декларации заявили: «Лозунг «защиты отечества» и его разновидностей — защита свободы, культуры, национальных интересов, права, морали и т. д., выдвинутый буржуазией

[1]) Ив. Меницкий, Революционное движение военных годов, т. I, стр. 284-285.

воюющих стран и поддержанный оппортунистами в среде рабочего класса и некоторыми его, изменившими социалистическому знамени «вождями», есть лишь прикрытие хищнических притязаний правящих классов и приманка, при помощи которой рабочий превращается в слепое орудие их империалистических интересов, разбивается интернациональная солидарность и внутри каждой страны ослабляются движение и классовая борьба рабочих». Интересно отметить, что в этой декларации совершенно четко ставился вопрос о гегемонии пролетариата и перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. Декларация содержала слова, хорошо запомнившиеся Гвоздеву [1]). Когда, после закулисных переговоров с локаутчиками из «Совета съездов» и частых посещений Гучкова, Гвоздеву удалось доказать, что первое собрание выборщиков было незаконное, потому что на нем участвовали нелегальные революционеры, и после предварительного ареста большинства участников первого было собрано второе (29/XI 1915 г.) собрание, на котором этот услужливый лакей буржуазии выступил с ответной речью на декларацию питерских рабочих, он сказал: «В настоящее время социальная революция не на очереди... пока власть должна перейти из рук правительства в руки буржуазии. Мы накануне буржуазной революции». Переходя же к очередным задачам дня, он заявил: «В настоящее время насущной работой является организация всех живых общественных сил России для борьбы с нападающей Германией и для борьбы с нашим страшным внутренним врагом — самодержавным строем. Для достижения этих двух целей необходимо деятельное участие в работах ВПК». Большевики не остались слушать эти социал-шовинистические речи. После открытия собрания они, огласив свою декларацию, покинули собрание. В этой декларации они заявили, что «кучку самозванцев, созвавших сегодняшнее собрание», они считают изменниками и поведут «с ними упорную борьбу во всех слоях рабочих масс, где изменникам не должно быть места», и что «питерский пролетариат попрежнему считает невозможным входить в те организации буржуазии и дворянства, которые ставят своей целью спасение русской монархии на костях миллионов крестьян и рабочих, тем более, что Центральный промышленный комитет в своих постановлениях обнаружил явное стремление сжать в кулак классовое движение пролетариата, дезорганизовать его и лишить его присущей ему солидарности». Несмотря на оказанный решительный отпор, «предательство свершилось!» — читаем мы в выпущенной П. К. большевиков листовке, — «29 ноября, под руководством Гучкова, господином Гвоздевым с компанией была разыграна комедия выборов представителей петербургского пролетариата в Центральный и Петербургский ВПК. Кучка изменников и ренегатов, за спиной рабочего класса, вступила в темную сделку с буржуазией и предала классовую непримиримость и международную солидарность пролетариата за честь заседать на мягких креслах в ВПК, под председательством Гучкова, соратника Столыпина, защитника военно-полевых судов над революционерами в 1906 году»... «В ответ на это пролетариат должен решительно заявить: «Руки прочь! Красные знамена революционного социализма попрежнему широко развернуты и не дрогнут в мощных руках российского пролетариата. Как и в войну 1904 —

---

[1]) Вот эти слова: «Лозунг «Долой войну!» пролетариат должен осмыслить и углубить кличем: «Да здравствует социальная революция!»

«В передовых капиталистических странах уже созрели объективные предпосылки социалистической революции. В России пролетариат еще должен добиться демократизации государственного строя, т. е. добиться демократической республики. Революция сметет остатки крепостнической эпохи и, дав тем самым свободу развитию производительных сил, быстрыми шагами приблизит и Россию к условиям чисто социалистического переворота. Однако в уничтожении царской монархии и ее социальной основы — помещичьего землевладения заинтересованы не только пролетариат, но и крестьянство и другие слои буржуазной демократии. Поэтому пролетариат обращается к ним (буржуазной революционной демократии) с призывом поддержать его в борьбе с царским правительством».

1905 гг., он чужд шовинизма и выкрикам националистов противопоставляет свой лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Призыв большевиков к верности старым интернациональным лозунгам, к отпору кучке самозванцев и предателей дела рабочего класса нашел живейший отклик у рабочих всех промышленных центров России. Недаром меньшевик Потресов с грустью восклицал: «В России все еще нет патриотизма как массового явления». Ему поддакивал Маслов, который ставил русским рабочим в пример Германию, «где не только германская промышленная буржуазия, но и руководители германского рабочего класса стали на путь завоевательной политики». Меньшевики совершенно не учитывали тех классовых испытаний, которые прошел русский рабочий за весь период своей политической борьбы. Они не видели, что уроки прошлых боев точно, ясно зафиксированы и разъяснены массовой агитацией большевиков и что этим русский рабочий класс был раз навсегда застрахован от какого-либо массового заражения идеей национализма. За исключением очень немногих изменников, пошедших вслед за Плехановым, Потресовым и Даном на открытую службу на защиту Николая II, Гучкова, Распутина и Милюкова, вся рабочая масса «гражданского» мира не признала.

Публикуемая нами справка о «Деятельности Рабочей группы Центрального ВПК» отмечает наличие этой с и л ь н о й о п п о з и ц и и, в силу которой в «своей деятельности группа тратила много времени и сил на внутреннюю борьбу со своими идейными противниками».

Если возникновение «Рабочей группы» при Военно-промышленном комитете вызвало глубокое возмущение рабочих, выносивших резолюции протеста и выпускавших листовки с осуждением дезертиров, предателей, то с каждым месяцем своей работы она все больше и больше отталкивала от себя рабочие массы. Показательна в этом отношении эволюция «Петербургской инициативной группы» меньшевиков. Когда 1 декабря 1915 г. питерские большевики издали уже цитированную нами листовку, заклеймившую предательство гвоздевцев, эта группа выпустила в защиту гвоздевцев особое воззвание, в котором негодовала на большевиков за пользование ими «нелегальным печатным станком» в борьбе с гвоздевцами. Это же воззвание даже не остановилось перед ложью и заявляло, что их друзья пошли туда вовсе «не для обороны». В августе же 1916 г. они издали листок, направленный всецело против «Рабочей группы». В этом листке они обвинили группу в «самобытном национал-социализме», указали, что «петроградский пролетариат не поручал им говорить от своего имени языком национал-социализма, языком оборончества», что они «кощунственно прикрывают именем широких масс свою антирабочую политику» и т. д. В заключение листок сообщал об отзыве группы из ВПК и объявлял ее застрельщиком нового раскола.

В конце 1916 г. наша партия, учитывая назревающий революционный кризис и настроение масс, дала директиву к переходу от разрозненных выступлений экономического характера и случайных политических выступлений к организованной массовой борьбе, к уличным выступлениям и всеобщей стачке. Такой решительный курс, взятый большевиками, всполошил не только буржуазию, но и так называемую революционную демократию. Все, начиная от кадет до меньшевиков и с.-р. включительно, бешено набросились на большевиков, обвиняя их в том, что они затеяли кровавую авантюру, запугивают и отталкивают от себя прогрессивные элементы буржуазии и этим наносят вред всей «демократии». В эти дни подготовки масс к революционным событиям «социалисты», растоптавшие интернациональное знамя пролетарской солидарности, подавшие руку своей буржуазии и впрягшиеся в колесницу империалистической буржуазии, выступили как передовой отряд буржуазной контрреволюции, взрывающий единство пролетарской борьбы.

«Единство пролетариата, — писал В. И. Ленин [1]), — есть величайшее оружие его в борьбе за социалистическую революцию... Единство пролетарской борьбы за социалистическую революцию требует теперь, после 1914 г., безусловного отделения рабочих партий от партий оппортунистов». Чуждые элементы «в мирное время ведут свою буржуазную работу тайком, ютясь внутри рабочих партий, а в эпохи кризиса сразу оказываются открытыми союзниками всей объединенной буржуазии, от консервативной до самой радикальной и демократической, от свободомыслящей до религиозной и клерикальной».

В такой ответственный исторический момент, когда большевики подняли и вывели на улицу рабочие массы, под лозунгами: «Долой войну!» «Долой самодержавие», «Да здравствует гражданская война за освобождение всего человечества!» «Рабочая группа» при ВПК, выполняя социальный заказ своих господ из ВПК, развернула лихорадочную деятельность с целью увлечь разворачивающуюся революционную борьбу рабочих масс на путь поддержки требований буржуазно-помещичьего «прогрессивного блока». Эта услуга, как и все другие, была высоко оценена представителями капитала. Когда правительство убедилось, что и «революционная фронда» буржуазии нисколько не задерживает, не притупляет революционной борьбы пролетариата, и когда выяснилось отсутствие всякого авторитета среди рабочих масс у гвоздевской группы, и последняя была арестована, господа из ЦВПК все как один встали на защиту своих верных холопов. Сейчас же, как только стало известно об аресте, Гучков и Коновалов отправились к председателю Совета министров Голицыну и старались ему доказать лойяльность и полезность деятельности «Рабочей группы» (Голицын обещал пересмотреть дело об аресте «Рабочей группы»), — посетили начальника военного округа Хабалова, который тоже согласился пойти навстречу их просьбам о смягчении участи задержанных представителей «Рабочей группы» ЦВПК. Благодаря этим хлопотам Гвоздев остался «по болезни» не арестованным, хотя болезнь ему совсем не мешала участвовать в заседаниях ЦВПК.

Арест «Рабочей группы» выдвинул вопрос об оценке деятельности «Рабочей группы» при ВПК. Если оценка рабочими массами этой деятельности была дана уже давно и достаточно известна, то оценку буржуазией заслуг «Рабочей группы» мы найдем в печатаемых ниже двух документах: «Деятельность Рабочей группы при ЦВПК» и «Некоторые соображения о современном рабочем движении и необходимых мерах к его урегулированию». Первый документ составлен Управлением делами ЦВПК (Омельченко) по постановлению Бюро ЦВПК от 30/I 1917 г. Этот документ фактическим материалом обосновывает выпущенный комитетом протест против ареста «Рабочей группы» (разъяснение ЦВПК по поводу правительственного сообщения 30 января 1917 г. об аресте «Рабочей группы»), в котором арест расценивался как «тяжелый удар по делу национальной обороны». Касаясь деятельности группы, этот документ утверждал, что «группа и отдельные члены ее оказывали комитету самое деятельное содействие по предупреждению стачечного движения в среде рабочих», что «группа решительно высказывалась против всяких эксцессов, на которые подчас толкали рабочую массу некоторые элементы», что «группа имела целью создание условий для спокойной работы на оборону» и, наконец, что «полная политическая обособленность рабочих и принципиальное их отчуждение от всяких общений с так называемыми буржуазными элементами представляет, несомненно, серьезную опасность для нормального политического развития страны, столь необходимого для борьбы с внешним врагом».

Этот документ вместе со вторым дает обильный материал для изучения рабочей политики господ Гучковых, Коноваловых и деятельности проводников этой политики «Рабочей группы» ЦВПК.

---

[1]) Ленин, Что же дальше? Собр. соч., т. XIII, стр. 31, 65.

Второй документ «Некоторые соображения о современном рабочем движении и необходимых мерах к его урегулированию» составлен ЦВПК во исполнение постановления совещания областных ВПК с участием представителей «Рабочих групп», состоявшегося 23—25 мая 1916 г. Принятие и рассылку этого документа местам (17/VI — № 76862), за подписью Коновалова, Гвоздев относил к одним из достижений «Рабочей группы».

Достаточно самого беглого сравнения этих двух документов, чтобы убедиться в полной тождественности всех программных установок ЦВПК и «Рабочей группы». Совпадение настолько разительно, что только «полным сродством душ» его и можно объяснить. Кто к кому прислушивался — гвоздевцы к голосу хозяев или, наоборот, хозяева к голосу своих холопов, так вопрос ставить не приходится. Нужно признать, что имело место то и другое, но так как хозяин всегда сильнее холопа, то хозяин слушает холопа лишь тогда, когда последний является умным для него советчиком, холоп же, прислушиваясь к голосу хозяина, кончает тем, что говорит словами хозяина. Гвоздевцы этим и кончили. В результате сидения в мягких креслах ВПК в сообществе с г.г. Гучковым и Коноваловым от пресловутой «защиты отечества» они скатились к думским позициям и стали составной частью кадетско-октябристско-националистического (прогрессивного) блока.

Крича о защите интересов рабочих, они на деле предавали их, помогая буржуазии овладеть рабочим движением, лишить его революционного характера и ввести в конституционное русло. Оказывая помощь буржуазии по идейному закабалению рабочего класса, в то же время повседневно парализуя рабочее движение, «Рабочие группы» ВПК проводили буржуазную рабочую политику, политику Рябушинского и К° в их борьбе с надвигающейся революцией. Публикуемый нами первый документ прекрасно иллюстрирует эту предательскую роль «Рабочих групп» при ВПК.

«Чтобы влиять на рабочих, буржуа должны наряжаться социалистами, эсдеками, интернационалистами и т. д., иначе влиять невозможно» (Ленин). Таким нарядом, таким подкрашиванием и деланием глазок рабочим является рабочая программа Рябушинского, разработанная с помощью гвоздевцев и изложенная во втором публикуемом нами документе. В силу этого этот документ заслуживает внимательного изучения [1]). *Ив. Меницкий.*

Деятельность Рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета [2])

1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИДЕИ РАБОЧЕГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫХ КОМИТЕТАХ. Вопрос о включении представителей рабочих в Военно-промышленные комитеты обсуждался на первом Всероссийском съезде Военно-

[1]) Значительный материал для оценки деятельности «Рабочей группы» можно найти в изданных Центрархивом сборниках — «Рабочее движение в годы войны», под ред. М. Г. Флеер, изд. «Вопросы Труда», 1925 г., стр. 269—292. «Буржуазия накануне Февральской революции» под ред. Б. Граве, Госиздат, 1927 г., стр. 112, 140, 149, 151, 174, 179—186 и в работах — Ив. Меницкого «Революционное движение военных годов», изд. Комакадемии, 1924 г., том II, стр. 119—137. Н. Авдеева, «Революция 1917 г.», том I, стр. 5, 9—16, 24—30. А. Панкратовой «Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику», изд. «Красная Новь», 1923 г., стр. 155—171. Б. Граве, «К истории классовой борьбы в России», изд. Госиздата, 1926 г., стр. 136—151.

[2]) Заголовок подлинника. Под ним подзаголовок: «По распоряжению председателя комитета А. И. Гучкова составлено Управлением делами комитета. 15 февраля 1917 года». (ЦАОР, фонд № 3144).

промышленных комитетов 25—27 июля 1915 года и был единогласно решен в положительном смысле. Согласно утвержденному съездом положению о Военно-промышленных комитетах и их съездах в состав Центрального военно-промышленного комитета входят 10 представителей рабочих (п. 5 положения). В наказе о порядке образования и действий Военно-промышленных комитетов, одобренном Советом министров 4 августа 1915 г., также предусматривается участие в Центральном военно-промышленном комитете 10 представителей рабочих.

Когда в июле и августе 1915 года в Госуд. думе обсуждался законопроект об Особом совещании по обороне, вопрос о необходимости участия представителей рабочих в Военно-промышленных комитетах также затрагивался рядом выступавших ораторов. Государственный же совет, в заседании 17 августа 1915 года, согласно предложению 41 члена совета, постановил выразить пожелание о том, чтобы к участию в тех из вновь учреждаемых Особых совещаний, в состав коих должны входить представители Центрального военно-промышленного комитета, по избранию его, комитета, привлекались в числе таковых представителей как уполномоченный от рабочих, так и уполномоченный от ученых техников и механиков.

2. ВЫБОРЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ОТ РАБОЧИХ ПЕТРОГРАДА в Центральный военно-промышленный комитет происходили по двухстепенной системе.

В сентябре 1915 года на петроградских фабриках и заводах были избраны 218 выборщиков от 101 предприятия с общим числом 219 036 рабочих. На первом собрании выборщиков 27 сентября 1915 года большинство высказалось против участия рабочих в Центральном военно-промышленном комитете. Второе собрание выборщиков состоялось 29 ноября и избрало 10 представителей в Центральный военно-промышленный комитет и 6 представителей в Петроградский окружной комитет.

3. ИНСТРУКЦИЯ РАБОЧЕЙ ГРУППЫ. В начале декабря 1915 года представители рабочих внесли на утверждение Бюро Центрального военно-промышленного комитета свою смету и следующую инструкцию, предусматривающую образование в составе Центрального военно-промышленного комитета самостоятельной рабочей группы:

Инструкция.

1) Представители рабочих (п. 9 ст. 5 наказа) образуют в составе Центрального военно-промышленного комитета самостоятельную группу.

2) Задачей группы является участие в работах Центрального комитета и его отделов в целях отстаивания наших взглядов на стоящие перед страной задачи и охраны интересов труда.

3) Группа избирает из своей среды бюро и для осуществления своих задач образует специальные комиссии с правом приглашения сведущих лиц.

4) Смета группы утверждается Бюро Центрального военно-промышленного комитета.

Рассмотрев эту инструкцию и смету в заседании 11 декабря 1915 г., Бюро Центрального военно-промышленного комитета постановило:

«Утвердить инструкцию, дополнив ее постановлением, что канцелярия Рабочей группы входит в состав общей канцелярии комитета.

Смету утвердить в общей сумме 1 726 руб., с тем, чтобы в расходовании ее применялся общий порядок; ордера должны быть подписаны К. А. Гвоздевым».

Этим постановлением Бюро определяется общее взаимоотношение между Рабочей группой и Центральным военно-промышленным комитетом.

Второй съезд Военно-промышленных комитетов 26—29 февраля в одной из своих резолюций «вменил в обязанность» Военно-промышленным комитетам озаботиться «повсеместным привлечением в состав Военно-промышленных комитетов представителей от рабочих, с предоставлением им права образования самостоятельных Рабочих групп».

Вопрос о пределах самостоятельности Рабочей группы и о порядке рассылки ее корреспонденции служил в дальнейшем предметом неоднократного обмена мнений в Бюро Центрального военно-промышленного комитета. В результате установилась такая практика: все бумаги Рабочей группы, подлежащие размножению и массовой рассылке, а также все обращения группы к высшим государственным и общественным учреждениям империи, предварительно отправления, просматриваются одним из членов Бюро комитета. Индивидуальная корреспонденция Рабочей группы обычно отправлялась ею непосредственно через общую регистратуру комитета.

На практике был ряд случаев, когда Бюро комитета не соглашалось с тем или иным обращением Рабочей группы и задерживало его рассылку.

Внутренняя организация группы была такова. Во главе группы стояло выборное бюро в составе 6 человек. Председателем группы и бюро являлся К. А. Гвоздев.

При группе постепенно было образовано 10 комиссий:

1) Продовольственная,
2) Статистическая,
3) Содействия организации бирж труда,
4) Профессиональная,
5) По организации труда,
6) По мобилизации промышленности,
7) По охране труда и социальному законодательству,
8) Содействия созыву рабочего съезда,
9) Комиссия содействия организации общественных столовых,
10) Комиссия содействия рабочей кооперации.

С декабря 1915 года представители группы принимали также ближайшее участие в работах отделов продовольственного и по обеспечению промышленных предприятий рабочим составом, причем входили в состав как общего собрания названных отделов, так и их бюро.

4. КОНФЛИКТЫ РАБОЧИХ С ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯМИ. С первых дней образования рабочего представительства на рассмотрение Центрального военно-промышленного комитета начинает поступать ряд совершенно новых дел, касающихся промышленных конфликтов в предприятиях, работающих на оборону. Рабочие отдельных заводов стали обращаться иногда непосредственно в комитет, обычно же в Рабочую группу, с просьбой содействовать разрешению конфликта. В некоторых случаях сама Рабочая группа и без подобного обращения считала необходимым принять известные меры для урегулирования отношений или успокоения стихийной вспышки рабочего движения. В своем стремлении уладить конфликты Рабочая группа обычно обращалась в Бюро Центрального военно-промышленного комитета, члены которого, в свою очередь, вступали в личные переговоры с администрацией заводов.

Электротехнический завод «Динамо» в Петрограде. Первым случаем подобного вмешательства была забастовка на заводе «Ди-

намо». В начале декабря 1915 г. рабочие завода «Динамо» просили Рабочую группу оказать содействие в разрешении конфликта. 11 декабря Центральный военно-промышленный комитет, по инициативе группы, обратился в правление общества «Динамо» с предложением о посредничестве. В результате личных переговоров заинтересованных сторон при участии членов Бюро Центрального комитета конфликт был улажен.

Адмиралтейский судостроительный завод морского ведомства. В начале января 1916 г. рабочие Адмиралтейского завода в Петрограде обратились к заводской администрации с просьбой о прибавке жалованья. 8 января завод был закрыт и всем рабочим объявлен расчет. Рабочие обратились в Рабочую группу. По просьбе группы, заместитель председателя Центрального военно-промышленного комитета А. И. Коновалов посетил товарища морского министра П. П. Муравьева. К этому времени сами рабочие отказались от своего требования прибавок, и 12 января председатель Рабочей группы К. А. Гвоздев заявил в Бюро Центрального военно-промышленного комитета о желании рабочих Адмиралтейского завода приступить немедленно к возобновлению работ на заводе. В тот же день А. И. Коновалов сообщил об этом товарищу морского министра и просил о принятии поголовно всех рабочих, каковая мера, несомненно, благотворно повлияла бы на рабочую среду в смысле ее умиротворения. Когда выяснилось, что часть рабочих не будет принята на завод и отправляется в войска, А. И. Коновалов обратился снова с письмом к товарищу морского министра П. П. Муравьеву с ходатайством о принятии уволенных рабочих. На это письмо ответа получено не было.

Механический завод «Людвиг Нобель» в Петрограде. В январе 1916 г. начался конфликт на заводе Нобеля. Рабочая группа просила Центральный комитет о вмешательстве.

Э. Л. Нобель был приглашен 13 января в Бюро Центрального комитета для личных переговоров. Конфликт осложнился вмешательством военных властей. По предложению Рабочей группы Центральный комитет возбудил ходатайство перед военными властями о разрешении поступить на другие заводы 24 рабочим, уволенным с завода и зачисленным на военную службу.

Судостроительный завод «Наваль» в Николаеве. Одним из наиболее крупных и серьезных конфликтов, в разрешении которых пришлось участвовать Рабочей группе и Центральному комитету, была забастовка в гор. Николаеве на Судостроительном заводе «Наваль», где работает до 14 тыс. рабочих. 11 января 1916 г. рабочие прекратили работу и предъявили экономические требования. Администрация отказалась принять требования, заявив, что заводоуправление будет рассматривать претензии рабочих и постарается сделать все, от него зависящее, лишь после того, когда рабочие станут на работу. Конфликт затянулся. Рабочие порешили избрать из своей среды двух делегатов, которых отправили в Петроград, чтобы так или иначе закончить разрешение конфликта. Делегаты явились в Рабочую группу и подробно осветили вопрос. В то же время Исполнительная комиссия Николаевского военно-промышленного комитета телеграфировала Центральному комитету о серьезном положении дела на Николаевском судостроительном заводе. 27 января Бюро Центрального комитета постановило немедленно командировать в Николаев товарища председателя ЦВПК П. П. Козакевича и представителя Рабочей группы В. М. Абросимова [1]).

[1]) После Февральской революции был разоблачен как провокатор.

3 февраля состоялось заседание Николаевского Военно-промышленного комитета с участием П. П. Козакевича и В. М. Абросимова. Среди публики присутствовали рабочие Николаевских судостроительных заводов, на которых происходил конфликт. Представитель Рабочей группы В. М. Абросимов произнес речь, которая запротоколирована в журнале в следующих словах:

«Г. Абросимов просит обратить внимание на положение других воюющих стран, которое выгодно отличается от нашего. Там наблюдается высокий подъем гражданственности, сплоченности всех слоев общества. Социал-демократы в Германии вотируют за военный бюджет, в Англии вводится обязательная воинская повинность. У нас же, наоборот, в некоторых рабочих слоях, на первых порах по объявлении войны, наблюдается странное течение «пораженчества», которое, по их мнению, ведет нас к свободе. Но свобода будет принесена не на штыках германских, она будет добыта силами России. «Пораженчество» — это признак сознания собственного бессилия. Для нас, для рабочего класса, далеко не безразлично — поражение или победа: с поражением России условия мира, которые будут выработаны нашими врагами, подвинут назад всю нашу промышленность и все те надежды, которые питают рабочие слои. Мы все должны желать мира, мира без аннексий. Но одних пожеланий мало. Нужна еще и сила. А чтобы вернуть захваченное у нас, для этого есть только один путь — путь объединения и сплочения всех слоев населения. Русскому народу захвата не нужно. Шири у нас много, но и своего отдавать не желаем. С радостью можно отметить, что во всех крупных центрах большое течение «пораженчества» в рабочих слоях постепенно замирает и вытесняется здоровым течением «оборончества». В русском рабочем растет национальное сознание, сознание, что только мы сами, своими силами должны добиваться и достигнуть улучшения своего положения. Русский человек в большинстве оказался в эту тяжелую для нас пору на высоте своего положения. Всюду наблюдаются хорошие отношения между рабочими и заводской администрацией, в особенности низшей, стоящей близко к рабочему. Резким диссонансом и крайне печальным является забастовка на заводе «Наваль». Необходимо выяснить причины, вызывающие часто забастовки на этом заводе, и стараться их устранить, дабы работа, в особенности в такое время, шла спокойно и беспрерывно. Но такое выяснение является делом внутренним, надо его производить в самом заводе, но, чтобы довести его до успешного конца, для этого нужно, чтобы обе стороны подошли друг к другу с доверием».

В результате поездки и вмешательства Центрального комитета администрация завода «Наваль» принципиально согласилась на некоторое повышение платы, но рабочие к работам не приступали, ожидая подтверждения этого обещания от правления общества, находившегося в Петрограде. Попытки Центрального военно-промышленного комитета войти в переговоры с Петроградским правлением общества Николаевских судостроительных заводов не привели к определенным результатам. Забастовка все продолжалась. 23 февраля заводоуправление объявило прибавку 2, 3 и 6 коп. в час, соответственно разным категориям рабочих. 25 февраля бастовавшие мастерские завода по распоряжению властей были закрыты. 27 февраля было объявлено, что военнообязанные должны явиться на сборный пункт. Со сборного пункта было отправлено в войска свыше 3 600 человек рабочих. 12 марта был объявлен новый набор рабочих.

Путиловская стачка. В феврале 1916 г. начался серьезный конфликт между администрацией и рабочими Путиловских заводов. Конфликт кончился секвестром Путиловских заводов, массовым расчетом рабочих и отправкой военнообязанных в войска. В связи с событиями на Путиловском заводе начались волнения и на других фабрично-заводских предприятиях Петрограда. Стачка ограничилась, главным образом, Выборгской стороной, захватила десятки тысяч рабочих, сопровождалась рядом эксцессов, съемкой рабочих, не желающих бастовать, столкновениями рабочих с рабочими и т. д. Предостерегающий голос отдельных, наиболее политически зрелых и способных оценивать момент групп рабочих не возымел действия. В этот момент Рабочая группа Центрального комитета сочла себя обязанной обратиться с воззванием к петроградским рабочим. Обращение было принято в заседании Рабочей группы с участием некоторых выборщиков и получило довольно широкую известность, хотя по цензурным условиям не могло быть напечатано ни в одной из петроградских газет. Обращение гласит следующее:

«Стачечное движение, вспыхнувшее в последние дни в Петрограде, ставит Рабочую группу при Центральном военно-промышленном комитете в необходимость гласно высказать свое отношение к этому движению.

Рабочая группа, прежде всего, считает своей обязанностью заявить, что главную причину движения она усматривает в глубоком недовольстве рабочих масс своим экономическим и особенно правовым положением, которое за время войны не только не улучшилось, но претерпевает резкое ухудшение. Целый ряд законов, проведенных в порядке 87-й ст., порядки и обязательные постановления военной власти, отдающей рабочих в распоряжение военно-полевых судов, превращая рабочие массы, лишенные к тому же малейшей видимости свободы коалиций, в закрепощенных рабов, определенно толкает их к стихийному протесту. Стачка становится единственным выходом, в который по всяким поводам выливается такой протест.

Считая стачку одной из вполне законных форм рабочего движения, Рабочая группа однако не забывает о том, что прибегающий к этому орудию защиты своих интересов рабочий класс не может не учитывать в каждый данный момент всех обстоятельств окружающей обстановки. Обстоятельства же, сложившиеся вокруг настоящего движения, определенно неблагоприятны для рабочего класса.

Разрозненные, изолированные от движения рабочих других городов и от движения всех других прогрессивных слоев общества попытки, в форме стачечных протестов, отдельных частей рабочего класса создают положение, при котором подобные стихийные вспышки лишь ослабляют и рассеивают нарастающий конфликт всего русского общества с властью. Такие вспышки, принимая во внимание все указанные выше обстоятельства, идут во вред интересам рабочего класса, а не на пользу.

Принимая во внимание все вышесказанное, Рабочая группа полагает, что рабочий класс, имеющий все основания протестовать против своего невыносимого положения, который не в состоянии молчать, должен однако быть чрезвычайно осмотрительным в каждом данном случае в выборе способов защиты своих интересов и момента для своих выступлений.

Рабочая группа поэтому считает необходимым немедленный созыв общего собрания выборщиков в Военно-промышленный комитет от рабочих Петрограда, которое могло бы по поводу теперешнего стихийного движения сказать свое веское слово».

Собрание выборщиков в Военно-промышленный комитет от рабочих Петрограда, о котором говорит воззвание, не могло состояться ввиду препятствий со стороны администрации. Тем не менее воззвание Рабочей группы, получившее довольно широкую огласку, имело некоторое значение в смысле ослабления этой стихийной вспышки рабочего движения в Петрограде.

Механический завод Лесснера в Петрограде. В начале апреля рабочие инструментальной мастерской завода и чернорабочие предъявили требования о повышении заработной платы. Их притязания были поддержаны и рабочими остальных мастерских заводов. Администрация отказала и объявила рабочим расчет. 5 апреля рабочие обратились в Рабочую группу с просьбой разрешить конфликт. 6 апреля А. И. Коновалов посетил директора завода Лесснер Старыковича. 14 апреля депутация лесснеровских рабочих была в Бюро Центрального комитета, после чего в Бюро комитета были приглашены два директора завода (Бачманов и Старыкович) и президиум Петроградского общества заводчиков и фабрикантов (Э. Л. Нобель и В. В. Дюфур). К благоприятным результатам вмешательство Центрального комитета не привело, и значительное количество рабочих было рассчитано, причем военнообязанные были зачислены в войска.

Завод Ф. Ф. Мельцера в Петрограде. В начале мая началось брожение на мебельной фабрике Ф. Ф. Мельцера, исполняющей заказы Центрального военно-промышленного комитета. Рабочие обратились в группу с просьбой содействовать устранению недоразумений. По просьбе Рабочей группы товарищ председателя комитета В. В. Жуковский вел 12 мая личные переговоры с директором завода Ф. Ф. Мельцером.

Металлургический завод Никополь-Мариупольского общества в Сартане. В мае 1916 г. рабочие Металлургического завода Никополь-Мариупольского общества предъявили требования об увеличении заработной платы. Соглашения с администрацией достигнуто не было, и работы на заводе были прекращены. Дирекция завода объявила всем рабочим расчет. При расчете некоторые военнообязанные рабочие были зачислены в ряды войск, причем, вопреки действующим постановлениям, они были лишены права на семидневную отсрочку для перехода на другое предприятие. Группа из 41 военнообязанных рабочих, зачисленных в войска, обратилась в Центральный военно-промышленный комитет с просьбой оказать содействие к возвращению из армии и доставить возможность поступить на другие заводы. 4 июня 1916 г. Центральный военно-промышленный комитет обратился по сему поводу к начальнику генерального штаба с ходатайством о возврате означенных рабочих из армии ввиду явного правонарушения, выразившегося в том, что рабочим не было дано возможности воспользоваться установленным семидневным сроком для перехода в другой завод, работающий на оборону. 17 июля 1916 г. Центральный военно-промышленный комитет был уведомлен мобилизационным отделом, что начальник генерального штаба ходатайство о возврате 41 уволенных рабочих Никополь-Мариупольского общества признал не подлежащим удовлетворению.

Петроградский металлический завод. В июне начался конфликт на Петроградском металлическом заводе. Забастовавшие рабочие-литейщики обратились в Рабочую группу с просьбой уладить отношения. 22 июня Бюро Центрального военно-промышленного комитета, по предложению Рабочей группы, постановило просить директора Метал-

лического завода И. П. Панкова прибыть в Комитет для личных переговоров. Однако директор завода приехать в комитет отказался.

Текстильная мануфактура «Воронин, Лютш и Чешер». В середине сентября произошел конфликт между рабочими и администрацией ткацкой фабрики «Воронин, Лютш и Чешер». Рабочие обратились в группу с просьбой о содействии. 16 сентября Бюро Центрального военно-промышленного комитета, после предварительного выяснения дела, постановило обратиться к правлению общества «Воронин, Лютш и Чешер» с предложением войти в переговоры с представителями рабочих по вопросу о восстановлении работ.

Петроградское рабочее движение в октябре 1916 г. С начала октября 1916 г. по всему Петрограду начали широко распространяться самые чудовищные слухи о каких-то чрезвычайных событиях, происходящих будто бы в Москве, Харькове и еще в некоторых провинциальных городах. Резкое усиление продовольственной разрухи и ухудшение общего политического положения страны способствовали распространению тревоги. С ряда заводов в Рабочую группу стали поступать сообщения о крайне повышенном, возбужденном настроении рабочих. Настроение это достигло такого напряжения, что, по сообщению корреспондентов Рабочей группы, достаточно было малейшего шума, падения листа железа, чтобы рабочие остановили станки и устремились к выходу.

17 октября, к вечеру, в Рабочую группу стали поступать сообщения о начавшихся забастовках. Днем забастовал завод «Русский Рено», а за ним «Лесснер». В течение 17—20 октября забастовка, вспыхивая постепенно то здесь, то там, коснулась следующих предприятий: «Русский Рено», «Лесснер», «Эриксон», «Айваз», «Нобель», Металлический, Барановский, «Феникс», Сикорский, Щетинин, Сименс-Шуккерт, «Динамо», Лангензипен, Семенов, Дюфлон, Лебедев и др. Забастовка возникала и протекала совершенно стихийно, неорганизованно. Никаких политических лозунгов и экономических требований не предъявлялось. 21 и 22 октября забастовочная волна схлынула, и повсюду возобновилась работа. Однако ненадолго. Нервное и приподнятое настроение рабочих масс вылилось вскоре в новую вспышку. Поводом к ней явился широко распространенный слух о смертной казни, будто бы угрожающей нескольким десяткам матросов, преданных военно-морскому суду. В газетах о процессе сообщено не было, и ложному слуху была дана полная свобода распространения. Начавшись 26 октября, забастовка охватила целый ряд заводов. Вскоре стало известно, что забастовавшие заводы закрыты по распоряжению военной власти. 29 октября на воротах бастующих заводов появилось объявление начальника штаба Петроградского военного округа о лишении отсрочки всех военнообязанных досрочных призывов 1917 и 1918 гг. В общем движение второй половины октября захватило свыше ста тысяч петроградских рабочих.

Рабочая группа Центрального военно-промышленного комитета, с самого начала учитывая тревожное настроение в рабочих кварталах, обратилась к рабочему населению Петрограда со следующим воззванием, принятым еще 17 октября, т. е. накануне всего забастовочного движения.

«В последние дни все чаще и все настойчивее по фабрикам и заводам Петрограда распространяются самые тревожные и возбуждающие слухи. Передают: на таком-то заводе обрушилось здание и задавило сотни рабочих; на такой-то фабрике произошел взрыв, причем погибли сотни работавших там людей. На-днях широко распространились слухи о том, что вся Москва охвачена восстанием, что московская полиция забастовала, что вызванные

войска отказались стрелять, и т. д. Одновременно с этим подобные же слухи, но уже о восстании в Петрограде, о разгроме Гостиного двора, распространяются в Москве. Но этого мало. В Харькове рассказывают о революции в Москве, а в Москве — о революции в Харькове.

При проверке эти слухи оказываются грубой выдумкой.

Все подобные слухи из различных ничем не связанных друг с другом мест передаются в такой одинаковой форме, что невольно напрашивается вопрос: не скрыта ли в основе этих слухов какая-то невидимая действующая и направляющая злая воля?

Рабочая группа, обсудив положение вещей и приняв во внимание напряженно-тревожную атмосферу, создаваемую в широких слоях населения стремительно растущей продовольственной неурядицей, считает своим долгом предупредить рабочих о большой опасности для интересов рабочего класса в том случае, если рабочие будут относиться к подобным слухам без должной осторожности.

Всякому понятно, что возбудить массу, бросить в нее искру в настоящее время не стоит большого труда. Но всякий сознательный рабочий, отдавший себе ясный отчет в том, каково положение в настоящее время и чего требуют от него его классовые интересы и интересы страны, понимает, что стихийная вспышка дезорганизованной, раздраженной тяжестью жизни народной массы, вспышка, которую враги народа будут пытаться перевести в погром или торговых заведений или инородцев, будет на-руку только врагам рабочего класса.

Вихрь ложных слухов, вдруг поднятый неизвестно кем в рабочей среде, является предостерегающим голосом для рабочего класса: быть настороже, так как вовлечение его в движение при его неорганизованности может разбить, ослабить и надолго задавить всякие малейшие проявления его самодеятельности.

Указывая на эту огромную опасность, стоящую перед рабочим классом, Рабочая группа обращается ко всем тт. рабочим с призывом к энергичной общественно-организационной работе. Вопрос о планомерном организованном участии рабочих масс в общественной жизни становится при таких условиях единственно верным средством отвести от рабочего класса грядущую опасность».

Воззвание было задержано военной цензурой и появилось в газетах с некоторыми сокращениями лишь после того, как началась широкая забастовочная волна.

Во время забастовки Рабочая группа созвала 24—26 октября в многочисленном составе заседание комиссии по организации труда. На нем было отмечено, что деятельность отдельных безответственных лиц и групп, призывающих к крайним формам рабочей активности в такой неудачный момент, только потому приводит к событиям, имевшим место в последнее время, что рабочие массы находятся в крайне неорганизованном состоянии и не имеют возможности определить вполне сознательно линию своего поведения. Подобные действия, по мнению комиссии, наносят непоправимый удар делу организации рабочей общественности, вызывая безоглядную растрату скромных общественных сил рабочих.

Одновременно с этим Рабочая группа приняла ряд постановлений по поводу затянувшейся забастовки. Группа признала, что необходимо продолжение работ в тех предприятиях, которые работ не прекращали. Бастующим, но не закрытым заводам группа рекомендовала приступить к работам.

Рабочим же заводов, закрытых военными властями, группа советовала требовать их открытия.

Одновременно с этим представители от рабочих в Центральном военно-промышленном комитете, на свой риск и страх, без ведома Бюро и президиума Центрального комитета обратились к Государственной думе с большим представлением по поводу переживаемых тревожных событий. Это представление кончается следующим заявлением:

«Мы полагаем, что Государственной думой должно быть немедленно предъявлено решительное требование к власти:

1. Открыть все закрытые распоряжением военного начальства фабрики и заводы.

2. Рассчитанных рабочих принять обратно, арестованных освободить, посланных на фронт возвратить на заводы.

3. Убрать от заводов и из рабочих кварталов полицейские патрули и усиленные наряды, нервирующие и раздражающие рабочие массы».

К концу октября закрытые по распоряжению военных властей заводы были вновь открыты; на остальных заводах также возобновились работы.

Объединенные мастерские высших учебных заведений. В начале января 1917 г. произошел конфликт в объединенных мастерских высших учебных заведений, исполняющих заказы механического отдела Центрального комитета. Рабочие обратились в группу с просьбой о посредничестве. Представители группы вошли в сношение с механическим отделом. Заведующий последним проф. Н. Н. Саввин пригласил для переговоров представителя администрации объединенных мастерских и члена Рабочей группы Г. Е. Бройдо. В результате вмешательства конфликт был улажен.

5. ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ КАМЕРЫ. Частые обращения рабочих с просьбой о посредничестве, несовершенство тех приемов, которыми располагал Центральный военно-промышленный комитет для урегулирования промышленных конфликтов, сознание необходимости в интересах обороны обеспечить непрерывность работы промышленных предприятий — все эти обстоятельства выдвинули вопрос о примирительных камерах.

Еще до образования Рабочей группы председатель Центрального комитета А. И. Гучков, в ноябре 1915 г., сделал в Особом совещании по обороне заявление о необходимости образования примирительных камер. Тогда предположено было поручить министерству торговли и промышленности заняться разработкой этого вопроса, и А. И. Гучков вел переговоры по сему предмету с кн. В. Н. Шаховским.

Рабочая группа с первых дней своего образования горячо взялась за это дело и всячески старалась подвинуть его к благоприятному разрешению.

20 января 1915 г. группа внесла в Бюро Центрального военно-промышленного комитета проект учреждения примирительной камеры. Бюро постановило передать выработанный группой проект на рассмотрение юридического и рабочего отделов комитета с тем, чтобы они доложили свои соображения общему собранию комитета.

22 февраля 1916 г. общее собрание Центрального комитета, по докладу П. П. Козакевича, постановило внести проект примирительных камер на обсуждение Всероссийского съезда Военно-промышленных комитетов.

Съезд Военно-промышленных комитетов 26—29 февраля 1916 г. в вынесенной резолюции считал необходимым проведение положения о примирительных камерах в законодательном порядке: ввиду медлительности

законодательного пути, признал желательным учреждение временных примирительных камер властью Особого совещания по обороне государства; впредь до осуществления камер в законодательном порядке или властью Особого совещания по обороне необходимо учреждение таковой при Центральном военно-промышленном комитете применительно к принятому съездом положению [1]).

10 марта 1916 г. Центральный комитет, во исполнение постановления съезда, обратился к председателю Особого совещания по обороне с докладной запиской об учреждении примирительных камер властью Особого совещания.

На это 15 марта 1916 г. последовал ответ, что поднятый Центральным комитетом вопрос не касается непосредственно Особого совещания по обороне и передан по принадлежности в министерство торговли и промышленности.

11 марта 1916 г. под председательством управляющего отделом промышленности состоялось совещание для обсуждения вопроса о примирительной камере, на котором Р. М. Ловягин сообщил, что министерство торговли занялось обсуждением этого вопроса во исполнение соответствующего пожелания Государственной думы.

22 марта министр торговли князь В. Н. Шаховской в бюджетной речи в Государственной думе высказался против учреждения примирительных камер ввиду условий военного времени и отсутствия профессиональных организаций рабочих. Вместо примирительных камер министр рекомендовал институт старост, положение о которых подлежит переработке и изменению в законодательном порядке.

Когда выяснилось, что рассчитывать на проведение положения о примирительных камерах в законодательном порядке или властью Особого совещания по обороне не приходится, Рабочей группой был поднят вопрос о скорейшем открытии временных примирительных камер при Военно-промышленных комитетах. Вопрос этот рассматривался на совещании с участием областных Военно-промышленных комитетов 4—5 июля, причем большинством голосов было принято пожелание о скорейшем учреждении при Военно-промышленных комитетах, имеющих рабочее представительство, примирительных камер.

В соответствии с пожеланиями совещания, Центральный комитет 18 июля обратился к Петроградскому обществу фабрикантов и заводчиков с предложением избрать 8 членов и 2 заместителей к ним в состав примирительной камеры, организуемой при комитете.

---

[1]) Интересно отметить, что на 2 съезде ВПК (26—29 февраля 1916 г.) докладчик о примирительных камерах (П. П. Козакевич) заявил: «К нашему удивлению, легче получить представителей от рабочих, чем представителей от предпринимателей, потому что члены ЦК по выборам от рабочих взяли на себя дать от своей среды тех восемь человек, которые представляют рабочих Питера и его окрестностей», («Труды ВПК», вып. 2, стр. 305-306). В прениях была довольно четко разъяснена «Рабочей группе» неправильность ее позиции. Так, Б. А. Ефрон указал, что «когда выбирали 16, тогда выборщики совершенно не знали, что эти 16 будут иметь право выбирать потом и в примирительные камеры» (там же, стр. 323). «Рабочая группа есть часть комитета, есть его отдел, но отделы комитета ни по каким делам самостоятельных решений не принимают и в исполнение не приводят. Для этого требуется непременно санкция комитета» (стр. 324). Бройдо, Гвоздев и Абросимов, признав предложение Б. А. Ефрона «очень демократическим», все же отстаивали свое право представлять рабочих. Этот пример — лучший ответ на вопрос, от кого получала мандат «Рабочая группа» на право представительства рабочих.—*И. М.*

15 августа 1916 года Общество фабрикантов и заводчиков сообщило свой мотивированный отказ произвести выборы.

Создавшееся положение обсуждалось на общем собрании Центрального комитета 18 августа 1916 года.

Представителями рабочих было сделано заявление, что устройство примирительных камер без участия в них организованных промышленников заранее обрекает эти камеры на бездействие.

После оживленного обмена мнений Центральный комитет единогласно постановил признать возможным и желательным учреждение факультативной примирительной камеры.

В дальнейшем руководителями Центрального комитета были предприняты некоторые шаги к созданию примирительной камеры, но эти меры не привели к определенным результатам.

6. ИНСТИТУТ СТАРОСТ. В первые же месяцы своей деятельности Рабочая группа обратила внимание на институт старост, созданный законом 1903 года.

Второй съезд Военно-промышленных комитетов принял по сему поводу следующую резолюцию: «Съезд вменяет в обязанность Военно-промышленным комитетам озаботиться установлением на фабриках и заводах института старост».

Вопрос о введении института старост получил значительную популярность. 22 марта 1916 года в своей бюджетной речи министр торговли и промышленности рекомендовал вместо примирительных камер введение института старост, положение о которых подлежит изменению и переработке в законодательном порядке. Проект изменения закона о старостах был разработан министерством торговли к лету 1916 года.

9 июня 1916 г. Рабочая группа внесла в Бюро Центрального военно-промышленного комитета разработанную инструкцию о введении института старост.

Этот вопрос в дальнейшем был обстоятельно разобран Рабочим отделом Центрального военно-промышленного комитета совместно с Рабочей группой и отделом по мобилизации труда при Московском военно-промышленном комитете. Разработанный таким путем образцовый устав о старостах был разослан в июле 1916 года в большом количестве экземпляров в разные промышленные центры России. Рабочая группа составила большую объяснительную записку, поясняющую значение института старост.

В результате в рабочих массах наметился повышенный интерес к институту старост. Правда, в некоторых предприятиях и районах (Лесснер, И. А. Осипов и К-о в Петрограде, Екатеринбурге) сами рабочие отнеслись к введению старост отрицательно. Но в других местах институт старост получил практическое осуществление. Так, в Петрограде до 1916 г. старосты существовали лишь на заводе Эриксона. В конце 1916 и начале 1917 гг. уставы о старостах утверждены на заводах Айваз, Трубочном заводе артиллерийского ведомства. На некоторых заводах уставы о старостах представлены также на утверждение властей. Движение в сторону введения института старост перекинулось также и на провинцию (Киев, Луганск, Сормово и др.).

7. ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ВОПРОС. 11 декабря 1915 года Рабочей группой Центрального комитета была послана делегация в Петроградскую городскую думу, указавшая городскому голове на необходимость принятия энергичных мер к удовлетворению продовольственных нужд Петрограда. Делегация предложила также ввести представителей от рабо-

чих и других демократических групп населения, наиболее остро переживающих продовольственный кризис, в состав городских продовольственных комиссий.

С усилением к осени 1916 года продовольственного кризиса Рабочая группа выдвинула проект создания общественных столовых для демократических слоев петроградского населения. Соображения по этому вопросу были изложены группой в записке, посланной 11 августа 1916 года на имя петроградского городского головы, в которой указывалось на необходимость немедленного создания общественных столовых, управляемых рабочими организациями при участии городского самоуправления.

На заседании продовольственной комиссии при Рабочей группе 16 сентября 1916 года, при участии 34 рабочих организаций, больничных касс и рабочих кооперативов, была избрана специальная комиссия по организации общественных столовых, в состав которой вошли 15 представителей больничных касс и кооперативов и 2 члена Рабочей группы. В резолюции, вынесенной совещанием 16 сентября 1916 года, рабочие организации указывали на необходимость учреждения самоуправляющихся общественных столовых, доступных для всего населения, для открытия которых город должен предоставить необходимые средства и помещения. Переписка рабочей группы с петроградским городским самоуправлением не привела к значительным результатам; городом было открыто несколько общественных столовых, которые однако не могли заметным образом улучшить продовольственное дело столицы.

Выдвигая на первый план создание общественных столовых, группа не относилась отрицательно и к другим типам столовых. Так, Рабочая группа содействовала открытию фабрично-заводских столовых, организуемых при отдельных предприятиях. При некоторых крупных фабриках Петроградского района такие столовые в настоящее время учреждены, при их создании Рабочая группа отстаивала принцип, чтобы управление делами столовых было сосредоточено в руках самих рабочих.

Продовольственный кризис выдвинул идею организации столовых рабочими кооперативами. Рабочая группа также шла навстречу устройству кооперативных столовых; некоторые из них возникли при ближайшем участии членов группы, напр., «Потребительное общество доступных обедов» при заводе Айваз.

Рабочая группа принимала участие в работах Центрального комитета общественных организаций по продовольственному делу в Москве 7 апреля 1916 г. Три представителя группы вошли в Центральный продовольственный комитет.

На продовольственном совещании в Москве 5 июля 1916 года был учрежден организационный комитет по созыву Продовольственного съезда, в состав которого вошел весь Центральный продовольственный комитет, а в том числе и представители рабочих. Последними был выработан план представительства рабочих на предстоящем съезде, согласно которому рабочая делегация на съезде, по необходимости ограниченная представительством от наиболее крупных промышленных центров, должна слагаться из делегатов Рабочих групп, больничных касс, профессиональных союзов и независимых рабочих кооперативов. Означенный съезд, предположенный в ноябре и декабре, не был, как известно, разрешен.

26 ноября 1916 года Петроградская городская дума приняла постановление об организации центральных и районных продовольственных комитетов. Рабочая группа, подробно обсудив этот план, 3 декабря 1916 го-

да обратилась в думу с заявлением о максимально возможном усилении представительства трудовых масс в районных и центральных комитетах.

8. ЦАССАЖИРСКИЕ ТАРИФЫ. Рабочая группа не упускала случая заявить свой голос в связи с тем или другим мероприятием, направленным к ухудшению условий жизни широких слоев населения. Когда петроградским городским управлением было решено повысить трамвайную плату с 5 до 10 коп., Рабочая группа обратилась в начале июня 1916 г. в Городскую думу с решительным протестом и довела о своем решении до сведения рабочих организаций. Рабочие Охтенских пороховых заводов просили Центральный военно-промышленный комитет посодействовать уменьшению проездной платы, значительно повышенной. Управлением Ириновской железной дороги Бюро Центрального военно-промышленного комитета, по предложению группы, постановило 17 июня войти с представлением по сему поводу в правление названного общества.

Оба выступления не привели к практическим результатам.

9. ПОРЯДОК ПЕРЕХОДА ВОЕННООБЯЗАННЫХ РАБОЧИХ служил неоднократно предметом обсуждений и выступлений Рабочей группы. Циркуляром Главного комитета по отсрочкам был установлен семидневный срок для перехода военнообязанных рабочих с одного предприятия в другое. С течением времени количество переходов в циркулярном порядке было сокращено до одного перехода в течение периода отсрочки. Жизненная практика однако во многих случаях знала злоупотребления и нарушения этого порядка, и не раз во время конфликтов рабочие теряли отсрочку и сдавались в войска, не использовав своего права на переход в течение семи дней. Рабочая группа всегда высказывалась за то, чтобы количество переходов было неограниченно и чтобы срок для перехода был по возможности удлинен; в отдельных случаях правонарушений группа требовала обжалования сделанных распоряжений во все высшие инстанции. 7 июня группа представила по этому поводу большую записку в Бюро Центрального военно-промышленного комитета. Взгляды группы по этому вопросу в общем разделялись и поддерживались Центральным комитетом, полагавшим, что сдача рабочих на фронт уменьшает и без того небольшие запасы квалифицированного труда, необходимого для обороны.

С этой же точки зрения группа оценивала и законопроекты военного министерства и некоторых членов Государственной думы о мобилизации промышленных предприятий, прикреплявшие рабочих к отдельным фабрикам и заводам. По настоянию группы по этому поводу было созвано 15 июня 1916 года большое совещание с участием членов Центрального военно-промышленного комитета, членов законодательных палат и представителей от общественных организаций, в котором группа имела возможность развить свою точку зрения.

Вопрос о переходе военнообязанных рабочих служил в то же время и предметом весьма частых обращений в группу отдельных рабочих, которым выдавались по сему поводу справки, советы, указания.

10. БИРЖА ТРУДА. Рабочей группе казалось, что промышленность страдает во время войны не столько от абсолютного недостатка рабочих рук, сколько от плохой организации спроса и предложения труда. Поэтому группа постоянно высказывалась против ввоза законтрактованных желтых рабочих и со своей стороны уделяла значительное внимание вопросу о правильной организации рынка труда.

2 января 1916 г. 6 представителей Рабочей группы вошли в Комитет Петроградской городской биржи труда.

В феврале 1916 года группа получила возможность участвовать во Всероссийском бюро труда, организованном при Союзе городов. Свои права на представительство Рабочая группа Центрального военно-промышленного комитета уступила московской Рабочей группе.

Когда выяснилось при новом составе Петроградской городской думы, что общественное управление собирается значительно изменить деятельность Петроградской городской биржи труда, Рабочая группа Центрального военно-промышленного комитета 10 мая 1916 г. подняла этот вопрос в пленарном заседании комитета. Центральный военно-промышленный комитет постановил войти с представлением в Городскую думу о необходимости сохранения Городской биржи труда на прежних основаниях и с прежним бюджетом. Подобные же заявления поступили в думу также от других общественных и рабочих организаций, и в результате Петроградская городская биржа труда осталась функционировать на прежних основаниях.

В августе 1916 г. Главный комитет Всероссийского союза городов закрыл Всероссийское бюро труда и рассчитал всех служащих. Рабочая группа по этому поводу обратилась с решительным протестом против решения Главного комитета Всероссийского союза городов. Вслед затем, ввиду поступившего в Центральный военно-промышленный комитет предложения об организации Всероссийского бюро труда, Рабочая группа признала необходимым воссоздание Всероссийского бюро труда при Главном комитете Союза городов, а в случае его отказа решено обратиться к Петроградской бирже труда с предложением взять на себя организацию центрального посредничества.

По инициативе Рабочей группы вопрос о создании Всероссийского бюро труда разрабатывался также рабочим отделом Центрального военно-промышленного комитета.

11. ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ. В своем стремлении направить энергию рабочих масс на путь организационного строительства Рабочая группа придавала крупное значение сохранению существующих профессиональных рабочих обществ и созданию новых.

Когда летом 1916 г. было внезапно закрыто профессиональное общество рабочих печатного дела, председатель Рабочей группы внес 18 июля этот вопрос в пленарное заседание Центрального военно-промышленного комитета. Собрание постановило просить А. И. Гучкова снестись по этому поводу с подлежащими властями. Петроградский градоначальник 8 августа уведомил комитет, что «никаких сведений по этому поводу сообщено быть не может».

При Рабочей группе была образована комиссия по содействию профессиональной организации. Здесь обсуждался устав союза металлистов и программа литературного органа союза металлистов. Устав союза металлистов был зарегистрирован в августе 1916 г. Началась успешная запись в члены союза. 9 сентября 1916 г., накануне первого общего собрания, союз металлистов был закрыт администрацией без объяснения причин. Комиссия по содействию профессиональной организации постановила обжаловать закрытие в Сенат.

В комиссии были рассмотрены также уставы союзов некоторых других профессий, напр., деревообделочников.

В своих циркулярах Рабочая группа советовала рабочим использовать все законные права для сохранения и создания рабочих организаций

подавать уставы вторично на утверждение, обжаловать отказы в Сенат и т. п.

12. КООПЕРАТИВНОЕ ДВИЖЕНИЕ. Рабочая группа принимала деятельное участие в кооперативном движении Петрограда.

При группе существовала особая комиссия содействия рабочей кооперации. В комиссии был разработан вопрос об учреждении петроградского союза рабочих кооперативов. Кроме того обсуждались вопросы, связанные с изданием кооперативного рабочего журнала, устройством «дня кооперации» и пр.

Отдельные члены группы прилагали много усилий к созданию и развитию кооперативных товариществ.

Так, председатель группы К. А. Гвоздев состоял председателем правления Потребительного общества служащих и рабочих Выборгской стороны, образованного в ноябре 1915 г. За отчетный год с 1 декабря 1915 г. по 1 декабря 1916 г. в кассу общества поступило 1 620 207 руб. 47 коп. В начале 1917 г. общество насчитывало 11 300 членов и, кроме того, по соглашению с заводоуправлениями, обслуживало ряд заводов Выборгской стороны, так что общее число потребителей доходило до 100 000 человек; паевых взносов общество имело 127 000 руб., лавок — 9, служащих —150.

В марте 1916 г. зарегистрирован устав Петроградского союза потребительных обществ, учрежденного при содействии членов группы. Деятельность союза началась в июле. Первым председателем был избран К. А. Гвоздев, а после его отказа член Рабочей группы Е. А. Гудков. В состав правления союза, кроме того, входили еще 2 члена Рабочей группы.

Член Рабочей группы В. М. Абросимов в сентябре 1916 г. был избран председателем кооператива «Надежда».

Член группы И. В. Васильев являлся председателем «Потребительного общества доступных обедов», открытого в конце ноября 1916 г.

13. ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ РАБОТА. Вопросам рабочего просвещения группа уделяла некоторое внимание, хотя и не столь значительное, как другим, более насущным нуждам рабочего класса. В марте 1916 г. два представителя Рабочей группы вошли в организационный комитет по созданию Народного института имени Л. И. Лутугина. Третий член группы вошел в этот комитет позднее в качестве представителя рабочих Васильевского острова. В сентябре 1916 г., при ближайшем участии членов группы, были зарегистрированы уставы 3 просветительных организаций: одного на Васильевском Острове, одного на Охте и одного в Новой деревне. Все три культурно-просветительные общества были закрыты администрацией до первого учредительного собрания.

10 октября 1916 г. вышел первый номер журнала «Путь», в котором также принимали участие и некоторые члены группы.

14. ПОДАРКИ ДЛЯ СОЛДАТ. 20 ноября 1916 г. состоялось многолюдное заседание комиссии по организации труда, посвященное вопросу об устройстве среди рабочих сборов на подарки для солдат. Комиссия постановила рекомендовать своим членам принять самое энергичное участие в устройстве сборов на подарки и наметила план организации таких сборов.

На каждом заводе надлежит образовать для сбора подарков заводские комитеты, которые должны объединиться в Петроградский городской комитет по сбору подарков среди рабочих. Подарки должны отвозиться на фронт выборными от заводов; о своих действиях выборные обязываются давать отчет заводским собраниям рабочих.

При проведении рождественских сборов предположенные заводские комитеты образованы не были, и сборы прошли менее организованно, чем намечалось.

При ближайшем участии членов комиссии по организации труда были произведены сборы на заводах Путиловском (пушечная мастерская), Обуховском, Трубочном, Механическом, Орудийном, Арсенале, Гвоздильном, Сан-Галли, Рессора, Кебке, Школе судовых механиков. Всего было собрано около 200 тыс. руб.

Подарки были закуплены при посредстве Рабочей группы и отвезены на фронт представителями рабочих, избранными на общих собраниях крупных заводов.

В конце января 1917 г. Рабочей группой была разослана анкета о сборах на подарки солдатам.

15. СОДЕЙСТВИЕ ОБРАЗОВАНИЮ РАБОЧИХ ГРУПП. Первой Рабочей группой, возникшей при Военно-промышленных комитетах, была Московская группа, второй явилась Рабочая группа при Центральном военно-промышленном комитете. Одной из своих задач группа считала оказывать всяческое содействие образованию Рабочих групп при Военно-промышленных комитетах. 14 января 1916 г. Бюро Центрального комитета, ввиду заявления председателя Рабочей группы, постановило просить комитеты, не избравшие еще представителей от рабочих, ускорить выборы.

Всероссийский съезд военно-промышленных комитетов 26—29 февраля 1916 г. также вменил в обязанность Военно-промышленным комитетам всячески озаботиться повсеместным привлечением в состав Военно-промышленных комитетов представителей от рабочих с предоставлением им права образования самостоятельных Рабочих групп.

В последние месяцы своей деятельности Рабочей группе пришлось заботиться не столько о создании новых рабочих групп, сколько о защите уже существующих групп от покушения и репрессий администрации.

16. ОБЩЕНИЕ С ИЗБИРАТЕЛЯМИ. Одним из основных пунктов «Наказа», данного выборщиками петроградских рабочих своим представителям, избранным в состав Центрального комитета, является требование создать постоянное общение между Рабочей группой и ее избирателями.

3 декабря 1915 г. в своей декларации Рабочая группа потребовала у Центрального комитета, чтобы последний обеспечил ей возможность постоянного общения с избирателями.

Вопрос этот служил предметом подробного обсуждения в общем собрании Центрального комитета 21 декабря 1915 г. Принципиальное отношение к предложению Рабочей группы не вызывало сомнений, и прения велись лишь в такой плоскости: надлежит ли добиться общего разрешения на собрания выборщиков и рабочих или практичнее возбуждать ходатайства о каждом отдельном намеченном собрании?

На 24 января 1916 г. предположено было первое собрание выборщиков. В программе собрания стояли два вопроса: отчет о деятельности Рабочей группы и вопрос о бирже труда.

4 января заместитель председателя Центрального военно-промышленного комитета А. И. Коновалов обратился за разрешением на устройство указанного собрания к министру внутренних дел А. Н. Хвостову. Министерство внутренних дел, считая, что подобные собрания должны нормироваться правилами 4 марта 1906 г., снеслось по этому вопросу с главным начальником Петроградского военного округа. Последний уведомил коми-

тет 23 января, что он признает возможным разрешить собрание выборщиков при соблюдении следующих условий: 1) чтобы все доклады, предназначенные к прочтению в собрании, были представлены предварительно в военную цензуру и 2) чтобы на собрании присутствовал представитель полиции. Рабочая группа не могла принять эти условия, и собрание, предполагавшееся на 24 января, не состоялось.

8 апреля 1916 г. заместитель председателя Центрального комитета А. И. Коновалов и председатель Рабочей группы К. А. Гвоздев посетили председателя Совета министров Б. В. Штюрмера по этому поводу. А. И. Коновалов ознакомил Б. В. Штюрмера с положением вопроса и указал, что требование администрации о непременном соблюдении условий 4 марта 1906 г., с одной стороны, не может быть применено к собраниям рабочих представителей с их бывшими выборщиками, так как по положению о Военно-промышленных комитетах председатель отдела имеет право устраивать собрания с участием посторонних в качестве сведущих лиц, а с другой стороны, это требование делает совершенно невозможным для рабочих устраивать собрания, являющиеся крайне необходимыми. К. А. Гвоздев указал, что присутствие представителя полиции на собрании выборщиков лишает возможности рабочих, среди которых существуют разные течения, свободно высказаться и столковаться по разным вопросам текущей жизни и делает такие собрания физически невозможными. Б. В. Штюрмер обещал подумать над этим вопросом.

24 мая 1916 г. А. И. Коновалов обратился к министру внутренних дел Б. В. Штюрмеру с просьбой разрешить собрание выборщиков на 5 июня, напомнив при этом о посещении 8 апреля.

28 мая получился ответ, что министр внутренних дел не признал возможным разрешить собрание выборщиков от рабочих Петрограда без соблюдения правил 4 марта 1906 г. Рабочие представители к этому времени признали возможным согласиться на устройство собрания даже по правилам 4 марта 1906 г. Устроитель собрания председатель Рабочей группы К. А. Гвоздев представил полный текст своего доклада Петроградскому градоначальнику. 25 мая петроградский градоначальник сообщил, что он вообще ни при каких условиях не находит возможным разрешить собрание бывших выборщиков.

При таких условиях рабочие представители должны были изыскать другие способы для сохранения хоть какой-нибудь связи со своими избирателями. Взамен живого и непосредственного общения явились рассылка бюллетеней о деятельности Рабочей группы и устройство время от времени закрытых заседаний группы и разных комиссий с участием выборщиков и приглашенных лиц.

17. ВСЕРОССИЙСКИЙ РАБОЧИЙ СЪЕЗД. В «наказе», полученном Рабочей группой от своих выборщиков, отмечается необходимость организовать рабочее представительство в Центральном комитете на основе выборов от рабочих всей России, а не только петроградского района, причем для осуществления этой цели надлежит созвать Всероссийский рабочий съезд.

Декларация Рабочей группы, оглашенная 3 декабря 1915 г., приглашает Центральный комитет признать правильным требование созыва Рабочего съезда. Поддерживая эту идею, К. А. Гвоздев заявил, что в то время, как другие члены Центрального комитета избраны на всероссийских съездах, представители рабочих оказываются делегатами только рабочих масс петроградского района.

На заседании Центрального комитета 21 декабря 1915 г. А. И. Гучков доложил собранию, что Бюро Центрального комитета отнеслось к идее созыва рабочего съезда сочувственно, после чего Центральный комитет принял резолюцию о желательности организации такого съезда.

Всероссийский съезд военно-промышленных комитетов 26—29 февраля отнесся к проекту созыва рабочего съезда весьма сочувственно, и резолюция, предложенная по этому вопросу Рабочей группой, была принята единогласно.

Согласно желанию рабочей делегации на Втором съезде военно-промышленных комитетов при Рабочей группе Центрального комитета учреждена была организационная комиссия по подготовке созыва съезда.

Комиссия наметила следующую программу съезда:

1) Отношение рабочих к современному положению страны;
2) Дороговизна жизни и продовольственный кризис;
3) Экономическое положение рабочих и охрана труда во время войны;
4) Рабочие и жертвы войны (инвалиды, беженцы и пр.);
5) Отношение к Военно-промышленным комитетам;
6) Выборы в Центральный военно-промышленный комитет.

Комиссия разработала также организационный устав съезда. Делегатов на съезд, согласно устава, посылают лишь рабочие организации, и только в восьми крупнейших центрах широкие рабочие массы выбирают представителей на съезд путем двустепенных выборов.

Организационной комиссией были разосланы в рабочие организации разных городов приглашения организовать местные рабочие комиссии по созыву съезда.

Идея созыва рабочего съезда нашла живой отклик в рабочей среде.

Несмотря на неблагоприятные для съезда общие условия Рабочая группа не считала это дело совершенно безнадежным. Политическая обстановка, по мнению группы, является глубоко неустойчивой и может резко измениться, для осуществления съезда откроются новые перспективы, и тогда вся подготовительная организационная работа принесет свои результаты.

18. ОТНОШЕНИЕ К ВОЙНЕ И НЕКОТОРЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ РАБОЧЕЙ ГРУППЫ. В отношении к войне Рабочая группа стояла на так называемой «оборонческой» точке зрения. Желательный результат войны представлялся группе как «мир без аннексий и без контрибуций».

Оборонческие взгляды группы нашли выражение также в письме К. А. Гвоздева к А. И. Гучкову. Уезжая в Крым на продолжительное время для поправления здоровья, А. И. Гучков обратился в начале марта 1916 г. к председателю Рабочей группы с письмом, в котором просил охранять социальный мир, необходимый для победы над врагом.

От имени всей Рабочей группы К. А. Гвоздев ответил обширным письмом, в котором, между прочим, говорится:

«В своем письме вы выражаете уверенность, что «светлую будущность» России можно построить на «одолении врага, на победе над Германией». Исходя из этого положения, вы сочли возможным обратиться к нам, организованным рабочим, со словом убеждения.

Вам, конечно, известно, что положение страны, ее настоящее и будущее вселяют и в нас великую тревогу. Но вы знаете также и то, что выводы из этого признания мы делаем совершенно иные.

На последнем Съезде военно-промышленных комитетов рабочая делегация 20 крупных городов страны огласила известную вам декларацию. Рабочие, стоя за ликвидацию войны самими народами, совмещают это свое стремление с защитой страны, раз ей угрожает опасность разгрома. «Одоление же врага» или «победа над Германией», если в это понятие вкладывать такое содержание, какое в него вкладывают имущие классы, может толкнуть Россию на путь завоеваний, военных насилий, авантюр. «Светлое будущее» — не на пути империализма, даже самого либерального».

Когда осенью 1916 г. усилились разговоры о сепаратном мире и были сделаны мирные предложения Германией и президентом Вильсоном, Рабочая группа более отчетливо определила свое отношение к войне.

Она резко высказалась против сепаратного мира и против немедленного мира во что бы то ни стало, но в то же время решительно протестовала против всяких завоевательных стремлений (Константинополь, проливы, Галиция) и против отверження Государственной думой без обсуждения германской мирной ноты.

Политические воззрения группы находились в тесной связи с ее отношением к войне.

Рабочая группа усиленно подчеркивала, что задачи обороны она понимает не в «узко техническом, а в общественно-политическом смысле».

По мнению группы, для успеха дела защиты страны необходима широкая мобилизация всех общественных сил народа.

Существующий политический режим, по мнению группы, не только направлен к угнетению рабочего класса, но является также помехой мобилизации всех живых сил народа на дело обороны и ведет страну к военному разгрому и погибели.

Поэтому «полная демократизация страны» выдвигалась Рабочей группой как очередная задача для спасения России.

Во второй половине мая 1916 г. Рабочая группа, в связи с открытием Государственной думы, обратилась к председателю Государственной думы с заявлением, в котором предлагает Государственной думе первым шагом своих работ сделать вопрос о свободе организаций. «Свобода рабочих организаций, — говорится, между прочим, в заявлении, — объединяя массы, без сомнения, способна будет уничтожить наблюдающийся теперь стачечный хаос и введет конфликты между предпринимателями и рабочими в определенное русло».

В конце октября 1916 г., после большой стихийной вспышки рабочего движения в Петрограде, представители рабочих в Центральном и Петроградском военно-промышленных комитетах обратились в Государственную думу с большим заявлением, которое заканчивается так:

«Мы полагаем, что Государственной думой должно быть немедленно предъявлено решительное требование к власти:

1) открыть все закрытые распоряжением военного начальства фабрики и заводы;

2) рассчитанных рабочих принять обратно, арестованных освободить, посланных на фронт возвратить на заводы;

3) убрать от заводов и из рабочих кварталов политические патрули и усиленные наряды, нервирующие и раздражающие рабочие массы».

В начале ноября 1916 г., когда отчеты о думских заседаниях не печатались в газетах по цензурным условиям, представители рабочих в Центральном и Петроградском окружном военно-промышленных комитетах обратились в Государственную думу с требованием применить все средства,

чтобы путем свободно и широко распространенных думских отчетов ознакомить население и армию с работами Государственной думы.

19. РАБОЧАЯ ГРУППА И ДРУГИЕ ТЕЧЕНИЯ В СРЕДЕ ПЕТРОГРАДСКИХ РАБОЧИХ. На собраниях выборщиков 27 сентября и 29 ноября 1916 г., избравших представителей в Центральный комитет, наметились два течения среди рабочих.

Одно течение примыкало к пораженчеству и относилось отрицательно к совместной с буржуазными элементами работе на оборону.

Другое стояло на точке зрения защиты страны и признавало возможным участие в Военно-промышленных комитетах.

На собрании выборщиков 27 сентября победило первое течение. Большинством 90 против 81 была принята следующая резолюция:

«Уполномоченные фабрично-заводских рабочих г. Петрограда, руководствуясь наказом, данным избирателями, считающими принципиально недопустимым участие представителей пролетариата в организациях, каким-либо образом способствующих данной войне, доводят до сведения означенного комитета, что петроградский пролетариат от выборов своих представителей в Центральный военно-промышленный комитет отказывается и заявляет, что если в составе Военно-промышленного комитета окажутся каким-либо образом рабочие, против них, как изменников и противников воли петроградского пролетариата, будет вестись решительная борьба».

На последующем собрании выборщиков 29 ноября взяло верх второе течение. Из 176 выборщиков 109 приняли участие в собрании, а 67 выборщиков заявили, что считают решение первого собрания правильным, и после оглашения мотивированных протестов покинули зал заседания. В одном из таких протестов, между прочим, говорится:

«Ввиду того, что кучке самозванцев удалось все-таки сторговаться с буржуазией и созвать сегодняшнее собрание, мы заявляем, что считаем изменниками всех способствовавших этой закулисной сделке, и с ними поведем самую упорную борьбу во всех слоях рабочих масс, где изменникам не должно быть места».

Таким образом, группе пришлось начинать свою работу в Центральном комитете при наличности сильной оппозиции в среде петроградских рабочих. В дальнейшей своей деятельности группа тратила много времени и сил на внутреннюю борьбу со своими идейными противниками.

В речи члена группы М. В. Абросимова, произнесенной 3 февраля 1916 г. в Николаеве в присутствии бастовавших рабочих, резко звучит порицание «пораженческой» точки зрения.

По мере того, как развивалась деятельность Рабочей группы, ее противники также усиливали свою агитацию. Особенно резкий характер приняла борьба с группой осенью 1916 г.

Когда Рабочая группа обратилась в правление одного из профессиональных обществ с просьбой прислать отчет о деятельности, то получился в августе следующий ответ:

«Правление в принципе отрицает участие рабочего класса в Военно-промышленных комитетах.

Имея перед собой совершившийся факт—как-то, что часть рабочего класса России сознательно вошла в Центральный военно-промышленный комитет и тем изменила принципам рабочего класса и узурпировала себе право вообще рабочего класса, мы порицаем ту часть рабочего класса, которая вошла в данное учреждение и ведет заигрывание, с одной стороны, с рабочим классом, предлагая меры полуборьбы в исключительный период,

т. е. во время войны, и тем ставя рабочий класс в крайне серьезное положение.

С другой стороны, играя на-руку буржуазии и указывая путь компромисса и ряд других полумер, которые не достигают целей и не являются радикальными мерами в защите интересов рабочего класса».

В августе 1916 г. появился листок от имени Петроградской инициативной группы «Росс. соц.-демокр. рабочей партии». Листок направлен всецело против Рабочей группы. В нем, между прочим, говорится следующее:

«Оборонцы-комитетчики попрежнему продолжают творить разрушающую интернациональную солидарность работы в Военно-промышленном комитете под знаменем самобытного национал-социализма.

Товарищи, вы помните, что, посылая их в Военно-промышленные комитеты, мы, рабочие Петрограда, давали им наказ, в котором поручали, чтобы они потребовали созыва всероссийского рабочего съезда, на котором должно быть выявлено наше отношение к современному положению, а также и к Военно-промышленному комитету. Мы считаем их пребывание временным и вовсе не поручали говорить от лица всего российского пролетариата.

Поручая же им лишь временное представительство, мы категорически заявили, что являемся самыми ярыми противниками войны и стоим за немедленное прекращение ее.

Но они об этом «забыли».

Они забыли, что петроградский пролетариат через головы выборщиков вовсе не поручал им говорить от своего имени языком национал-социализма, языком оборончества...

Прикрываясь невозможностью созыва общегородского собрания выборщиков и лишь от поры до времени случайно совещаясь с отдельными представителями этой коллегии, они невозмутимо повторяли и продолжают повторять: «Мы выполняем волю пославшего нас пролетариата». И тем самым кощунственно прикрывают именем широких масс свою антирабочую политику. Вместо постоянного подчеркивания отрицательного отношения к войне широких масс и их передовых элементов, они, вопреки воле и желанию пролетариата, «гордо» держат знамя империализма, знамя обороны. И тем самым вносят дезорганизацию в рабочие ряды. Знамя же Интернационала, знамя международной классовой солидарности ими сдано Гучкову в архив, как устаревшая и негодная ветошь.

Дальше, товарищи. Они отрицают решения Циммервальда и Кинталя, не признают наших товарищей, стремящихся восстановить международное классовое объединение, и вслух мечтают об «отношении» Мартова и Аксельрода. Не признавая этих решений, они не признают необходимости борьбы за достижение мира.

Поэтому организованные меньшевики, стоящие на точке зрения Интернационала, обсуждая вопрос об отношении в данный момент к группе при Центральном военно-промышленном комитете на в с е х районах и о б щ е г о р о д с к о м собрании, постановили подавляющим большинством голосов Рабочую группу при Центральном военно-промышленном комитете о т о з в а т ь.

Доводя обо всем изложенном до сведения широких рабочих масс, мы констатируем, что Рабочая группа при Центральном военно-промышленном комитете до сих пор еще не вняла голосу организованных рабочих и что этот голос для комитетчиков есть не более как пустой звук.

А потому мы заявляем:

1) Что всякую ответственность за деятельность Рабочей группы при Центральном военно-промышленном комитете мы с себя слагаем.

2) Ни в какие соглашения по вопросам рабочего движения мы с ними не входим.

3) Объявляем их застрельщиками нового раскола».

В своем сентябрьском «Бюллетене» № 4 Рабочая группа подробно отвечает «отзовистам»:

«Рабочая группа должна подчеркнуть, что требования об уходе группы из Центрального военно-промышленного комитета раздаются исключительно со стороны товарищей, не признающих точки зрения обороны. Таким образом, требование ухода надо рассматривать как один из фактов непрекращающейся борьбы двух идейных течений в рабочем классе России.

Оставляя в стороне принципиальный спор, необходимо учесть ценность той практически организационной работы, часть которой изложена в настоящем бюллетене. Когда идейный спор закончится победой противников позиции Рабочей группы, тогда можно будет сказать, что ценою даже большой практической работы нельзя окупать нарушения принципов. Но до этого состояния спор еще не дошел, и поэтому ликвидировать практическую работу во имя чистоты принципов, правильность которых еще следует доказать, было бы актом, неслыханным в истории рабочего движения.

Рабочая группа должна подчеркнуть, что требования об ее уходе раздаются со стороны ограниченных кругов рабочего класса, и она не может принять их к сведению в большей мере, чем требования ряда других рабочих организаций, которые все теснее примыкают к Рабочей группе, участвуют в ее работах, поддерживают ее организационно и идейно».

Противники Рабочей группы резко критиковали не только ее общую позицию, но и отдельные шаги, напр., в области продовольственного вопроса.

Большие возражения встретило среди враждебного группе течения также октябрьское воззвание, опубликованное по поводу ложных слухов.

Листок «Петроградской инициативной группы социал-демократов меньшевиков», появившийся в январе 1917 г., говорит по этому поводу следующее:

«Нашу славную борьбу против войны и против военного суда над нашими товарищами матросами, наше массовое выступление в октябре прошлого года, когда пришло в движение до 130 тысяч рабочих Петрограда, Госуд. дума вместе с буржуазными организациями и Рабочей группой Военно-промышленного комитета назвала делом рук провокации и призывала правительство к самой решительной борьбе с нами».

Эту внутреннюю и скрытую сторону деятельности Рабочей группы — ее борьбу с пораженчеством — нельзя недооценивать.

Как прямой критикой пораженчества, так и всей своей политической и практической работой группа содействовала укреплению тех течений среди рабочего класса, которые стояли на точке зрения необходимости защиты страны от нападения внешнего врага.

20. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ. 3 января 1917 года главный начальник Петроградского военного округа генерал Хабалов обратился к председателю Центрального военно-промышленного комитета А. И. Гучкову с письмом

по поводу деятельности Рабочей группы. По имеющимся у ген. Хабалова сведениям, Рабочая группа Центрального комитета устраивала в истекшие месяцы собрания, на которых участвовали не только члены группы, но и представители больничных касс, рабочих кооперативов и иные, совершенно не причастные к комитету лица, причем на означенных собраниях обсуждался ряд требований революционно-политического характера, как, например, о немедленном заключении мира, низвержении настоящего правительства и осуществлении программных требований социал-демократической рабочей партии. Ввиду сего, согласно закону 1 сентября 1916 г., главный начальник Петроградского военного округа признал необходимым командировать впредь на собрания Рабочей группы представителя администрации и предложил впредь заблаговременно уведомлять петроградского градоначальника о времени, месте и программе всех имеющих состояться собраний Рабочей группы.

11 января в заседании Бюро Центрального военно-промышленного комитета председатель Рабочей группы К. А. Гвоздев заявил, что Рабочая группа в присутствии представителя администрации вести свои заседания не находит возможным. Временно, впредь до выяснения положения, группа решила отказаться от устройства заседаний всех состоящих при группе комиссий и от приглашения на заседания самой группы сведущих лиц.

После подробного обсуждения вопроса в Бюро Центрального комитета А. И. Гучков 13 января уведомил главного начальника Петроградского военного округа, что, относясь крайне отрицательно к закону 1 сентября, комитет не находит возможным итти в этом вопросе дальше тех требований, которые содержатся в самом законе 1 сентября, и так как закон этот не возлагает на общественные организации обязанности сообщать о своих собраниях администрации, то Центральный комитет не может принять на себя обязанности посылать главному начальнику округа и петроградскому градоначальнику заблаговременные уведомления о времени, месте и программе каждого собрания Рабочей группы.

19 января начальник Петроградского военного округа обратился к А. И. Гучкову со вторым письмом, в котором указывал, что, по его мнению, общественные организации обязаны исполнять требования администрации об уведомлениях относительно предстоящих собраний в порядке подчинения закону 1 сентября 1916 года. Вместе с тем ген. Хабалов просил принять во внимание существо дела. Собрания Рабочей группы далеко вышли из пределов своих полномочий, и вместо своего прямого дела Рабочая группа занялась обсуждением политических вопросов в резко революционном тоне. Посему, в качестве представителя военной власти, несущего ответственность за сохранение государственного порядка, начальник округа обязан принять необходимые меры к тому, чтобы общественные организации, призванные к работе по содействию обороне страны, не уклонялись в область обсуждения политических тем и тем более не занимались во время войны подготовкой мятежа против правительства, который во время войны явился бы несомненной помощью внешним врагам отечества. Ввиду сего ген. Хабалов вторично предложил исполнить требование, изложенное в предыдущем письме, предваряя, что в противном случае он не допустит впредь собраний Рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета.

17 января вечером в помещение комитета явился пристав Литейной части в сопровождении двух неизвестных лиц и, направившись в помещение Рабочей группы, заявил встретившему его служащему комитета Б. О. Бог-

данову, что он ищет собрание Рабочей группы. Не удовлетворившись заявлением последнего о том, что никакого собрания 17 января не предполагается, пристав поднялся на 4-й этаж, в котором находятся комнаты Рабочей группы, убедился, что собрания не происходит и, отказавшись составить протокол, удалился.

20 января днем во время происходившего заседания Рабочей группы, в составе 11 членов, в помещение, занимаемое ею, явились чиновник особых поручений при петроградском градоначальнике Акаемов и пристав Литейной части и заявили приглашенному туда товарищу председателя комитета М. И. Терещенко, что они должны узнать, на каком основании происходит заседание Рабочей группы, о котором не извещен градоначальник.

М. И. Терещенко заявил, что Рабочая группа никаких указаний о необходимости извещать градоначальника от Бюро комитета не получала, и просил председателя собрания К. А. Гвоздева, во избежание могущих быть недоразумений, закрыть собрание. Об имевшем быть собраний был составлен полицейский протокол, в котором были внесены товарищем председателя комитета М. И. Терещенко и председателем Рабочей группы К. А. Гвоздевым объяснения относительно непосылки уведомления градоначальнику.

Обычно текущая работа группы после этого инцидента продолжалась. 23 января председатель Центрального комитета разрешил к размножению 4 обращения Рабочей группы:

1) Об административных преследованиях Рабочих групп в Москве, Самаре и др.;

2) О переписке с главным начальником Петроградского военного округа;

3) Анкету о распространении института старост;

4) Анкету о сборах среди рабочих на подарки для солдат.

В ночь с 26 на 27 января в помещении Рабочей группы комитета был произведен обыск, и в ту же ночь были на своих квартирах арестованы: председатель Рабочей группы К. А. Гвоздев [1]), члены группы: Г. Е. Бройдо, Е. А. Гудков, И. И. Емельянов, И. Т. Качалов, Г. К. Кузьмин, Б. М. Шилин, Н. Я. Яковлев и Ф. Я. Яковлев. Одновременно был арестован секретарь группы Б. О. Богданов. Ночью на 31 января арестован член группы И. В. Васильев.

Некоторые соображения о современном рабочем движении и необходимых мерах к его урегулированию [2]).

Центральный военно-промышленный комитет неоднократно обращал внимание Особого совещания по обороне и правительства на чрезвычайно тяжелые условия, в коих протекает работа мобилизации промышленности для нужд государственной обороны вследствие полной неурегулированности рабочего вопроса, особенно остро дающего себя чувствовать в переживаемое страной, в связи с войною, тяжелое время.

[1]) К. Гвоздев не был арестован и заключен под стражу. 27-го он был оставлен у себя на квартире «ввиду болезни» причем, к нему была приставлена полицейская охрана. 29-го Гучков ходатайствовал перед Хабаловым (№ 11334/V) об удалении полицейского, что и было сделано ввиду ручательства Гучкова «о неуклонении К. Гвоздева от законной ответственности». — *И. М.*

[2]) Воспроизводится по подлиннику, хранящемуся в ЦАОР, ф. № 3144. Текст сообщил С. Окунь.

Однако все высказывающиеся до сих пор Центральным комитетом по сему делу соображения нисколько не подвинули вперед разрешения весьма наболевшего вопроса.

Сознавая серьезность создавшегося положения, все более обостряющегося, и те грозные последствия, какие оно несет для отечественной промышленности, работающей на оборону, Центральный комитет считает своим долгом, в качестве организации, стоящей в самом центре мобилизованной промышленности, в то же время имеющей в своей среде представителей рабочего класса, высказать свои соображения по рабочему вопросу — соображения, основанные на близком и непосредственном наблюдении промышленной действительности.

Забастовочное движение и новые хозяйственные явления.

Наиболее резким выражением неурегулированности рабочего вопроса является все разрастающееся рабочее движение, тесная связь коего с созданными войною условиями промышленной жизни очевидна для всех, близко стоящих к работе по мобилизации промышленных сил. Забастовочное движение приняло более или менее значительные размеры с того именно момента, когда вызванные войной осложнения хозяйственной жизни стали особенно сильно давать себя чувствовать, и вспыхивает с большей силой именно там, где новые экономические явления — продовольственные и прочие затруднения — проявляются в более интенсивной форме. В первое время после объявления войны, когда новые хозяйственные явления только зарождались, но не давали себя чувствовать, мы были свидетелями воцарившейся спокойной и сосредоточенной работы, одушевлявшейся общим патриотическим подъемом. Под давлением этого подъема все стачки рабочих, каковые имели место до самого начала войны, прекратились сразу же сами собой, и в течение первых семи-восьми месяцев войны нормальный ход промышленной жизни редко нарушался забастовками.

Начало перелома в этом отношении отмечается с апреля 1915 года. С того времени волна забастовочного движения все время, с некоторыми незначительными перерывами, идет вверх, причем начиная с 1916 года число бастующих рабочих и особенно число потерянных рабочих дней достигает таких размеров, каких они не достигали ни в один из предыдущих месяцев войны. Забастовки стали обычным явлением и постепенно приняли характер непрекращающихся конфликтов то на одном, то на другом заводе, несмотря на неоднократную отсылку бастующих рабочих на фронт, в ряды действующей армии, и строгие меры, применяемые к забастовщикам.

В Петрограде в текущем году бастовали почти все крупные предприятия — Путиловский завод, Балтийский, Металлический завод, завод Лесснера, Невский судостроительный, Сестрорецкий и многие другие. Отмечены забастовки в Московском районе, Костромском, Бакинском, Грозненском. Забастовочное движение, охватывая все большее и большее число фабрик и заводов, перебрасываясь из одного промышленного района в другой, несомненно, действует дезорганизующим образом на отдельные производства.

Вздорожание жизни и расценка труда.

Одной из основных причин, поддерживающих непрекращающееся движение в рабочей среде, является, конечно, необычайное вздорожание

жизни, опрокинувшее рабочие бюджеты и требующее постоянного и непрерывного приспособления этих бюджетов к изменившимся условиям жизни. Конечно, параллельно с ростом дороговизны, росли и расценки труда — они возросли повсеместно и во всех производствах. По условиям рабочего рынка, расценки не могут не итти постоянно вверх, так как рынок труда давно уже исчерпан — предложения труда, особенно труда квалифицированного, нет. Обезлюдение рабочего рынка, вызванное многочисленными мобилизациями и досрочными призывами в армию, и одновременно с сим усиленные требования, предъявляющиеся к промышленности, вызвали необычайный спрос на рабочие руки.

Но те же условия рабочего рынка вызвали к жизни ряд явлений, самым непосредственным образом влияющих на рост расценок в обратном направлении. Явления эти заключаются в происшедших в рабочем составе крупных внутренних изменениях.

Пополнение рабочего состава пришлым элементом.

Повышение расценок труда и усиленный спрос на рабочие руки вызвали громадный прилив в промышленные предприятия, работающие на оборону, пришлого, сырого элемента — неквалифицированных рабочих, которые вербуются из источников, посторонних обычному постоянному составу кадровых рабочих: женщин, подростков, малолетних, а также из устремившихся на большие заработки представителей таких категорий труда, как дворники, швейцары, трамвайные служащие и т. п.

Новые элементы, влившиеся в рабочую среду, привели к сильному понижению качества труда и ослаблению производительности его. Вместе с тем означенные новые элементы, пришедшие со стороны, рассматривая свою новую работу, как временную, относясь к ней, как к отхожему промыслу, не могли, конечно, установить твердых расценок труда, соответствующих повышающейся дороговизне жизни. Добившись для себя более или менее сносных условий, новые элементы, влившиеся в рабочую среду, привели к тому, что расценки постоянных опытных рабочих, за исключением верхних слоев их, несмотря на то, что расценки вообще сильно поднялись, заметно однако отстают от новых, созданных войною бюджетов рабочих.

До сих пор точного статистического учета вздорожания жизни, вызванного войною, и, параллельно, изменений заработной платы — произведено не было. Министерство торговли и промышленности, взявшее на себя производство соответствующей анкеты, до сих пор этой работы не закончило. Ближайшее ознакомление с забастовочным движением не оставляет однако сомнений в том, что причиной забастовок являются тяжелые жизненные условия, в кои поставлен рабочий класс, условия, усугубляемые политическим бесправием рабочих и неспособностью власти справиться с дезорганизацией хозяйственной жизни, вызванной войною.

Повышение заработной платы — основное требование забастовщиков.

Подавляющее большинство стачек связано со стремлением к увеличению заработной платы. Увеличение заработной платы было основным требованием стачечников на петроградских заводах, так же как на

Николаевском, Тульском заводе и фабриках Московского и Костромского района, в каменноугольных предприятиях Донецкого бассейна. Связь забастовочного движения с обострением продовольственного вопроса ярко обнаруживается тем, что в целом ряде предприятий забастовщики именно и требовали того, чтобы им была обеспечена доставка продуктов первой необходимости по ценам довоенного времени.

Иные обстоятельства, вызывающие осложнения.

Отводя крупное значение фактору несоответствия роста заработной платы с ростом дороговизны, Центральный комитет считает в то же время необходимым отметить наличность и других обстоятельств, вызывающих осложнения во взаимных отношениях между рабочими и предпринимателями. Особенно большую роль играют исключительно тяжелые условия, в которые война поставила работу самих промышленных предприятий: систематическая нехватка материалов, топлива, опытных мастеров и пр., вынуждающая предприятия периодически сокращать производство и переводить рабочих на цеховую плату, затем многочисленные заказы, исполняемые по старым нарядам, убыточным для заводов при современных ценах на материалы, — все эти обстоятельства, создающие неравномерность работы заводов и вызывающие в рабочей среде неуверенность в обеспечении работой, имеют, конечно, самую непосредственную связь с забастовочным движением.

Политическое бесправие.

Анализируя причины забастовок, Центральный комитет считает особенно необходимым подчеркнуть, что в огромной степени неустойчивость рабочей массы, ее склонность по всякому поводу прибегать к такому обоюдоострому оружию, как забастовка, несомненно, является результатом рабочей политики — в прошлом и полного отсутствия продуманных мероприятий, отвечающих новым задачам, вставшим перед государственной властью в связи с войною, — в настоящем.

Рабочий класс правительственною властью всегда рассматривался как элемент, враждебный государственности. Существеннейшие нужды рабочих оставались без удовлетворения, и настойчивые стремления рабочего класса добиться осуществления своих основных прав вели лишь к тому, что правительство увеличило силу своего административного давления: вело непрерывную борьбу со всякого рода союзами рабочих, рабочею печатью путем самых решительных репрессий.

Рабочие массы, лишенные организации, авторитетных руководителей, внутренней дисциплины, воспитываемой в процессе самодеятельности, переполненные пришлыми неустойчивыми элементами, особенно легко поддающимися брожению, с чрезвычайной болезненностью переживают те осложнения, которые вызваны общей дезорганизацией экономической жизни. В своих поисках выхода рабочие нередко вступают на ложный путь, бесцельно растрачивают свои силы в неорганизованной борьбе и в порыве отчаяния, неспособные проникнуть в связь явлений, готовы прибегнуть к тяжелым эксцессам.

Весьма характерно, что за все время войны рабочий класс не слышал призывов власти, которые будили бы в нем высшие патриотические чувства, которые раскрывали бы перед ним лучшие перспективы в ближайшем будущем, вливали в него бодрость и силы к борьбе с тяжелыми лишениями. Власть, не сумевшая найти общего языка с рабочими массами в прошлом, не находит его и в настоящий исключительный момент, переживаемый Россией.

Забастовочное движение и организованные элементы рабочих.

Характерной чертой всех забастовок последнего времени является их стихийность, неорганизованность и, как следствие сего, их неподготовленность. На основании сего и ввиду близкого знакомства с действительным положением дела Центральный военно-промышленный комитет считает необходимым категорически заявить, что, по его глубокому убеждению, рабочие неурядицы являются результатом не воздействия организованных элементов рабочего класса, а вызываются целым рядом обстоятельств, лежащих в области экономических отношений и хозяйственных условий переживаемого момента, они разрастаются в крупные столкновения именно вследствие того, что наиболее сознательные представители рабочего класса лишены общения с рабочими массами, за полным отсутствием организаций, и не могут оказывать на них надлежащего влияния. Не потому, конечно, что организованные рабочие являются при всех условиях противниками забастовок — такое утверждение было бы, разумеется, ни на чем не основанным, — но если промышленная жизнь вообще не может протекать без конфликтов, то наличность рабочих организаций вводит эти конфликты в известные рамки, изыскивая другие способы для достижения стремлений рабочих, не нарушая спокойного хода работ; в столь критические моменты, какие переживаются страною во время войны, организованные элементы рабочих, в сознании своего долга и ответственности перед родиною, воздействуют на рабочие массы в направлении удержания их от раздувания конфликтов, приводящих к приостановке работ по производству предметов вооружения, столь нужных для армии.

Осложнения в промышленной жизни, вызванные войною, имеют место не только у нас, — в неменьшей степени они сказываются и в других воюющих государствах, но там эти осложнения не приводят к столь пагубной, при условиях военного времени, расточительности промышленных сил — сдерживающим элементом является там организованность рабочего класса и более высокая степень его сознательности и культурности. Опыт настоящей войны воочию показал, сколь умножает силы обороны государства организованность рабочего класса. Организация рабочих, поднимая культурный уровень рабочих и превращая бесформенную массу отдельных работников в организованный общественный производительный класс, содействует развитию общего гражданского сознания и ответственности перед родиною.

Едва ли можно сомневаться в том, что при большей организованности русского рабочего класса и при наличности органов для миролюбивого улажения конфликтов, мы не были бы свидетелями постоянного прекращения работ то на одном, то на другом заводе, зачастую по самым ничтожным поводам. К сожалению, у нас до сих пор еще пользуются призна-

нием самые архаические представления о роли организаций рабочих, мы еще до сих пор склонны приписывать неурядицы в рабочей жизни влиянию и воздействию организованных элементов. Это глубокое заблуждение, за которое русская промышленность столь сильно платится во время войны, должно быть откинуто раз навсегда.

Рабочая группа Центрального военно-промышленного комитета.

Партийным ослеплением, заведомой недобросовестностью диктуются всякие попытки поставить забастовочное движение в связь с сознательным стремлением к пораженчеству, якобы играющему крупную роль в рабочем классе, или к существованию специальной организации, ставящей себе целью дезорганизовать дело обороны путем постоянного поддерживания в России забастовочного движения. Ввиду того, что в определенных кругах существует совершенно определенная тенденция представить в качестве организованной ячейки забастовочного движения Рабочую группу Центрального военно-промышленного комитета, в отношении которой рабочие группы местных военно-промышленных комитетов являются как бы ее исполнительными органами, Центральный военно-промышленный комитет считает необходимым отметить полную несостоятельность подобных утверждений.

Факт вхождения представителей рабочего класса в Военно-промышленные комитеты уже достаточно ярко характеризует твердую решимость рабочего класса принять активное участие в деле обороны. Упрек в скрытом пораженчестве всегда вызывал среди представителей Рабочей группы самый энергичный отпор. На совещании при Центральном военно-промышленном комитете, состоявшемся 23 мая, с участием представителей от Областных комитетов, среди которых были также и представители рабочих, руководитель Рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета, К. А. Гвоздев, при полном сочувствии делегатов от рабочих, особенно подчеркивал, что рабочие вошли в организацию Военно-промышленных комитетов, так как считали положение страны критическим, обвинения же рабочих в «пораженчестве» им были квалифицированы «гнусною клеветою».

Другой представитель Рабочей группы В. М. Абросимов в экстренном заседании Николаевского военно-промышленного комитета по вопросу о забастовке рабочих на заводе «Наваль» категорически заявил, что «для нас, для рабочего класса, далеко не безразлично поражение или победа», и указывал на необходимость устранения причин, вызывающих забастовки, «дабы работа, в особенности в такое время, шла спокойно и беспрерывно».

Во всех последних забастовках нам приходится сталкиваться с предостерегающим голосом отдельных, наиболее зрелых и способных оценивать момент групп рабочих, но их голос, при общей неорганизованности среды, слишком слаб и не производит надлежащего действия.

На основании изложенного и целого ряда других фактов и наблюдений Центральный комитет считает возможным категорически заявить, что упреки, посылаемые Рабочей группе Центрального комитета, в скрытом пораженчестве являются явно недобросовестными.

Преследование рабочих представителей и общение их с выборщиками.

Между тем, на основании этих упреков, рабочие представители подвергаются непрекращающимся преследованиям. Представители рабочих в

Самарском и Екатеринославском военно-промышленных комитетах арестованы, в ряде городов арестованы выборщики.

Общение рабочих представителей с выборщиками признается невозможным. Таким образом, имеющийся в руках Рабочей группы единственный способ осведомлять рабочие круги о своей деятельности в Военно-промышленных комитетах, о серьезности переживаемого момента и о необходимости весьма осторожного отношения к различным выступлениям, нарушающим правильный ход работ, этот способ представляется неосуществимым. Между тем, введение в состав Военно-промышленных комитетов представителей от рабочих имело единственной своей целью вызвать в рабочих массах сознательное и серьезное отношение к стоящим перед страной неотложным задачам и пробудить в них активный интерес к делу национальной обороны.

Путем привлечения представителей от рабочих к действительному участию в организации производительных сил страны, в соответствии с потребностями фронта, предполагалось преградить доступ в рабочую среду деморализующим «пораженческим тенденциям», могущим найти благоприятную почву в дезорганизованной и распыленной рабочей среде.

Но эта первостепенной важности задача могла быть достигнута лишь при одном непременном условии — при общении рабочих представителей с их выборщиками. Только путем такого общения возможно проведение и углубление в сознании рабочих масс необходимости победы и напряжения всех национальных сил для ее достижения.

Сознавая, что присутствие в Военно-промышленных комитетах рабочих представителей, оторванных от массы избирателей, является совершенно ненормальным, Центральный военно-промышленный комитет предпринял ряд шагов к разрешению устройства собраний Рабочей группы с ее избирателями. При этом Центральный комитет указывал, что собрания эти будут носить исключительно деловой характер, но, в целях свободного обмена мнений, необходимо, чтобы они происходили без участия полицейских чинов. Все эти ходатайства, как письменные, так и заявленные заместителем председателя комитета А. И. Коноваловым лично бывшему министру внутренних дел А. Н. Хвостову, а впоследствии председателю Совета министров Б. В. Штюрмеру, до сих пор не увенчались успехом.

Такое отношение к представителям рабочих вносит только излишнее раздражение в рабочую среду, поселяя в рабочем классе горечь и сознание незаслуженной обиды.

Проект мобилизации промышленных предприятий.

На чрезвычайно сложный комплекс явлений, вызывающий и обусловливающий возникновение забастовочного движения, правительство отвечает законопроектом о мобилизации промышленности. Центральный военно-промышленный комитет уже высказал свое мнение по этому поводу. Законопроект о мобилизации промышленности не несет в себе никаких творческих и созидающих начал. Основная цель мобилизации — достижение наивысшего напряжения труда, его наивысшей производительности — не только не будет достигнута означенным проектом, но им создаются условия, в силу которых исключается всякая возможность серьезной интенсификации наших производительных сил.

Закрепощая служащих и рабочих предприятий, лишая их и тех скудных прав, которые они имеют до сих пор, законопроект не устанавливает

никаких твердых норм, гарантирующих их от новых осложнений в отношении материальных затруднений, предоставляя разрешение возникающих конфликтов административному усмотрению, открывающему широкий простор для возникновения крупных осложнений.

В стремлении бороться с забастовщиками законопроект сам создает однако условия, благоприятствующие их возникновению. Он невольно побуждает рабочую массу направлять свою мысль из области экономических фактов и из области экономической борьбы в область фактов политических и политической борьбы.

Ухудшая политическое положение рабочего класса и не обеспечивая его экономического положения, правительство, несомненно, повышает степень вероятности усиления забастовочного движения, и в этом — наибольший недостаток предполагаемого законопроекта. Он не парализует опасность, не уничтожает ее, а наоборот, он ее увеличивает.

Весьма большие сомнения вызывает мысль поставить во главе фабрично-заводских предприятий страны особо уполномоченных лиц, компетентность которых в совершенно незнакомой для них сфере не может не быть крайне ограниченной.

Нельзя не отметить и того, что законопроект о мобилизации промышленных предприятий предоставляет слишком широкие полномочия военному министру в отношении ограничения действия устава о промышленном труде. Постановления министра могут аннулировать и те немногочисленные нормы, которые охраняют интересы рабочих, как, с другой стороны, эти постановления могут повести к мероприятиям, вредящим законным интересам предпринимателей.

Наконец, крайне слабой стороной законопроекта является та его часть, которая регулирует взаимоотношения в мобилизованных предприятиях между рабочими и предпринимателями.

Передача разрешения возникающих конфликтов в руки особо уполномоченных лиц, в отношении которых отсутствуют всякие гарантии их компетентности в знании условий промышленного труда, не обеспечивает установления в этой области здоровых и нормальных условий.

Предположение, что милитаризация предприятий сама по себе гарантирует исчезновение стачечного движения, явно ошибочно. За последний год промышленность была свидетельницей конфликтов в целом ряде предприятий, в отношении которых все предположения рассматриваемого проекта давно уже осуществлены. Применялась и угроза посылки непокорных элементов рабочих на фронт. На ряде заводов эта угроза осуществилась, и крупные партии квалифицированных рабочих отправлены в ряды войск. Тем не менее забастовки не прекращаются, и в Петрограде, например, они происходят, не взирая на то, что по сие время остается в силе приказ генерала Фролова от 2 сентября 1915 г., коим рассмотрение дел, связанных с прекращением работ на предприятиях, работающих на оборону, подчинено ведению военно-полевых судов.

Не менее пагубно отражаются на спокойном ходе работ и случаи принудительного воздействия военных властей на фабрично-заводскую администрацию в пользу рабочих. Неуступчивость администрации не всегда вызывается проявлением злой воли и излишней алчности, а является, подчас, результатом целого ряда условий, не зависящих ни от одной из сторон. Карательные меры не могут тут привести к цели.

Неизбежным результатом проекта еще до его осуществления явится отлив рабочих из промышленных предприятий, могущих быть подведен-

ными под действие предполагаемого закона, в предприятия, коим не угрожает объявление их мобилизованными. Останутся же в промышленных предприятиях наиболее слабые в качественном отношении элементы, которые и будут законом о мобилизации промышленности закреплены за предприятиями.

Нормальный ход фабрично-заводской жизни может оказаться подвергнутым очень тяжелым потрясениям, отозвавшись с наибольшей силой на крупных предприятиях, играющих вместе с тем в деле обороны страны важнейшую роль.

Рассматриваемый законопроект чрезвычайно ярко характеризует совершенно ложную тенденцию простыми, давно испытанными и в полной мере обнаружившими свою непригодность средствами разрешать сложные проблемы. Огромная задача мобилизации промышленности, сознательное и планомерное руководство тем всесторонним процессом эволюции промышленной жизни страны, который ведет за собой война, установление общего плана государственной деятельности, в целях достижения в промышленной жизни наибольшей интенсификации ее технических сил, подменивается задачею милитаризации промышленности. В русских же условиях понятие милитаризации промышленности не только не совпадает с понятием мобилизации промышленности, но является ее полной противоположностью.

Мобилизация промышленности должна выразиться не в попытках установления казарменной дисциплины там, где успех дела требует глубокого сознания чувства личного долга перед родиною и где успех в работе может быть достигнут лишь на основе полной свободы творческой деятельности духа, она должна выразиться в стройной системе планомерных мероприятий, могущих разрешить те сложные задачи социально-экономической жизни страны, которые вызваны войною.

Дело защиты страны ставится на прочный фундамент лишь при условии осуществления таковой совокупности мероприятий государственного порядка. Усиление репрессий, введение казарменной дисциплины, передача руководства промышленной жизнью страны в руки людей, по всей своей предыдущей деятельности чуждых сфере промышленного труда, может вызвать только самые тяжелые осложнения и угрожает еще в большей мере затормозить весь аппарат нашей промышленной деятельности.

Нужны другие и новые средства для направления неизбежного при всякой развитой промышленности рабочего движения в нормальное русло — средства, вполне оправдавшие себя повсюду, где они применяются.

Органы примирительного посредничества.

В этой области на первом плане стоит необходимость создания органов примирительного посредничества по улажению конфликтов между предпринимателями и рабочими.

Отсутствие примирительных органов ставило промышленность и рабочих в тяжелое положение и в мирное время. При условии же военного времени, когда от той и от другой стороны требуется максимальное напряжение сил, невозможность улажения возникающих конфликтов в специально для того созданных органах примирения, пользующихся доверием обеих сторон, ставит их в положение, прямо безвыходное.

Председатель Центрального военно-промышленного комитета А. И. Гучков еще в сентябре 1915 г. возбудил в Особом совещании по обороне вопрос о необходимости скорейшего учреждения примирительных камер.

Тот же вопрос возбуждался Центральным военно-промышленным комитетом перед Особым совещанием неоднократно и впоследствии.

Отношением Особого совещания от 15 марта с. г. за № 7109 Центральный военно-промышленный комитет был извещен, что вопрос о примирительных камерах не касается непосредственно Совещания по обороне и передан, по принадлежности, в министерство торговли и промышленности. Последнее еще раньше заявляло, что принимает на себя разработку соответствующего проекта, но дело это по сие время нисколько не подвинулось вперед.

Не дало никаких реальных последствий и пожелание о введении примирительных камер, принятое Государственной думой при обсуждении ею вопроса о забастовке на Путиловском заводе.

В результате конфликты, не могущие быть разрешенными мирным путем, разрастаются в крупные столкновения, приводящие к совершенно недопустимой в условиях военного времени приостановке работ, подчас весьма продолжительной, в промышленных заведениях, исполняющих первостепенной важности заказы военного и морского ведомства.

Репрессивные меры, принимаемые по отношению к рабочим, прекращающим работы, как показал опыт, почти никогда не достигают цели и нередко только усиливают брожение в рабочей среде. В то же время отправка квалифицированных рабочих, участвовавших в забастовках, на фронт, в ряды действующей армии, принимая, как признал 2-й съезд военно-промышленных комитетов, совершенно недопустимое и оскорбительное для армии значение наказания, резко, вместе с тем, ухудшает положение рабочего рынка, и без того переживающего острый кризис квалифицированного труда.

Центральный военно-промышленный комитет не может в то же время упускать из виду, что рабочие, своими руками созидающие вооружение армии, заслуживают, несомненно, более внимательного отношения, и ответ репрессиями на требования рабочих, подчас справедливые, вызывает только озлобление в рабочем классе, понижая его патриотическую готовность положить все силы для работы на нужды обороны.

Исхода из разрешения возникающих конфликтов надлежит искать в создании органов примирительного посредничества, с участием обеих заинтересованных сторон. Имея своей задачей, при соблюдении полной нейтральности, изыскание мирных способов улажения назревших конфликтов, эти органы примирительного посредничества, или примирительные камеры, сберегут массу национального труда и капитала, непроизводительно гибнущих ныне в бесплодных забастовках.

В целях же обеспечения за примирительными камерами необходимой компетенции и авторитета, необходимо, конечно, чтобы они были проведены в жизнь путем издания соответственного закона.

Профессиональная организация рабочих.

Наряду с примирительными камерами важнейшей государственной мерой, обеспечивающей возможность установления нормальных отношений между предпринимателями и рабочими, является содействие беспрепятственному развитию профессиональных рабочих организаций, на исключительную важность которых было указано выше. Промышленность, которая сама организована весьма слабо и имеет дело с совершенно неорганизованной, бесформенной массой рабочих, весьма естественно, не может уста-

новить нормальных отношений с рабочими, а вследствие этого не может проявить то напряжение сил, какого требует военное время.

Тогда как повсюду уже давно сознана полная необходимость профессиональных рабочих организаций, без которых немыслимо правильное развитие крупной промышленности, русская рабочая политика продолжает смотреть на всякую попытку рабочих к организации на почве своих экономических интересов, как на явление, опасное для общественного порядка и спокойствия. Повидимому, не убедила сторонников этой мысли и практика настоящей войны, показавшая истинное настроение рабочих, весьма далекое от разрушительных стремлений.

Это подозрительное и отрицательное отношение власти к рабочей самодеятельности, являющееся основой всех правительственных мероприятий по рабочему вопросу, стоит тяжелым тормозом на пути нормального и успешного развития отечественной промышленности и препятствует созданию нормальных и правильных отношений между предпринимателями и рабочими.

Институт старост.

В целях создания рабочего представительства крайне необходимо всемерное содействие укреплению и расширению института старост, осуществление которого вполне возможно на основании закона о старостах в промышленных предприятиях, изданного 10 июня 1903 г. Предоставляя предпринимателям возможность всегда быть осведомленными о настроениях, нуждах и желаниях рабочих масс через посредство их признанных представителей, институт старост и для самих рабочих приобретает огромную ценность, создавая легальную форму представительства, не говоря уже о той огромной положительной роли, которая может быть выполнена фабричными старостами в качестве передового элемента рабочего класса, в отношении его всестороннего культурного подъема.

Биржа труда.

В отношении мероприятий социального законодательства остро дает себя чувствовать отсутствие органов посредничества по найму для урегулирования спроса и предложения рабочей силы и устранения царящих в этой области хаоса и неопределенности.

Точный учет рабочих сил и наиболее правильное использование их в соответствии с запросами развитой промышленности, регулирование и направление новых рабочих кадров по пути быстрого приискания им работы, соответствующей их профессиональному опыту и привычкам, устранение безработицы в одном месте при наличности острой нужды в рабочей силе в другом — все это возможно лишь при надлежаще организованных и правильно функционирующих биржах труда.

Не в меньшей мере, чем промышленность, острый недостаток в рабочих руках испытывает и сельское хозяйство, переживающее весьма тяжелое состояние. Таким образом, потребности промышленного и сельского хозяйства выдвигают вопрос об организации посредничества по найму в число вопросов первостепенной государственной важности. Разрешение этого вопроса вызывает необходимость организации централизованной сети посреднических учреждений — бирж труда.

Но и этот вопрос, разрабатываемый в министерстве торговли и промышленности с осени прошлого года, не получил до сих пор никакого движения.

Кооперативное законодательство.

Не менее насущной в деле успешной борьбы с забастовочными движениями является настоятельная потребность в законодательном содействии укреплению кооперативного движения. Нет сомнения, что среди различных фактов дороговизны некоторую роль играет спекуляция и искусственное поднятие цен. Проведение в жизнь кооперативного закона, дающего полный простор общественной инициативе, является, при таких условиях, одной из самых настоятельных задач государственной организации страны.

Регулирование заработной платы.

Указывая на конкретные мероприятия, которые могут быть незамедлительно воплощены в жизнь при содействии Государственной думы и правительства, нельзя не отметить также, что, согласно положению об Особом совещании для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (ст. 10 п. 12), председателю Особого совещания по обороне предоставлено право устанавливать размер заработной платы в предприятиях, работающих на оборону. До сих пор однако это право им использовано не было. Надлежит незамедлительно приступить к созданию органов, при посредстве которых это право могло бы быть осуществлено.

Заключение.

Резюмируя все сказанное, Центральный военно-промышленный комитет считает крайне необходимым, в целях общего оздоровления тяжелой атмосферы, создающейся вокруг рабочего вопроса, и в целях обеспечения нормального хода работ на национальную оборону, незамедлительное осуществление следующих мероприятий: полной свободы в отношении профессиональных организаций рабочего класса, прекращения репрессий в отношении рабочей прессы, учреждения примирительных камер, всемерного содействия укреплению и расширению института старост, планомерной организации бирж труда, кооперативного законодательства и регулирования заработной платы.

Глубоко неправы те, кто, не возражая по существу против указанных мероприятий, заявляют против них отвод по несвоевременности. Никогда еще потребность в организации национальных сил и регулирования больных вопросов русской жизни и, в частности, рабочего вопроса, не стояла так остро и напряженно, как теперь. Тем, что грозные испытания прошлого лета не сломили наших сил, что у порога третьего года небывалой в истории войны начинаем новую победоносную эру, мы обязаны исключительно тому могучему патриотическому порыву, с которым русское общество начало собирать свои силы и организовываться. Теперь, когда отсутствие рабочих организаций дает себя так болезненно чувствовать, в большей мере, чем когда-либо, настает неотложный момент для проведения всех указанных выше мероприятий. Их необходимость диктуется не только требованием военного времени, но и теми задачами, которые станут перед нами на другой день после заключения мира.

Для скорого уврачевания причиненных войною бедствий и для успешности мирной борьбы на экономической арене нам необходимо иметь организованный рабочий класс, при отсутствии которого мы будем бессильны разрешить те сложные экономические проблемы, которые встанут перед нами в ближайшем будущем, по окончании войны бессильны будем

сбросить с себя то тяжелое ярмо экономического рабства, которое привело нас к настоящей войне, бессильны, наконец, будем поднять производительность народного труда до той высокой степени напряжения и продуктивности, которая необходима для восстановления нормального хода экономической жизни и создания колоссальных ресурсов, необходимых для покрытия многообразных и настоятельных нужд страны.

Мысль о том, что будущее России теснейшим образом связано с будущим рабочего класса, должна стать руководящим принципом русской государственности.

Широкие народные массы представляют собою могучую активную силу. Сознательное и деятельное отношение их к судьбам родины повелительно диктует необходимость привлечения их к непосредственной работе во всех областях общественной и государственной жизни. Рабочий класс должен быть опорой государства, а не враждебной ему силой. Власть должна итти навстречу удовлетворению основных нужд рабочих масс, осуществляя важнейшие требования социального законодательства и в корне изменяя отношение к рабочему классу, отрешаясь от политики недоверия и приемов административного усмотрения, ведущих к всевозможным стеснениям и произволу.

Грандиозные задачи, к разрешению которых страна должна приступить по окончании войны, при условии полного преобразования тех основ экономических, политических и социальных, на которых зиждилась жизнь мировых держав, требуют также со стороны России воплощения в жизнь совершенно новых условий и новых принципов. Среди этих новых условий государственной жизни главнейшая роль должна быть отведена планомерной и незамедлительной организации всех живых сил страны и среди них в первую очередь — организации рабочего класса России.

Заместитель председателя комитета А. Коновалов.

Товарищ председателя комитета П. Козакевич.

Помощник управляющего делами комитета Омельченко.

Первая Государственная дума в Выборге

Публикуемые ниже материалы — протоколы двух заседаний 1-й Госуд. думы (после разгона ее манифестом 8 июля 1906 г.) в Выборге 9 и 10 июля, проект обращения Думы к народу, составленный Ф. Ф. Кокошкиным, и декларация Польского коло — входят в состав хранящейся в Особом отделе Центрального исторического архива группы документов, которые относятся к заключительному моменту деятельности этой Думы, именно — к истории составления ею пресловутого Выборгского воззвания 10 июля 1906 г. «Народу от народных представителей».

Среди этих документов, кроме названных выше, находится подлинник Выборгского воззвания и пакет с письмами и телеграммами нескольких десятков думцев, — частью не добравшихся до Выборга, частью уехавших из него до конца работ Думы, — о присоединении их подписей к воззванию.

Два первых публикуемых здесь документа, обозначенных на особом пакете, в котором они хранились до поступления в Центрархив, как «протоколы в обработанном виде», при ближайшем анализе их текста не вполне оправдывают это название. Это, в сущности, наспех перебеленные (притом, повидимому, через немалый промежуток времени) секретарские записи, в основу которых легли частью предварительные черновые записи, частью личные воспоминания (см., например, в конце второго протокола: «события конца заседания приходится восстановить по памяти», — «кажется, был объявлен перерыв» и т. п.). Такая характеристика этих документов подтверждается наличием второго пакета с черновыми карандашными записями заседаний, сделанными двумя разными почерками. Из упоминания в первом протоколе об избрании секретарем Шаховского и о ведении записей также Набоковым можно заключить, что эти черновые записи принадлежат их перу. Автором же «обработанных протоколов» на основании сличения почерков следует признать Шаховского. В основу этих «протоколов» легли черновые записи его и Набокова. Как начало, так и конец обеих записей идентичны по содержанию, записи же ораторских выступлений велись Шаховским и Набоковым по очереди. Позже, — когда именно, по документам нельзя установить, — черновые записи были сведены Шаховским в одну и дополнены личными воспоминаниями. Эта сводная запись, носящая полумемуарный характер, и обозначена на пакете как протоколы «в обработанном виде». Это не «беловые» протоколы в собственном смысле: на них отсутствуют секретарские подписи; кроме того в них немало зачеркнутых слов и целых фраз. При подготовке к печати зачеркнутые отдельные слова и предложения снесены в подстрочные примечания; мелкие же описки исправлены в тексте без специальных оговорок. В текст введены (в прямых скобках) указания на партийную принадлежность ораторов, выступавших 9 и 10 июля.

Проект Кокошкина, участника комиссии, составившей Выборгское воззвание, хранится в пакете с надписью: «Черновой набросок обращения, написанный рукой Ф. Ф. Кокошкина». Набросок написан карандашом и испещрен авторскими исправлениями и зачеркиваниями, которые здесь воспроизведены в подстрочных сносках.

Несмотря на вышеуказанные недостатки протоколов, научно-историческое значение их несомненно. К подробной оценке их содержания и роли партий, участвовавших в выборгских заседаниях Думы, редакция вернется в ближайшем времени в связи с публикацией других материалов, относящихся к истории деятельности и роспуска 1-й Госуд. думы, означавшего «конец либеральной гегемонии, сдерживавшей и принижавшей революцию» (Ленин).

Текст документов подготовил к печати А. А. Сергеев.

1-й день. 9 июля [1906 г.]

Собрание открыто 9 июля в $10^1/_4$ час. веч.

Открывает его *И. И. Петрункевич* [к.-д.] указанием на те основания, по которым решено было собраться на совещание.

Председателем собрания избран *С. А. Муромцев* [к.-д.] (бурные овации).

Седельников [труд.] предлагает пригласить в залу стенографов и журналистов для записи прений.

Предложение его отвергается. Помимо собравшихся депутатов постановлено никого в залу не допускать.

Секретарем избран *жн.*[1] *Шаховской* [к.-д.]. Он занимает место у стола. Рядом с ним садится *Набоков* [к.-д.], ведущий также запись прений.

Проверяется состав присутствующих. Всего их оказывается налицо 178 человек.

Протопопов [к.-д.] указывает на возможность каких-либо действий администрации с целью помешать работе совещания.

Медведев [к.-д.] предлагает в случае невозможности закончить работу в Выборге переехать в Гельсингфорс.

Галецкий [к.-д.] (гостиница???) [2].

Постановлено: в случае закрытия собрания ехать в Гельсингфорс.

Петражицкий [к.-д.] предлагает всем участникам высказываться в прениях от своего имени, а не от имени своей фракции.

Прения по вопросу [3]) об ответе на совершившийся факт роспуска Думы открыты.

1. *Бондарев* [труд.]. — Дело, нам предстоящее, надо разбить на две части:

Во-первых, мы должны издать манифест к народу и прежде всего определить его содержание.

Во-вторых, мы должны определить свое поведение по издании этого манифеста.

Что касается первой задачи, то по отношению к форме необходима краткость, по содержанию же в нем должно заключаться следующее:

1. Мы возвещаем, что дело народа в руках самого народа.

2. Во главе движения должны стать организованные силы страны, силы эти и должны быть затем перечислены.

3. Армия с оружием в руках должна защищать дело свободы.

4. Правительство, как центральное, так и местное, не могут [4]) более считаться правительством, и повиноваться существующим властям преступно.

5. Из этого вытекает необходимость прекратить платеж повинностей и поставку рекрут.

Вторая задача наша—деятельность по издании манифеста—сводится к следующему:

1. Мы остаемся в Выборге или Гельсингфорсе.

2. При этом значение наше может быть двоякое: мы можем считать себя попрежнему Думой или же присвоить себе функции правительства. Я не высказываюсь ни за ту, ни за другую альтернативу.

---

[1]) Далее зачеркнуто: «Д».
[2]) Так в подлиннике.
[3]) Далее зачеркнуто: «о предстоящих».
[4]) Так в подлиннике.

3. Но, во всяком случае, должен быть избран Исполнительный комитет, который должен быть всячески охраняем, мы же создадим его связь с населением.

Прошу моих товарищей дополнить, если я что-либо пропустил или неточно выразил.

2. *Рыжков* [труд.]. — Я высказываюсь против провозглашения себя Временным правительством и против пребывания в Выборге или Гельсингфорсе. Дума должна продолжать свои заседания, пока ее фактически не разгонят. Надо для этого, при невозможности проникнуть в Таврический дворец, собраться в клубе народной свободы, прочитать там наш манифест и продолжать заседания Думы. Столкновение при этом неизбежно. Надо обратиться за поддержкой к различного рода организациям, как, напр., железнодорожные союзы.

3. *Локоть* [труд.] возражает против возвращения в Петербург.

4. *Якубсон* [труд.] указывает, что высказанные членами Трудовой группы предположения составляют их личные мнения. Группа же в целом никакого решения не приняла.

5. *Кн. Баратов* [труд.] развивает точку зрения Бондырева и присоединяется к ней. Он прибавляет только, что должны быть созданы на местах органы, имеющие целью подготовить созыв Учредительного собрания.

6. *Брамсон* [труд.] подтверждает, что в Трудовой группе существуют некоторые непримиренные [1]) разноречия по существу вопроса. Бондырев верно передал общее ее настроение. Но остается невыясненным такой существенный пункт: выступить ли нам перед народом в качестве Временного правительства или же Учредительного собрания? Оратор против выступления в качестве и того и другого. Мы должны стать Временным правительством фактически, без всякого провозглашения. Для этого должен быть выбран особый Исполнительный комитет, который продолжал бы постоянное существование. Мы же должны вернуться в Петербург и сделать попытку собраться там. Дальше Брамсон говорит о содержании воззвания (вероятно, развивая положения Бондырева?) [2]) и указывает на необходимость создать местные [3]) организации на начале всеобщего избирательного права. Как на средство борьбы указывает на общую забастовку.

7. *Винавер* [к.-д.].—Две предстоящие нам задачи совершенно правильно и очень ясно указаны Бондыревым.

По существу трудно возражать против тех пунктов, которые, по мнению Бондырева, должны составить содержание обращения к народу, но необходимо проверить степень исполнимости некоторых из них и, только разобравшись в этом, установить содержание обращения.

Народу надо указать путь к обратному завоеванию себе свободы. Некоторые из элементов этого пути бесспорны. Кое-что, может быть, можно было бы прибавить, — я бы, например, указал на необходимость включить новый пункт — отказ от платежа по займам, заключенным без разрешения народным представительством.

Переходя к [4]) указанным уже здесь средствам борьбы, надо прежде всего рассмотреть вопрос об осуществимости политической забастовки, так как,

---

[1]) Так в подлиннике.
[2]) То же.
[3]) Далее зачеркнуто: «учреждения».
[4]) Далее зачеркнуто: «вопрос[у]».

если она возможна, то ей надо отдать предпочтение перед всеми другими средствами, но вопрос об ее осуществимости еще должен быть разобран.

Что касается нашей личной деятельности, то я прежде всего укажу на нашу лондонскую делегацию, имеющую полномочия от самой Думы. Мне кажется, что ей следует продолжать свою миссию, с усилением, может быть, ее состава.

Затем, что нам всем делать? Если бы мы могли в полном составе здесь остаться, это, может быть, было бы самым могучим средством постоянного воздействия на общественное мнение, но только при одном условии: если на местах найдутся довольно сильные и деятельные органы для организации там работы.

Я в этом сомневаюсь и предпочел бы другой путь: совершение нами такого демонстративного акта, который бы дал сильный толчок движению; таким актом нашим могло бы быть такое наше собрание в Петербурге, которое кончилось бы нашим общим арестом. Государственная дума в тюрьме служила бы хорошим символом и возбудителем для общественной борьбы.

8. *Джапаридзе* [с.-д.].—Надо поставить вопрос прямо и признать, что мы вступили на революционную почву. Поэтому надо столкнуть силы правительства и народа. В таком духе и должен быть составлен манифест к народу с объяснением в нем истинных причин роспуска. При этом надо рекомендовать отказ от поставки рекрутов и обратиться к армии и флоту с призывом к отказу итти против народа. Надо призывать к всяческому бойкоту правительственной власти, центральной и местной. Мы же должны вернуться в Петербург и продолжать заседания Думы.

9. *Жордания* [с.-д.] настаивает на переезде в Петербург. При этом сидеть по углам и держать себя вдали невозможно. Завтра же мы должны явиться в Таврический дворец и потребовать входа туда. Это все, что лично мы можем сделать. Объявлять же себя правительством невозможно. Это произвело бы смехотворное впечатление.

10. *Езерский* [к.-д.].— Наше дело — дать народу организационные лозунги. Он не видит смысла в таких поступках, которые бы повели к заарестованию депутатов. Следует, напротив, обратиться к верховной власти, а для этого, собравшись в Москве, избрать особую к ней депутацию. Вместе с тем стране следует указать на необходимость всеобщей забастовки.

11. *Винавер* [к.-д.] предлагает признать предварительные прения законченными и до принятия решения обсудить по фракциям имеющийся проект обращения.

12. *Френкель* [к.-д.] считает, что разбиваться на фракции не следует. Государственная дума имеет громадный авторитет как одно целое; его и следует использовать, а для этого — сойтись на тех пунктах, которые общи всем нам.

13. *Жордания* [с.-д.] предлагает для подготовки общего решения собравшихся избрать одну смешанную комиссию для обсуждения проекта обращения.

14. *Бондарев* [труд.] поддерживает предложение Винавера.

15. *Винавер* [к.-д.] настаивает на предварительном обсуждении вопроса по фракциям, но вместе с тем считает вполне правильным избрание одной общей смешанной комиссии для выработки общего текста.

Постановлено: образовать смешанную комиссию для составления общего текста воззвания из 6 человек, по двое от каждой из принимающих участие в совещании фракций.

Заседание 10 июля (второй день).

Присутствует 152 б. депутата.

Товарищами председателя собрания избраны *кн. Долгоруков* [к.-д.] и *Гредескул* [к.-д.].

Кн. Долгоруков [к.-д.] прочитывает привезенный утром этого дня текст манифеста 9 июля.

Бондарев [труд]. добавляет (??? У Набокова) [1]).

Винавер [к.-д.] от лица комиссии, избранной накануне, сообщает о результате ее [2]) работы по редактированию обращения. Прочитывается [3]) текст проекта обращения и указано, что по трем (показаны 4?) пунктам [4]) внесены существенные изменения в текст.

1. Выключено упоминание о воздержании от насилия.
2. Выключено замечание о том, что теперешнее правительство не может быть признано законным.
3. Вставлено вначале упоминание о факте роспуска Думы.
4. Выражение о требовании заменено словами:.....[5])

1. *Герценштейн* [к.-д.].— Вопрос об издании манифеста решен, и я уже не буду на этом останавливаться, — ограничусь только предлагаемым содержанием его. Мне кажется, что, указывая пути борьбы, мы должны ограничиться только осуществимым. Между тем практически рекомендовать те средства, которые указаны во второй части воззвания, для многих из нас невозможно. Пойти на них значило бы для некоторых изменить прежним убеждениям, и для сохранения единства не следует настаивать на включении этих средств в воззвание.

Мне кажется, что многие [6]) настаивают на включении таких приемов [7]) борьбы, как отказ в платеже налогов и поставке рекрут, только за отсутствием других действительных средств, но ведь ясно, что это еще не может служить достаточным основанием для включения этих, а должно лишь заставить откинуть вообще всю вторую часть, в которой говорится о средствах борьбы: говорить об этих средствах должна каждая партия от своего только имени: общими для всех нас, представителей различных партий, средства эти быть не могут.

2. *Кутоманов* [труд.].—Я скажу только несколько слов о содержании манифеста: 1) в нем должно быть рекомендовано населению отказываться от всякого подчинения начальству, 2) следует указать, что Дума продолжает свои занятия, и 3) надо включить обращение к армии.

3. *Петражицкий* [к.-д.].— Мы как будто согласны, что рекомендуемая нами линия действий должна быть конституционной. Такой характер выдерживается как будто и во второй части обращения: отказ от платежа

---

[1]) Так в подлиннике.
[2]) Зачеркнуто: «трудов».
[3]) Зачеркнуто: «по трем».
[4]) Зачеркнуто: «не удалось устранить разногласия».
[5]) Пропуск в подлиннике.
[6]) Зачеркнуто: «защитники», «указанья».
[7]) Зачеркнуто: «средств».

податей и от поставки рекрут [1]) при известных условиях входит в число мер конституционной борьбы. Но в данном случае предлагаемые меры конституционны лишь по внешности, по существу же я вижу здесь явную ложь. На почве существующего закона бюджет нынешнего года должен считаться законно действующим, и в пределах указанных в нем налогов уклоняться от платежа их нет конституционного основания. Точно так же и контингент рекрут набора нынешнего года уже определен законом, изданным до начала занятий Думы, поэтому и здесь нового вотума не требуется. Таким образом, если не сходить со строго конституционной почвы, то всю вторую часть воззвания надо отбросить и ограничиться одной только первой частью.

4. *Кн. Баратов* [труд.].—Вся наша деятельность свидетельствует о глубоком [2]) разногласии между нами. Мы должны в настоящее время, стоя на политической почве, указать народу на нечто такое, за что он готов был бы сражаться. А за этот манифест никто не прольет ни одной капли крови.

5. *Джапаридзе* [с.-д.].—Нам не следует производить индивидуального голосования, так как по существу дело идет о соглашении партий. Поэтому вовсе не надо спорить и убеждать друг друга, а констатировать, сходятся ли на указанных практических мерах все партии или же нет. Если соглашения нет, то нам надо скорее разъехаться, чтобы не терять понапрасну времени.

По существу вопроса скажу только, что Петражицкий, может быть, и прав, — рекомендуемый способ действий, может быть, и на самом деле не конституционный, а революционный, но так или иначе—на это надо итти, если мы вообще хотим что-либо сказать

6. *Председатель* указывает на необходимость голосования вопросов в настоящем собрании всеми присутствующими, а не по фракциям.

7. *Муханов* [к.-д.].—Акт наш должен исходить, по возможности, от всего состава собравшихся. А то, при нашей теперешней численности, если мы еще разобьемся на части, он потеряет всякую силу не только в глазах правительства, а даже и общества. Поэтому я готов подчиниться большинству, каково бы ни было его решение. Но, взывая к необходимости единодушия, я считаю себя вправе высказать личное свое мнение, совершенно согласное с мнением Герценштейна.

8. *Имшенецкий* [к.-д.].—Воззвание к восстанию, о чем здесь говорится некоторыми, ни в каком случае нельзя делать от всех народных представителей, так как нас здесь всего 150 человек.

9. *Галецкий* [к.-д.].—Призыва к восстанию здесь вовсе и нет. Здесь указываются другие средства. По отношению к ним критика Петражицкого с чисто юридической точки зрения, может быть, и справедлива. Но из этого надо сделать лишь следующий вывод: 1) не надо говорить: вы вправе делать то-то, а следует говорить прямо: делайте то-то и 2) надо помимо этих указать еще и другие средства, о которых здесь и упоминалось. А затем я думаю, что ограничиться только общими замечаниями первой части, не указывая средств, мы не должны и не вправе. Мы о б я з а н ы такие средства указать.

10. *Гредескул* [к.-д.]. Я не могу оставить без возражения доводов Петражицкого. Никак не могу признать, чтобы во второй части воззвания заключалась какая-либо ложь. Мы не стоим на почве формальной закон-

[1]) Далее зачеркнуто: «без согласия парламента правительству, не пользующемуся доверием парламента, как будто признается при несогласии парламента».

[2]) Написано над зачеркнутым: «нашем».

ности. По существу дела [1]) роспуск наш правительством при данных условиях дает нам право сказать, что оно желает взыскивать налоги и рекрут без народного представительства. Если ограничиться одним только отчетом в сделанном без всяких указаний, исход будет еще хуже: захваты. То, что мы рекомендуем, есть пассивное сопротивление. При этом помимо нравственного значения такой формы борьбы указанные меры имеют и практическое значение. Прямые налоги вовсе уже не такая ничтожная часть государственных ресурсов. Но значение отказа от платежа налогов гораздо шире одной лишь области прямого обложения. Надо указывать народу, чтобы он воздерживался от употребления казенного вина. Во всяком случае, ограничиться одним отчетом в сделанном немыслимо. Народ и правительство должны знать, что у нас есть и в о л я и что мы в настоящий важный исторический момент не уклоняемся от ответственности за определенные действия.

11. *Розенбаум* [к.-д.]. Противники второй части представляют дело так, будто из двух частей воззвания одна, первая, бесспорна и для всех приемлема, а споры возбуждает лишь вторая часть. На самом же деле, как мы видим, и первая часть, лишенная второй, возбуждает сильнейшие возражения. Надо иметь в виду, что весь предложенный нам текст является уже результатом соглашения. И вторая часть непременно должна быть сохранена. Высказанные Петражицким возражения формального характера основаны на смешении элементов з а к о н а и п р а в а. Если с точки зрения существующего закона правительство и может считать свою деятельность по взиманию податей юридически правильной, то по существу такое взимание податей при настоящих условиях нарушает право народа и сущность конституционного строя. Но даже и на совершенно формальном основании после принятия и вступления в силу закона о пересмотре сметы нынешнего года и о сокращении расходов для оказания помощи голодающим, нельзя считать, что правительство вправе свободно располагать бюджетом без одобрения народного представительства.

12. *Локоть* [труд.].—Единственный смысл нашего манифеста—активный революционный протест. Без второй части манифест поэтому совершенно немыслим. Но для того, чтобы логически связать в одно целое первую и вторую его части, нужно вставить между ними более общую мысль о непризнании вообще нынешнего правительства после совершенного им действия.

Буслов [труд.] предлагает прекратить прения. Большинством голосов предложение отвергнуто.

Предложение о прекращении записи ораторов также отвергнуто. (Кажется, перерыв, — у меня запись времени: 11 ч. 20 м.).

13. *Яновский* [к.-д.].—Относительно второй части воззвания мы не можем достигнуть единодушия и среди собравшихся здесь. Но надо иметь в виду и других депутатов, не явившихся сюда. Может быть, если мы отбросим вторую часть, и более правые пожелают присоединиться к воззванию, а это было бы в высшей степени желательно. Во всяком же случае, надо сохранить за каждой партией возможность действовать по своим принципам. Поэтому мне кажется более правильным отказаться от второй части.

14. *Иоллос* [к.-д.].—Мы роняем авторитет народного представительства, рекомендуя ложное средство, переписанное с иностранного образца. Единственное, что нас здесь объединяет, это сознание, что парламентаризм

[1]) Далее зачеркнуто: «мы совершенно вправе».

(?парламентская борьба?) [1]) кончился. Средства для дальнейшей борьбы в руках партий.

15. *Кокошкин* [к.-д.].— Я буду очень краток, так как сущность того, что я хотел сказать, уже указана Гредескулом. Дело в том, что мы стоим на почве признания основ народного представительства, и с этой принципиальной точки зрения пассивное сопротивление при данных условиях вполне подходит под понятие конституционной борьбы. Затем и практическое значение предлагаемых мер вовсе не так ничтожно, как это многим кажется. Помимо сделанных уже здесь указаний, напомню еще о том, что сказано в обращении о займах: это может иметь серьезное практическое значение.

16. *Сыртланов* [к.-д.].—(Говорит о бюджетной комиссии и о 15 миллионах???) [2]).

С точки зрения мусульманского населения правильнее было бы выкинуть вторую часть. Мусульман более всего интересует религиозный вопрос, и воззвание их не подвинет на борьбу указанными в нем средствами.

17. *Теннисон* [к.-д.].—Нас здесь полтораста человек. Необходимо было бы принять особые меры к увеличению числа подписей под воззванием. Но об этом следует поговорить отдельно, а что касается воззвания, то я против его второй части, так как я на основании своего личного опыта уверен, что отказ от чисто конституционной борьбы означает провал конституционализма в России. От имени всех присутствующих мы не можем взывать к восстанию, так как не все партии считают его для себя допустимым. А все перечисленные в воззвании меры, как мы отлично знаем по опыту Прибалтийского края, на практике ничтожны. Они у нас практиковались и никаких результатов не достигли. Напомню еще, что при известных условиях нам, Западному краю, угрожает вмешательство в наши дела иностранных держав, и эта опасность вовсе не так призрачна [3]), как это может казаться.

18. *Мякотин* [к.-д.].—Обращение к народу должно быть издано, но в нем должно быть ясно сказано, от кого оно исходит. Поэтому очень жаль, что в нашей среде совсем нет крестьян. В воззвании должна быть особенно подчеркнута отдаленность срока созыва народных представителей — 20 февраля — и должен быть помещен призыв к борьбе против всякого правительственного давления на предстоящих выборах.

19. *Хрущов* [к.-д.].— Призывать население к платежу [1]) налогов я, как житель деревни, знающий ее нужды, не могу. Подсекая земство, мы губим и третий элемент, а он — главный нерв освободительного движения. Что касается незаконности займов без согласия народного представительства, то эту мысль следовало бы не только удержать, а еще развить.

20. *Чакстe* [к.-д.].—Надо ограничиться первой частью воззвания. Призыв к борьбе в предложенной форме я нахожу смешным.

21. *Долгоруков* [к.-д.]. — Одной только первой частью мы ограничиться не можем. Во второй части — вся суть обращения. Мы обязаны дать нашим избирателям указание, что предпринять, и содействовать организации народа. Размеры того движения, которое мы этим вызовем, неизвестны, но мы не можем не указать средств пассивного бойкота, так как это единственное оружие, находящееся в нашем распоряжении. Пассивный бойкот — испытанное конституционное средство, а рекомендовать террора мы не мо-

[1]) Так в подлиннике.
[2]) То же.
[3]) Первоначально: «невозможна».

жем. Во всяком же случае постановление наше должно быть единогласным. Меньшинство должно подчиниться большинству.

22. *Винавер* [к.-д.].—Здесь, в сущности, не[1]) говорят, что указанных во второй части мер не следует осуществлять, указывают только, что нам их не следует рекомендовать. При этом приводятся юридические соображения, доказывающие неконституционность предлагаемых средств, но соображения эти, во всяком случае, весьма спорны. А с другой стороны, моральное значение этих средств, раз они будут применяться, прямо колоссально. Ведь вся первая часть, как бы мы красноречиво и убедительно ее ни изложили, для правительства — нуль. Зато на него может повлиять вторая часть. Но и для успеха в обществе и народе и для оказания достаточно внушительного действия на правительство мы должны в настоящую минуту сохранить единство. Такое единство только и может быть достигнуто, если все мы присоединимся и ко второй части воззвания.

23. *Геллат* [к.-д.] поддерживает Винавера. Мы составляем только одну треть всей Думы. Но, кто знает, может быть, и оставшиеся в Петербурге не бездействуют, а составляют свой манифест. Мы можем рассчитывать на их присоединение к нам и не поддаваться впечатлению нашей малочисленности.

24. *Ростовцев* [к.-д.].—Значение первой части ничтожное, второй—огромное. Поэтому непонятно, как можно откинуть эту важнейшую часть и оставить одну только первую половину воззвания, не способную вызвать какое бы то ни было действие.

25. *Медведев* [к.-д.].—Здесь говорится о значении числа подписей под воззванием и для силы его признается важным, чтобы подписей было больше, чтобы возможно большее число депутатов наличных и отсутствующих сохранило единодушие. Но гораздо еще важнее этого объединения возможно большего числа депутатов объединение вокруг одного центра широких кругов населения. А тем мерам, которые мы здесь предлагаем, не обеспечено сочувствие о б щ е е. Напротив, мы ими внесем в самую глубину населения пагубный раскол и междоусобную войну, так как одни последуют нашим указаниям, а другие станут им всеми силами противодействовать. В частности, укажу на одну немаловажную силу в стране — на торгово-промышленный слой: при другом содержании нашего обращения он мог бы нам оказать поддержку, но какой же помощи можем мы от него ожидать, когда призываем к таким средствам, которые ведут к гибели всей промышленной жизни страны?

26. *Жордания* [с.-д.].— Вторая часть воззвания основана на праве всякого парламента, которое стоит выше писаного закона. При этом чисто практические последствия неплатежа денег не имеют значения; важен принцип и моральное воздействие от его применения. В противоположность тем, которые преуменьшали значение пассивного бойкота, другие приравнивают его к вооруженному восстанию. Но разница между тем и другим огромна. Высказываются сомнения, имеем ли право мы, составляющие всего треть парламента, призывать народ к столь ответственному шагу. Но поверьте, что[2]) здесь собрались те элементы Думы, которые по праву являются представителями народа, и не бойтесь принять на себя ответственности за решительный шаг.

---

[1]) Зачеркнуто: «возражают против того, что».
[2]) Зачеркнуто: «истинные представители народа собраны здесь».

27. *Френкель* [к.-д.]. —Я в существенном согласен с только что высказанным. С того момента, когда распущена Дума, мы можем и обязаны указать на крайние средства, точно так же, как должны были ограничивать себя всячески, пока Дума существовала. И я ожидал от [1]) такого мыслителя, как Петражицкий, что он найдет в себе силы сказать великое слово, соответствующее важности переживаемого. Я и теперь жду этого. Оставьте в покое тех, кто сюда не приехал [2]). Они показали этим, что больше дорожат своим положением, нежели тем долгом, который на них возложен. Решительная борьба будет вестись между немногочисленными группами. Им наши указания не важны. Но как держаться [3]) всей той массе населения, которая стоит вне прямой, открытой борьбы? Их-то мы и должны призвать к отказу от уплаты податей. Это единственное участие в совершающемся, которое массы эти могут проявить, и влияние их будет весьма велико: они обессиливают одну из сторон и наносят тяжкий удар кредиту нынешнего правительства доступными им средствами.

28. *Ишерский* [с.-д.] присоединяется к двум предыдущим ораторам.

29. *Рамишвили* [с.-д.]. — Мы еще недавно были уверены, что не вернемся домой без земли и воли. Мы не несем избравшим нас ни той, ни другой, а несем только оплеуху от правительства. И поэтому я тоже несогласен со второй частью нашего обращения. Ее надо бы заменить словами: теперь дело дошло до народа, в его руках его судьба, и в свои руки должен он взять борьбу. Но на эти более решительные выражения вы не пойдете. Так надо, по крайней мере, указать на необходимость общего бойкота правительству по всей линии: и в платежах, и в суде, и в администрации. Надо, чтобы народ как одно могучее целое отвернулся от правительства, он должен приступить к выборам своих людей и к созданию своего правительства. Если мы этого не выскажем, то [4]) не будет ли это изменой тем обещаниям, которые мы в свое время торжественно дали? И тогда, может быть, от Государственной думы останется одно печальное воспоминание. Чтобы этого не случилось, мы должны создать одну общую организацию, не партийную, а общедумскую.

30. *Скульский* [к.-д.]. — От второй части нашего обращения надо отказаться. Ведь самые мощные средства борьбы не попали и не могут попасть в него, а то, что там есть, в сущности похоже на булавочные уколы. Но я, во всяком случае, присоединяюсь к большинству.

31. *Макушин* [к.-д.]. — Следовало бы во избежание раскола смягчить вторую часть обращения, сохранив из двух указанных средств пассивного сопротивления лишь одну: отказ от уплаты податей.

32. *Брамсон* [труд.]. — Сегодняшние колебания и сомнения поражают своей неожиданностью. При всем бледном и сравнительно невинном характере рекомендуемых мер они характеризуются как нечто ужасное и недопустимое. В этом отражается просто какая-то нерешительность собрания, и едва ли стоит особенно долго убеждать колеблющихся логическими аргументами, а необходимо принять текст воззвания. Следовало бы только выкинуть из него одну фразу: «у вас есть верное средство добиться»... и т. д. Она производит впечатление какого-то рецепта, между тем как весь [5])

---

[1]) Зачеркнуто: «Петражицкого, что он найдет в себе».
[2]) Зачеркнуто: «Они достаточно наказаны за свое отсутствие».
[3]) Зачеркнуто: «в этой борьбе».
[4]) Зачеркнуто: «я боюсь, не изменим ли мы этим».
[5]) Зачеркнуто: «характер».

документ [1]) должен служить гораздо более выражением протеста и возмущения и призывом к отпору, чем указанием практических мер борьбы.

33. *Петражицкий* [к.-д.]. — Говорят, будто первую часть воззвания оставить одну нельзя: ее характеризуют как простое констатирование фактов. На самом деле это не так. В этой части заключается решительный протест против совершившегося и указана ложь в правительственном заявлении; этот протест должен быть высказан, может быть, даже еще резче, чем это сделано, и он имеет самостоятельное значение. Что касается второй части, то более умеренным из указанных там средств борьбы я сочувствую. Возражаю же против других я потому, что здесь говорятся вещи несерьезные и в политическом и в юридическом смысле. Аргументов, даже хотя бы с о м н и т е л ь н ы х в юридическом отношении, выставлять нельзя, а здесь приведены аргументы прямо неправильные. П о л и т и ч е с к о е же ничтожество рекомендуемых средств уже достаточно выяснено другими.

П р и б ы л и п р е д с т а в и т е л и П о л ь с к о г о к о л о.

Читается вторично в их присутствии текст обращения.

Парчевский читает декларацию от представителей царства Польского [2]) и заканчивает ее заявлением, что они обратятся с соответственным заявлением к своим избирателям.

Сыртланов [к.-д.] предлагает переехать в Петербург для дальнейшего обсуждения.

Джапаридзе [с.-д.] предлагает разбиться по фракциям и решить там вопрос о второй части с тем, что меньшинство должно подчиниться большинству.

Председатель делает разъяснение по вопросу о голосовании.

Долгоруков [к.-д.] указывает, что голосование по фракциям невозможно.

Кокошкин [к.-д.] предлагает поименное голосование.

Кн. Баратов [труд.] присоединяется к Джапаридзе.

Брамсон [труд.] предлагает приступить к постатейному обсуждению.

Винавер [к.-д.] протестует против предложения голосовать по фракциям.

Джапаридзе [с.-д.] снимает свое предложение.

Ставится на баллотировку вопрос: угодно ли собранию перейти к постатейному чтению?

Воздерживаются от подачи голоса 6 лиц.

Большинством против одного голоса переход принят.

Председатель указывает, по каким разделам он будет ставить текст на обсуждение и голосование.

I часть. З а г л а в и е.

Протопопов [к.-д.] предлагает заменить проектированное заглавие словами: «От Государственной думы».

Ширшков [труд.] предлагает: «От членов Государственной думы».

Принят текст: «Народу от народных представителей».

II часть. Внесены поправки:

1. *Огородниковым* [к.-д.]: «Указом 8 июля о б ъ я в л е н о о роспуске Государственной думы». — Отвергнуто.

2. *Петражицким* [к.-д.]: «ответ и протест на манифест» — отвергнуто.

---

[1]) Зачеркнуто: «служит».

[2]) См. ниже стр. 98—99.

3. *Куриленко* [труд.]: «трудовое население» вместо «трудовое крестьянство». — Отвергнуто.

4. *Жордания* [с.-д.]: выкинуть слова: «министры попирают законы». — Отвергнуто.

5. *М. Петрункевичем* [к.-д.]: сказать: «не останавливаясь перед отчуждением». — Снято.

6. *Шапошниковым* [труд.]: «безнаказанно» вместо: «невозбранно». — Принято.

7. *Шапошниковым:* вставить: «крупные» при «земли». — Отвергнуто.

8. *Локотем* [труд.]: упомянуть, что указ не оглашен в Думе. — Отвергнуто.

9. *Якушкиным* [к.-д.]: «трудовое и земледельческое население» вместо «трудовое крестьянство». — Снято.

10. *Якушкиным:* вставить перечисление разрядов отчуждаемой земли. — Принято.

11. *Якушкиным:* вместо требования — «составляем законы». — Отвергнуто.

12. *Огородниковым* [к.-д.]: «необходимым для этого». — Отвергнуто.

13. *Долгоруковым* [к.-д.]: правительство «попирает». — Отвергнуто.

Принята вся вторая часть в редакции, предложенной Винавером, с принятыми поправками.

Третья часть.

Поставлена на обсуждение вся первая ее половина.

Внесены поправки:

1. *Локотем* [труд.]: вместо «неспособность» — «злостное (или явное) нежелание».

2. *Медведевым* [к.-д.] — о бедствии для торговли и промышленности. — Принято.

3. *Петражицким* [к.-д.]: выкинуть упоминание о 7 месяцах и указать на протест.

При голосовании сначала принято, затем после вторичного голосования — отклонено.

4. *Скульским* [к.-д.]: о том, что правительство не соберет Думу, если...

5. *Брамсоном* [труд.]: о нежелании и неспособности.

6. *Ершовым* [труд.]: роспись...

7. *Огородниковым* [к.-д.]: «оно не задумается совершить вопиющее»..

На этом обрываются обе записи прений. Дальнейший ход заседания и не требовал подробной записи, так как свелся к принятию целиком предложенного текста с уполномочием редакционной комиссии внести в него поправки, принятые собранием. К сожалению, остался неотмеченным в записях подсчет голосов «за» и «против» при окончательном голосовании.

При редакционных поправках по третьей части нет пометки о том, подвергались ли они голосованию, и о результатах последнего, за исключением лишь принятой поправки 2-й Медведева и, в конце концов, отвергнутой поправки 3-й Петражицкого. Полагаю, что первая поправка (Локотя) была отвергнута, а 4 последние не голосовались.

События конца заседания [1]) приходится восстановить по памяти.

Во время обсуждения поправок к третьей части в гостиницу прибыл выборгский губернатор. Он вел переговоры, кажется, с Протопоповым. Он

---

[1]) Зачеркнуто: «насколько я помню».

настоятельно просил немедленно закончить заседание, указывая, между прочим, и на то, что Выборг — крепость, которая во всякий момент может быть объявлена на военном положении с передачей всей власти военному начальству.

Среди депутатов прибытие губернатора вызвало различные мнения, но большинство, кажется, склонялось к тому, что не следует злоупотреблять гостеприимством финляндских друзей и необходимо подчиниться настоятельному требованию местной власти.

Однако же практические последствия такого отношения к делу были для большинства неясны: говорилось о переезде в другое место; может быть, некоторые были непрочь подчиниться непреодолимой силе и оставить дело не доведенным до конца. Однако такого предложения не вносилось.

Правильный порядок заседания был нарушен. Кажется, был объявлен перерыв, и Муромцев покинул председательское место. Не помню, чтобы были какие-либо совещания групп, которые бы внесли определенное решение. Мне тогда представлялось, что окончательное предложение было внесено лично от себя Иваном Ильичом Петрункевичем. Он с председательского места призывал всех к завершению дела, указал на необходимость прекратить заседание, на невозможность довести до конца детальное обсуждение проекта обращения по пунктам; единственным достойным исходом из создавшегося положения он считал немедленное принятие целиком [1]) выработанного редакционной комиссией текста, с поручением этой комиссии внести в него необходимые изменения согласно состоявшимся постановлениям.

Предложение это и было немедленно голосовано и принято, насколько я помню, огромным большинством голосов, а может быть, даже единогласно, так как противники текста не могли предложить никакого другого практического исхода, а все признавали необходимость какого-либо общего акта.

Проект обращения Госуд. думы к народу, составленный Ф. Ф. Кокошкиным.

Граждане всей России!

Вы избрали нас своими представителями в Государственную думу и поручили нам добиваться для народа земли и воли. Мы требовали для народа свободы, мы требовали [2]) удаления безответственных министров [3]), а главнее всего требовали земли для трудящегося крестьянства [4]). В ответ на это правительство объявило [5]) принудительное отчуждение помещичьих земель недопустимым, а когда Дума еще раз настойчиво подтвердила свое [6]) решение прибегнуть к [7]) принудительному отчуждению [8]), был объявлен роспуск народных представителей. Вместо этой Думы правительство обе-

[1]) Зачеркнуто: «предложенного».
[2]) Зачеркнуто: «ответств[енного]».
[3]) Зачеркнуто: «прежде всего — главнее — самое главное — требовали для т — и прежде».
[4]) Зачеркнуто: «И именно тогда, когда Государственная дума решительно заявила о необходимости принудительного отчуждения частновладельческих земель для наделения крестьян, правительство за это распу[стило]».
[5]) Зачеркнуто: «наделение крестьян землей».
[6]) Зачеркнуто: «бесповор[отное]».
[7]) Зачеркнуто: «к реши[тельному]».
[8]) Зачеркнуто: «Государственно[й]».

щает созвать другую через семь месяцев. Целых семь месяцев Россия будет оставаться без народных представителей в такое время, когда вся страна охвачена волнением и когда [1]) министерство окончательно доказало свою неспособность удовлетворить нужды народа. Целых семь месяцев правительство хочет действовать по своему произволу [2]). Все семь месяцев оно будет бороться с народным движением, чтобы получить послушную Думу, а, если ему удастся совсем задавить народное движение, оно не соберет никакой Думы [3]).

Граждане! Крепко стойте за [4]) попранные права народного представительства, стойте за Государственную думу [5]). Ни на один день Россия не [6]) должна оставаться теперь без народного представительства [7]). У вас есть верное средство добиться этого [8]). Правительство не [9]) имеет права без согласия народного представительства ни собирать налоги с народа, ни призывать народ на военную службу [10]). А потому теперь, когда правительство распустило народное представительство, вы вправе не давать ему ни солдат, ни денег [11]). Если же правительство, чтобы добыть себе средства, станет занимать деньги, то [12]) народ признает [13]) займы, заключенные без согласия народного представительства, отныне недействительны [ми] и [14]) не станет платить по этим займам.

Итак без народного представительства не давайте ни копейки в казну, ни одного солдата в армию. Будьте тверды в своем отказе, стойте за свое право все, как один человек. Перед единой и непреклонной волей народа никакая сила устоять не может.

Граждане! В этой вынужденной, но неизбежной борьбе ваши выборные люди будут с вами.

Заявление Польского коло [15]).

Представители царства Польского в первой Государственной думе глубоко возмущены ее роспуском в столь тяжелое время.

Мы были соучастниками ее усердного и самоотверженного труда для общей пользы народов, населяющих русское государство, ее упорной и решительной борьбы с произволом правительства, ее стремлений к утверждению в государстве демократического конституционного строя!

---

[1]) Зачеркнуто: «пр[авительство?]».
[2]) Зачеркнуто: «без народных представителей».
[3]) Зачеркнуто: «и будет управлять страной».
[4]) Зачеркнуто: «нарушенные пр[ава]».
[5]) Зачеркнуто: «Вы можете заставить правительство в самом скором времени снова созвать — Ни на одну мин[уту]».
[6]) Зачеркнуто: «может».
[7]) Зачеркнуто: «И чтобы — У вас есть, граждане, — есть верное».
[8]) Зачеркнуто: «Никакое».
[9]) Зачеркнуто: «может без — теперь собирать налоги с народа без согласия его народных представителей. Также оно не имеет права и призывать народ на военную службу без согласия народных представителей. Без согласия их оно не имеет права и призывать народ на военную с[лужбу]».
[10]) Зачеркнуто: «И потому, раз правительство объявило роспуск народного представительства, вы в».
[11]) Зачеркнуто: «По существующим законам правительство не имеет также права заключать займы без согласия Государственной думы. А потому всякий государственный заем, заключенный теперь правительством, будет недействительным».
[12]) Зачеркнуто: «Знайте, что займы эти недействительны».
[13]) Зачеркнуто: «счита[ет]».
[14]) Зачеркнуто: «русский народ».
[15]) Так документ обозначен на конверте, в котором он хранился.

От Думы ожидали мы справедливого удовлетворения и наших национальных требований!

Избранные польским народом во имя указанных целей, мы, за все время существования Думы, шли дружно с вами, представители русского народа, по пути насаждения начал действительной свободы.

В знаменательный момент, когда, по поводу пресечения законодательных работ народного представительства, вы совещаетесь о способах дальнейшей политической борьбы, «Польскому колу» приходится определить свое отношение к этим совещаниям.

Являясь сюда, мы этим желаем закрепить наше политическое общение с освободительным движением граждан России, но обсуждать предстоящие вам теперь начинания мы не вправе.

Наилучший способ действий для вашего народа можете избрать вы. Мы же, сообразуясь с особыми условиями Царства польского, обратимся с соответственным сообщением к нашим избирателям.

Без осведомленного участия народа мы не считаем себя призванными решать его ближайшие политические задачи при вновь сложившихся условиях.

От имени «Польского кола»:

Альфонс Парчевский, Францишек Новодворский, Бронислав Малевский, Ян Гралевский, Виктор Яроньский.

Г. Выборг. 10/23 июля 1906 г.

К истории польского восстания 1863 г.

(Неизвестная рукопись Оскара Авейде: «Краткий очерк последних событий в Польше 1861—1864 гг.»).

Для понимания линии развития рабочего движения в Польше изучение национального революционного движения 60-х годов имеет не меньшее значение, чем изучение, например, русского народничества для истории российского рабочего движения. Без понимания действительной роли крестьянского движения 60-х годов в Польше не могут быть правильно выяснены действительные различия в аграрной структуре Польши и России в эпоху революции 1905—1907 гг. Поэтому не удивительно, что лишь только компартия Польши предприняла серьезные шаги по пути преодоления люксембургианского и меньшевистского наследства, завязалась горячая дискуссия и вокруг проблемы 1863 г., в результате которой появился ряд докладов, брошюр и статей в советской печати в 1928—1929 гг. и позже. Дискуссия эта расчистила путь для дальнейшего научного исследования эпохи, причем она воочию показала, что главной опасностью и на этом отрезке исторического фронта в данных условиях является опасность правооппортунистического извращения учения Маркса и Ленина о восстании, хотя иногда и прикрытая «левыми» фразами [1]).

Маркс и Энгельс с точки зрения интересов международного пролетариата, с точки зрения перспектив пролетарской революции смотрели на польское национально-освободительное движение, оценивали его поражения и победы царизма. С этой точки зрения вполне понятной является оценка тогдашних событий, данная Марксом непосредственно после подавления восстания, когда в письме к Энгельсу от 7/VI 1864 г. он писал: «Подавление польского восстания и завоевание Кавказа я считаю самыми серьезными европейскими событиями со времени 1815 г.» [2]).

Не иным был подход к данной проблеме и Ленина, когда он подчеркивал первостепенное значение тогдашнего освободительного движения Польши «с точки зрения демократии не только всероссийской..., но и всеевропейской» [3]).

---

[1]) Это касается как сборника материалов Инбелкульта «Rok 1863 na Mińszyźnie» (Минск, 1927), в частности предисловия к этой книге, так и ряда выступлений в минской и московской дискуссиях по поводу этой книги, работ Агурского и т. д. Появившаяся вслед затем в 1930 г. книга Игнатовского «1863 г. на Белоруссии» не только страдает эклектизмом, но отражает также совершенно определенно влияние польского — а отчасти и белорусского — буржуазного национализма. Работа тов. Витковского «Powstanie 1863 roku i rosyjski ruch rewolucyjny początku 1860-ch lat.» (Минск, 1931), правильно подчеркивающая общие предпосылки польского и русского революционного движения 60-х годов и обусловленные ими основные общие черты тогдашнего революционного движения в России и Польше, не м. б. признана удовлетворительной уже по самому своему методу, как попытка оценки движения исключительно на основе его собственных литературных—да притом еще лишь официального характера—памятников. Краткий критический обзор своих собственных работ по эпохе восстания я дал в статье «Промышленный пролетариат Польши в революционном движении 60-х годов» («История пролетариата СССР» 1931 г., № 7).

[2]) Маркс и Энгельс, Сочинения, том 24, стр. 187.

[3]) Ленин, Сочинения, т. XVII, стр. 457.

Никто из марксистов не пытался ставить непосредственно под сомнение эти общеизвестные истины. Тем не менее оказалось, что извращение учения Маркса и Ленина идет не только по линии прямого соскальзывания ряда авторов на позиции национализма (оценка восстания, как движения внеклассового, идеализация роли польского помещика и мелкой буржуазии, замазывание классовых противоречий, затушевывание захватнических тенденций польских имущих классов и т. п.), но также и по линии попыток оторвать внешнеполитическую оценку восстания от классового анализа, данного Марксом, от его учения о двух путях развития для Польши, от его учения о специфической связи проблемы национально-освободительного движения и аграрной революции в Польше. Ясно, что ошибки первого порядка, замазывая учение Маркса, Ленина и Сталина о различном значении национального движения на различных этапах, идут по линии старой «теории» ППС, пытавшейся «закрепить» точку зрения Маркса и Энгельса 60-х годов для иной эпохи — эпохи мощного рабочего движения и революции в России, — идут по линии шейдемановцев 1914—1918 гг. и пилсудчиков 1919—1920 гг., оправдывавших захватническую политику империалистической Германии и Польши на Востоке ссылками... на Маркса. Ошибки же другого порядка, в сущности, являются не чем иным, как попыткой подменить марксистский анализ тогдашних событий прудонистской путаницей, более или менее ловко прикрываемой цитатами из Маркса о внешнеполитическом значении польских восстаний.

Нечего и говорить о теоретической несостоятельности подобной попытки приклеить к прудонистскому анализу марксистские выводы. Практически это обозначало попытку правооппортунистической группы, вскоре разгромленной партией, найти убежище для своих выпадов против ленинизма в старых окопах люксембургианской историософии.

Старая люксембургианская теория исходила из положения, что движение за независимость Польши, после ее разделов, являлось, в сущности, не чем иным как оппозицией против тенденций капиталистического развития, якобы навязываемых стране русским царизмом. Отсюда и делается вывод о превращении — с падением крепостнических барщинных отношений в стране — лозунга независимости Польши в реакционную утопию, равносильную стремлению «повернуть вспять колесо истории до эпохи феодализма». Ясно, что теория эта неправильно ориентировала партию не только непосредственно в области национального вопроса, но также и в области крестьянской проблемы и по вопросу о гегемонии пролетариата. В правооппортунистическом изложении этой теории в корне извращалось также марксистско-ленинское учение об исторической роли мелкой буржуазии, которая, якобы, выходит в Польше на историческую арену лишь с конца XIX века, после мировой войны выступает неожиданно «в качестве самостоятельной исторической силы» и, используя растерянность буржуазии, захватывает власть в свои руки.

В чистом виде люксембургианская «теория» польского национального движения наиболее четко была изложена — еще до Октябрьской революции — одним из виднейших публицистов польской социал-демократии Г. Каменским в статье, напечатанной в польском социал-демократическом органе, варшавской «Нашей трибуне» (1916 г., № 5):

«Повстанческое движение польской демократии было движением с сущностью смешанной, двусторонней. Революционное по своим формам и политическим лозунгам, оно являлось р е а к ц и о н н ы м по своей социальной сущности... Дворянские повстанцы стремились к возвращению свободы в значении ф е о д а л ь н о м: к раздроблению государства, самостоятельности каждого округа и каждого лоскутка земли, к самоуправлению каждого «шляхтича» — на «загродзе» равного воеводе... Это был идеал реакционный, бессильный перед лицом капиталистического развития. И произошла странная вещь: по отношению к этим республиканцам и демо-

кратам никто другой как именно царское правительство представляло прогрессивные интересы капиталистического развития. Поэтому дворянское восстание было безнадежной потугой и должно было провалиться, как проваливается каждое движение, которое хотело бы повернуть вспять колесо истории».

За эту-то «ультра-левую» теорию о классово-дворянской, феодальной сущности национально-революционного движения 60-х годов, от которой, повидимому, сама Р. Люксембург отказалась еще в довоенное время, пытались ухватиться в послевоенное время правооппортунистические элементы.

Теперь нет нужды доказывать, что эта «теория» не имеет ничего общего с марксизмом. Маркс отчетливо видел процесс вовлечения — под давлением борьбы против самодержавия и связанной с ним польской феодальной олигархии — польского национально-освободительного движения в орбиту влияния западноевропейской буржуазной революции. Маркс, как и Ленин, ясно видел процесс перерастания польского шляхетского национализма в буржуазный. Хотя Маркс и Ленин подчеркивали роль дворянских и в особенности мелкошляхетских элементов в восстании, им никогда, конечно, не приходило в голову смешивать борьбу повстанческой демократии эпохи 1846—1864 гг. ни со старореспубликанским дворянским движением половины XVIII века, ни с фрондой польского обуржуазившегося помещика 60-х годов.

Уже Краковское восстание 1846 г. Маркс и Энгельс оценивали как движение буржуазно-демократическое. В начале 60-х годов движение подобного характера, хотя и с крупнейшими пережитками шляхетчины, клерикализма и т. п., вспыхнуло по всей русской Польше. Маркс и Энгельс, особенно с момента, когда движение вылилось в вооруженное восстание, с величайшим вниманием следят за ходом событий в Польше, анализируют характер движущих сил восстания, увязывают оценку шансов на восстание с перспективами революции в России.

«Характерно, — писал 17/II 1863 г. Энгельс, — что единственными известными до сих пор вождями являются варшавский еврей Франковский [1]) и прусский лейтенант Лангевич» [2]). В письме от 24/VI 1863 г. он подчеркивает массовость движения. Наряду с Марксом он интересуется специально крестьянским движением, исходя из старого положения, что национальное восстание в Польше может победить лишь как аграрная революция. Оба они тщательно следят за ходом партийной борьбы в Польше, ясно усматривая в победе консервативных элементов, которые вскоре пришли к руководству движением, гибель восстания. Несмотря на скудность информации они правильно ориентируются не только в характере и основных перипетиях борьбы главных партий, но также и в характере второстепенных фракций и отдельных виднейших лиц.

Не менее важной является данная Марксом и Энгельсом историческая оценка роли польского национально-освободительного движения в зависимости от развязывания сил революции в самой России. В эпоху революционного движения 1846—1849 гг., когда в России не было никаких признаков массового революционного движения, независимой демократической Польше, согласно их установке, предназначалась прежде всего роль барьера против самодержавной крепостнической России. В 60-х годах Маркс и Энгельс видят уже в польском движении также и один из факторов, в основном способствующих ускорению процесса революционизирования самой России. С половины 70-х годов, когда русское революционное движение вступает в борьбу не на жизнь, а на смерть с самодержавием, польский вопрос, в сущно-

---

[1]) Франковский Леон, революционный комиссар Люблинщины (из польских франкистов). Раненый, был взят в плен и казнен царским правительством.

[2]) Маркс и Энгельс, Сочинения, том XXIII, стр. 135.

сти, является уже для них не больше, чем составной частью революции в России. Не пренебрегайте общими интересами русского революционного движения, объединяйте ваши усилия с усилиями наших русских братьев [1]) — вот последний завет Маркса рождающемуся польскому рабочему движению. Отсюда видно, что метод исследования вопроса, оценка роли и задач польского революционного движения с точки зрения общих интересов международного пролетариата и перспектив пролетарской революции остаются у Маркса в основном неизменными, но выводы на различных этапах получаются, понятно, различные.

С этой точки зрения является ясным не только антипролетарский характер установки ППС 90-х годов, пытавшейся использовать «букву марксизма против духа марксизма» (Ленин), но и цинизм мнимых последователей Маркса, которые притворяются, будто бы они не понимают, что те же самые интересы, которые в эпоху буржуазной революции в Средней Европе требовали восстановления демократической Польши и разгрома царской России, в эпоху пролетарской революции и победоносного социалистического строительства в России требуют разгрома контрреволюционного барьера, который воздвигла в Польше сила международной буржуазной реакции против социалистической революции.

Оппортунисты, несмотря на «левые» фразы скатывающиеся к идеализации роли польского помещика 60-х годов и объективно помогающие националистам проводить лжеисторическую параллель между бывшей повстанческой Польшей — барьером против контрреволюции — и сегодняшней фашистской Польшей — барьером против революции, напрасно пытаются цепляться «за букву» Ленина.

Сочинения Ленина, хотя бы статья его в № 44 «Искры» (1903 г.) «Национальный вопрос в нашей программе», не оставляют ни малейшего сомнения в том, что Ленин в оценке последнего фазиса польского повстанческого движения целиком и полностью разделял установку Маркса. Его упоминание о шляхетском освободительном движении, как и о том, что в то время революционным было «не только крестьянство, но и масса дворянства», ни на иоту не меняет сущности дела хотя бы уже потому, что основная масса дворянства включала, как известно, прежде всего мелкую, так называемую, загродовую шляхту мелкобуржуазного типа, а кроме того также значительную часть городской мелкой буржуазии, часть рабочих и большинство тогдашней буржуазной интеллигенции.

Классовый характер тогдашней войны поляков против царизма Ленин прямо и ясно (так же как и характер венгерского восстания 1849 г. против Австрии) определяет как буржуазно-демократический. Клеймя цинизм русских (а также и германских) социал-предателей во время мировой войны, Ленин писал: «Об исторической прогрессивности восстания Польши против царизма Маркс говорил с 1848 г. постоянно. Никто не смел отрицать этого. Конкретные условия состояли... в буржуазно-демократическом, а не империалистическом характере войны против царизма. Это — азбука» [2]). Это — азбука, без усвоения которой невозможно действительное разоблачение лживости буржуазной историографии, невозможна марксистская критика повстанческой демократии, невозможна последовательная борьба с извращениями революционного марксистского учения правооппортунистическими элементами в нашем собственном лагере.

Публикуемая ниже рукопись Авейде может служить до известной степени материалом для изучения интересующей нас проблемы. Само изложение мотивов и взглядов, которыми руководствовался в своей деятельности автор, как предста-

---

[1]) Письмо Маркса, Энгельса, Лафарга и Лесснера от 27/XI 1880 г. организаторам международного митинга в Женеве в 50-ю годовщину восстания 1830 г.

[2]) Ленин, Сочинения, том XVIII, стр. 93, статья «Русские Зюдекумы» («Соц.-демократ» 1915, 1/II, № 37).

витель определенного общественного течения, даже самый метод изложения, имеют определенное значение независимо от того, правильно или неправильно понимает сам автор излагаемые им факты. Этим я отнюдь, конечно, не намереваюсь сказать, что сами факты, излагаемые автором, представляют для нас малую историческую ценность. Напротив, в записке мы находим много интересного, иногда неизвестного или почти неизвестного материала.

В ходе изложения Авейде, под покровом рассуждений автора об общих интересах нации, все же явно нащупывается реальная динамика исторического процесса: превращение революционной молодой буржуазной «романтической» Польши — в зрелое, цинически преступное, контрреволюционное буржуазное общество.

Чтобы понять, какое течение прежде всего характеризует печатаемая рукопись, необходимо в нескольких словах познакомиться с личностью автора и его ролью в излагаемых событиях.

Оскар Авейде родился в 1837 г. в ополяченной буржуазной иммигрантской семье. Окончив юридический факультет в Петербурге в 1858 г., он потом слушал лекции в заграничных университетах (в Берлине, Гейдельберге, Париже). Возвратился в Польшу 30 октября 1861 г., т. е. как раз в момент, когда на фоне бурного классового манифестационного движения мелкой буржуазии и рабочих столицы из разрозненных революционных кружков возникло центральное «Коло» и Городской комитет из активнейших вожаков манифестационного движения в среде буржуазной интеллигенции. Члены «Коло» и комитета были почти поголовно инженеры, архитекторы, учителя, чиновники, студенты и т. п. Авейде, занимавшийся судебной практикой, несомненно, в ближайшее время после приезда в Варшаву вошел в состав национально-революционной организации, но, не имея еще за собой революционного прошлого, не сразу был включен в руководящие кадры. Однако год спустя — около 28 октября 1862 г. — мы видим Авейде уже в качестве заместителя одного из членов Центрального национального комитета (возникшего в последние месяцы из бывш. Городского комитета). В декабре 1862 г. Авейде был переведен в действительные члены Центрального комитета и с тех пор являлся бессменным членом комитета, а впоследствии революционного Национального правительства — почти до самого своего ареста (летом 1863 г.).

Уже во время деятельности Авейде в рядах Центрального комитета определилось «болотное» лицо автора публикуемого «очерка»: в борьбе левой «красных» с гиллеристской фракцией, тянувшей национальную организацию в сторону союза и объединения с буржуазно-помещичьей «дирекцией» «белых», Авейде примыкал к позиции правого центра, по основным вопросам разделявшего взгляды гиллеристов. Этой группе прежде всего восстание обязано курсом на аграрную реформу, защищавшую в первую голову интересы капиталистического помещика в ущерб крестьянам. В планы этой группы, как и в планы гиллеристов, входило также недопущение близкого взрыва восстания даже в случае проведения рекрутского набора путем проскрипции. В сущности, группа эта, не порывая еще с методами массовой заговорщической организации, в тенденциях своих — может быть, не понимая еще этого — склонялась уже в сторону легальной оппозиции. Если Авейде и его товарищам не удалось предотвратить взрыва восстания, так это исключительно потому, что левая, шедшая на немедленное восстание, имела несравненно более крепкую опору в массах, чем все оттенки центристов и правых (гиллеристов), взятые вместе. Впоследствии, во время восстания, Авейде, в сущности, целиком переходит на позиции Гиллера и примыкает ко всем коалиционным правительствам, организуемым совместно с белыми. В начале августа, назначенный Национальным правительством чрезвычайным комиссаром в Литву, Авейде прибыл в Вильно, однако, устрашившись господствующего террора и организационных трудностей (возникших из-за стрем-

ления левых элементов национальной организации в Литве и Белоруссии освободиться от зависимости от полубелого Национального правительства в Варшаве), готовился уже покинуть свой пост, но 22 августа 1863 г. был арестован (под фамилией бухгалтера Людовика Шмидта).

После нескольких месяцев пребывания Авейде в тюрьме его уличили в лживости показаний; 10 (22) апреля 1864 г. Авейде открыл свою настоящую фамилию и цель приезда в Вильно, одновременно заявив, что, «зная свое дело, он убежден, что оно повлечет за собой приговор смертной казни». В течение ближайших месяцев Авейде, повидимому, действительно готов был отдать жизнь свою за дело, которому служил. Перед лицом следователей он заявлял: «Все мои действия истекали из любви к моему отечеству — Польше, из... горячего желания исторгнуть ее из-под владычества русского правительства... Я понимал и понимаю, что самобытность Польши — добро не только для самой Польши, но и для всей Европы, не исключая Российского государства».

Когда однако, по требованию наместника Берга, Авейде перевезли в Варшаву, следственной комиссии несколькими ловкими маневрами быстро удалось поколебать мнимую стойкость этого мелкобуржуазного революционера-оппортуниста.

Уже 19 августа Авейде решается спасать свою жизнь предательством и заявляет, что, «будучи переубежден доводами комиссии, считает долгом человечества выявить всех». Правда, он еще пытается маскировать перед самим собой свое предательство и умоляет царские власти, чтобы «те лица, на которых он укажет, не были казнены смертью», заявляет, что «он хочет и просит, чтобы подобного рода приговор и наказание были предназначены ему». Но это, конечно, уже не меняет дела.

Польские буржуазные историки из-за националистических соображений не хотели признать, что Авейде, один из виднейших вожаков тогдашнего национального движения, являлся изменником и предателем в самом точном смысле этого слова. Они сочиняли рассказы о том, будто бы Авейде подтверждал лишь известные уже царским властям сведения и т. п. Но это ложь.

На деле Авейде выдает всех и вся: членов Центрального комитета, ближайших своих сотрудников, руководителей национальной революционной полиции, членов военного отдела ЦК, членов революционного трибунала и т. д. Иногда он выдает в руки палачей людей, против которых у царских властей вообще не было никаких серьезных улик (например, варшавского сапожника, члена революционного трибунала, Матвея Пененжика), людей, юридические улики против которых были недостаточны (например, бывш. члена ЦК и руководителя военного отделения Ярослава Домбровского), даже людей, которые на очных с ним ставках сами категорически отрицали приписываемые им действия (например, бывш. члена Центрального правительства Петра Кобылянского), и т. д.

Итак предательство Авейде не подлежит ни малейшему сомнению. Царские власти так ценили и оберегали свою жертву, что даже во внутренней секретной корреспонденции, передавая его показания, не называли его фамилии. Убедившись в его «искренности», следственная комиссия снабдила его бумагой, предоставила ему копии показаний ряда других заключенных и позволила писать. Так в течение 1865 г. возник первый исторический очерк восстания, изданный впоследствии в незначительном количестве экземпляров для внутреннего употребления царских властей, под заглавием: «Записки Оскара Авейде о польском восстании в 1863 г.» (Варшава, 1866 г.).

Настоящий «Краткий очерк последних событий в Польше» значительно короче, менее переполнен деталями, писан, повидимому, по памяти, без каких бы то ни было вспомогательных материалов, искренность его в оценке событий—даже тогда,

когда автор дает указания и наставления царским властям — более непринужденна. Главное, он является попыткой осмыслить ход национально-революционного движения в целом, попыткой дать что-то вроде исторического синтеза тогдашних событий.

Конечно, к рассказу или «очерку» Авейде необходимо подойти строго критически, как и к его показаниям и тюремным «запискам».

Как типичный представитель мелкобуржуазного национализма, он в интересах имущих классов затемняет классовую сущность событий, прикрывая ее национальной ширмой.

Для него старая дворянская «Речь Посполитая» — «государство, полное (хотя, допустим, ложно понятой) свободы», а не форма диктатуры помещика, обозначающая «свободу» насилий над крестьянством и мещанством и фиктивное равноправие мелкой шляхты.

Для него Польша — это «Польша в старых ее, 1772 г., пределах»; он не видит и не хочет видеть национальных стремлений порабощенных бывшей дворянской Польшей, а после царской Россией, народов, ибо лозунг границ 1772 г. служил наиболее полной формулой для выражения общих интересов польского помещика (издавна эксплоатирующего труд не только польских, но также литовских, украинских и белорусских крестьян) и новых тенденций капиталистической экспансии буржуазии.

Он не раз возвращается к крестьянскому вопросу, как к проблеме, которую никак нельзя снять с порядка дня. Однако он даже одним словом не обмолвился о массовом движении десятков тысяч крестьян, которые отказом от выполнения барщины, начиная с весны 1861 г., уничтожили барщинный режим в Польше, не дожидаясь никаких указов царской власти и реформ Национального правительства.

Для него вся история Польши под иноземным игом рисуется чем-то вроде ряда воплощений абсолютного духа, ведущего свой генезис от «Завещания Костюшки»,— «старая вера отцов и дедов» передается из поколения в поколение, облекаясь в новые формы, находит свое выражение в канонах польского демократического общества и от отдельных лиц и незначительных групп переходит к массам, к «целому молодому поколению».

Однако, вооружившись оружием марксистской критики, нетрудно под этими метафизическими формулами нащупать подлинную историческую действительность, разглядеть действительные проявления классовой борьбы в их специфическом разнообразии, расшифровать подлинное классовое лицо автора, вчера еще борца и—хоть и непоследовательного—революционера, завтра—прислужника реакции и предателя.

«Краткий очерк» воспроизводится здесь по подлиннику, хранящемуся в Архиве революции и внешней политики (фонд особой канцелярии мин. вн. дел, дело № 4462, ч. 2-я, 1867 г., лл. 342—424).

Очерк был написан Авейде в течение 1868 г. в ссылке, во время его пребывания в Вятке, по предложению вятского губернатора, который просил Авейде «ознакомить его с ходом последнего польского возмущения».

При письме от 27/IX 1868 г. рукопись была переслана губернатором министру внутренних дел. В деле имеется только «Часть первая» «очерка», доведенная до 22/I 1863 г. «Очерк» написан скверным русским языком на 82 страницах формата тетради. Текст «очерка» воспроизводится здесь полностью, без сокращений, с соблюдением стилистических и графических особенностей подлинника. Наиболее важные искажения автором описываемых им событий отмечены нами в примечаниях после текста.

Ч. Ясинский.

Краткий очерк последних событий в Польше в 1861—1864 гг.

Часть первая.

(До 1863 г.).

I. Появление восстания 1863 г. и его характер будут всегда загадочны, если станем, как это обыкновенно водится, рассматривать его в отдельности, — без связи со старым и новым прошедшим края.

Факт, что Польша существовала тысячу лет как государство самостоятельное, — полное (хотя, допустим, ложно понятой) свободы, — и не лишенное величия, делает временные стремления наши к восстановлению государственной самобытности не только явлениями натуральными, но и достойными уважения в уме всякого политического человека. Народ, который имеет за собой такое прошлое и перед собой никакого будущего, не может без собственного унижения отречься от своей истории. Явления эти тем более составляют историческую, так сказать, необходимость, если обратим внимание на то, что и загробная, уже почти вековая жизнь наша содействовала постоянно и содействует до сих пор не потушению или перерождению натурального стремления народа, а, напротив, его развитию и усилению.

Приняв, так сказать, от Косцюшки завещание разделенной Польши, деды наши сохраняли его свято и запечатлели кровью в наполеоновских легионах. Фальшиво говорят, что легионисты были хотя самоотверженные герои, но наемщики самолюбивого солдата, — нет, они жертвовали собой через Наполеона для Польши, а если, умирая на всех полях от пирамид до Москвы, в последнем вздохе и соединяли имя отечества с именем великого императора, так это — по бессознательному ли увлечению или сознаваемому стремлению соединять всегда будущность Польши с будущностью Европы, — с истинным величием, — с воплощением кипучей жизненности, а не смерти. С образованием по Тильзитскому трактату 1807 г. герцогства Варшавского легионисты передали и укрепили завещание Косцюшки в целом тогдашнем обществе, возродившемся после некоторого отупления среди несчастий и разврата упадающего государства. — И до какой степени было сильно и всеобще чувство самостоятельности, это резко показывает постановление Варшавской и Виленской конфедераций или коронных и литовских депутатов, предложенное к утверждению Наполеона во время похода 1812 г., о восстановлении Польши в старых ее с 1772 г. пределах. — Наполеон не утвердил предложения поляков, но оно все-таки было торжественным актом политической веры тогдашнего общества и затем букварем политики для будущего поколения. По удалении Наполеона на остров Эльбу Венский конгресс признал необходимым для равновесия Европы осуществить постановление наших конфедераций 1812 года и восстановить Польшу как государство: только возвращение все еще страшного Наполеона во Францию, сила России, хитрость ее дипломатов и отчасти желание партии некоторых наших магнатов, приверженцев Александра 1-го (в особенности очень влиятельных тогда кн. Адама Чарторижского, кн. Друцкого-Любецкого и Ваврженкого), успели потушить поднявшуюся было уже по этому поводу грозу новой всеобщей войны. С реставрацией Бурбонов перевес России доставил ей царство Польское;

эгоизм Пруссии и Австрии — часть их прежних, до 1807 и 1809 года, польских владений.

II. Однако же при каких условиях Россия получила царство Польское и с ним последнее слово в судьбах наших! Их оставляют без внимания, между тем они чрезвычайно важны, не столько, правда, в политике международной, сколько в нашей домашней — государственной. Мы получили конституцию, — едва ли не лучше и свободнее всех тогдашних континентальных; равность прав, свободу совести и слова и, наконец, образцовую, полную славы, чести, способностей и дисциплины, армию. Далее, условия Венского трактата гарантировали подобные же автономическо-народные блага и другим польским владениям. Наконец император Александр обещал соединить западные и юго-западные губернии в одно целое с Царством Польским. Все это дало императору Александру в убеждении многих святое в Польше имя «Восстановителя», «Воскресителя». В Польше вражда к России стала превращаться в обожание ее монарха, потому что образование миниатюрного Царства Польского считалось первым его шагом, началом великого дела восстановления старого государства. Если не все, так, по крайней мере, очень многие были уверены, что хотя мы и будем соединены с Россией, но сохраним свою политическую целость и народную жизнь, что будем существовать отдельно, и только дом Романовых заменит наших Ягеллонов и Пястов. Надежды эти не осуществились. О соединении Литвы и Руси не было и речи, управление ими было неопределенное, вялое, полупольское и полурусское (собственно российское); в Царстве Польском с 1818 г. уже конституция нарушилась, право habeas corpus стало буквой без содержания; свободы печати и заседаний сейма перестали существовать; честь армии оскорблялась, и она сама начинала быть куклой минутных увлечений и прихотей своего начальника цесаревича Константина Павловича *).

С постепенной переменой политики правительства совпадают и наши заговоры и революционные усилия. Исходя из неопределенных обществ, вроде массонских и немецких Тугендбундов, они мало-по-малу сосредоточивались в определенных заговорах, как и большом патриотическом обществе, находившемся в сношениях с русскими декабристами, и, наконец, в заговоре подпрапорщиков (podchorążych), породившем революцию 1831 г

III. После этого переполненного несчастий катаклизма старая вера отцов и дедов перешла к старшим братьям нашим, облитая отцовскою кровью. С тех пор, до вступления на престол ныне царствующего государя, всю четверть века жизнь наша была самая тяжелая, самая грустная; притом эпоха эта чрезвычайно важная, потому что ее отчасти признать необходимо родителем всех недавно минувших ужасных потрясений края [1]).

Явлением новым и прежалким в своих последствиях был совершенный разлад между правительством и народом. Правительство с 1831 г. не было уже попрежнему нервом внутренней общественной жизни. Меры и действия его и деятельность общества не только не идут рука об руку, не только ничем не сцеплены, но противоположно друг другу враждебны. Этот общий характер николаевского времени тем более оказывается пагубным для

*) Этими словами я нисколько не думаю оспаривать, что в. кн. Константин любил наших солдат как что-то родное, но известно, что как человек только самых противоположных увлечений он обижал честь военных на всяком шагу. Между прочим и Хлопицкий, лучший из генералов, вследствие обиды оставил службу; то же сделали некоторые другие офицеры субалтерны; не будучи в состоянии перенести бесчестия, они нередко кончали самоубийством в Саксонском саду.

обеих сторон, если обратим внимание на то, что сказанная противоположность не только существовала в вопросах чисто, так сказать, патриотически-народных, но и во всех отраслях общественной жизни.

Император Николай не довольствовался усмирением восстания и жестоким наказанием бунтовщиков. Первым ближайшим последствием революции было, что конституцию взяли назад, армия не существовала больше. Сначала было еще намерение заменить свободу и права конституционные прескудным участием жителей в заведывании и управлении местными уездными интересами, и для этого издан был так называемый Органический устав в феврале 1832 г., но намерение это никогда не осуществилось. Устав на практике применен не был и знаком нам только из «дневника законов». Автономия терялась с каждым днем. Статс-секретариат стал вовсе ненужной и недействующей машиной в административной иерархии; централизация из Варшавы переносилась постепенно в Петербург. Почты, таможенное ведомство и учебный варшавский округ зависели уже от министерств; законы приготовлялись в Кодификационной комиссии (во 2-м отделении собственной е. в. канцелярии) и постановлялись в Государственном совете. Управление краем вверялось личностям не польского происхождения, обыкновенно военным, не знакомым ни с интересами края вообще, ни даже с вверенною их управлению отраслью внутреннего быта; кроме того личности эти были расположены к нам враждебно и нередко нарушали долг честных слуг престола. Образование едва ли может быть более недостаточным в сравнении с тогдашним. Университет Варшавский был закрыт, временно вместо него образованная высшая юридическая школа тоже закрыта, число гимназий и уездных училищ уменьшено; для открытия народных училищ ставились на всяком шагу препятствия, часто непреодолимые; образование за границей сделалось невозможным. Строгость цензуры преувеличивалась до смешных мелочей. Воспоминание польского солдата, научное исследование более близкого прошедшего, название фамилии Лелевеля, Мицкевича вычеркивалось и наказывалось наравне с рассуждениями и критикой вопросов из внутренней или заграничной политики. Тут, кажется, требовалась просто безмолвность, желание обрусить край (несмотря на совершенное отсутствие каких бы то ни было для этого элементов) преследовалось неусыпно; русский язык уже был признан официальным в таможенном и почтовом ведомствах, и в учебном округе, даже в гимназиях и уездных училищах, начинал быть преподавательным. Что же сказать, наконец, об отношениях правительства к народным чувствам, преданиям и обычаям? Тут преследовалось все, — всякий шаг, намерение, помышление, — преследовалось неумолимо, беспощадно, можно бы даже сказать, бездушно, если б предпринимаемые меры и наказания не выказывали переполненной для нас души гневом и ненавистью. Тюрьмы были постоянно полны, следственные комиссии и военные суды по делам политическим действовали без отдыха; с арестантами обращались часто даже бесчеловечно; сонмы шпионов подслушивали, кажется, вздохи и молитвы.

Таково было в общих чертах положение края с 1831 г. по 1856 г. Я пропустил многое, желая быть как можно более сжатым и коротким; довольно, что во все упомянутое время ни одна отрасль общественной жизни, ни один сколько-нибудь важный интерес не только не пользовался покровительством и руководством правительства (сообразно требованиям времени, сущности предмета и натуре страны), а напротив, переносил тяжелые, убийственные удары.

Другая сторона этой эпохи — деятельность общества — столько же, как и первая, мрачная, полная грусти и жертв. Это деятельность эмиграции, в особенности «Демократического общества» и краевых заговоров, к несчастью, единственная проявившаяся и, нужно прибавить, могущая тогда проявиться. Исповедуя старую веру и видя безвыходное положение края, восторженные деятели наши проповедывали нам, что главным врагом нашим — русское правительство, что единственные узы, могущие существовать между ним и нами, это узы вечной непримиримой ненависти и недоверия; что спасти отечество можно только войной, восстанием; что до сих пор ни малейший шаг на пути какого бы то ни было прогресса невозможен: это, так сказать, догмы общей государственной политики. Из внутренних общественных начал проповедывали Польше: полнейшую равность прав, без различия сословий, религии и народности, а в особенности гибель старых привилегий дворянских и надел крестьян землею. Наконец, что касается отношений наших к другим народам, они были друзьями народов, а не правительств, там искали друзей для Польши и провозглашали солидарность международных интересов.

Натурально, что практика жизни соответствовала теории.

Внутри края все время с самого 1831 г. почти до начала Крымской войны, жизнь молодежи—это цепь беспрерывных революционных усилий. От неудавшейся в 1832 и 1833 гг. попытки Заливского вторгнуться с оружием в руках в пределы Польши и оживить только что потухшее пламя войны, мы видим ряд заговоров Централизации Демократического общества и неудавшихся вспышек и вооруженных движений, как в 1846 и 1848 гг., и конец этих бесполезных судорог находим только в заговоре Далевских в 1849 и 1850 гг. За границей, от междуусобных потрясений испанских, Мацинистских проделок в свои суматохи Франкфуртской в тридцатых годах, до самой Крымской войны, мы проливаем кровь за справедливо или ложно понимаемый интерес европейской свободы на всех баррикадах во всех революциях.

Последствия такого действия двух изложенных двигателей нашей жизни в минуту Крымской войны ужасны, неописанны. Между правительством и народом — пропасть, застой и упадок всеобщий, всесторонний; отупение, немость выбитого из сил невольника. А в воспоминании и перед глазами мы имели виселицы, ссылки и тюрьмы, со всеми ужасами тогдашнего обращения.

IV. Короткое время, с вступления на престол Александра II до минуты манифестаций в феврале 1861 г., необходимо по важности его рассмотреть ближе, т. е. взглянуть, как и до сих пор, на действия правительства и проявления общественные в отдельности.

Старое и только что минувшее прошедшее — это были семена. Для правительства был вопрос первостепенной важности знать, которые в зародыше потушить или убить, а которым помогать развиваться и принести плоды. Для этого необходимо было знать край в полном смысле, определить ясно и раз навсегда отношения старой Польши к России вообще, и в особенности царства Польского, и решить, что и в какой мере признать Польшей; сообразно этому составить систему управления и, наконец, избрав людей, знающих таким образом порешенный польский вопрос, опытных политиков, пользующихся доверием жителей или способных скоро снискать его, — избрав, говорю, таких людей, управлять с энергией, постоянством и последовательностью. Кроме того, правительство наше (как всегда, а в особенности в тогдашнее время) должно было стоять беспрерывно во главе

нового движения, иметь инициативу жизни всегда в руках, соединить с своей политикой как можно более интересов страны и все своевременные плоды цивилизации или привить или развить.

В такой ли роли является правительство у нас? К несчастию, нет; оно было таким собственно в России, но у нас грешило постоянно противу своего, кажется, беспристрастно понятого долга. Мы получили более свободы; возвратили нам многих ссыльных и эмигрантов; тюрьмы опустели; военные суды были в бездействии; шпионство исчезло; цензура стала легче и толковее; открыта Медицинская академия; дозволено образовать Земледельческое общество и торговые земледельческие компании по губерниям; правда, мы получили все это. Но мы получили эти блага, как всякий беспристрастный человек признает, в одну минуту только и единственно по личным чувствам и милости расположенного тогда к нам монарха [2]), а отнюдь не по систематической и преобразовательной деятельности правительства. Тем хуже, что мы получили только это, а не больше. У нас была пустыня, нужды края — огромные и всесторонние — требовали безотлагательных — огромных и всесторонних — преобразований. Этого не было, довольствовались одиночными фактами монаршей милости. Даже крестьянского вопроса не затронули правители наши. Почти все старое осталось, а личная деятельность г. Муханова, как бы второго наместника, вводила в управление дуализм, уменьшающий благодетельное влияние царской милости. Так же точно дали нам более свободы слова и печати, — но это не был закон, — притом не дали ей никакого направления, никакого нового существенного материала.

Зная прошедшее, можно бы даже угадать, какие вскоре будут последствия недостатка системы и бездействия правительства. Общество вздохнуло легче, просило и заявляло об удовлетворении своих потребностей, старалось удовлетворить одно и другое собственными усилиями и, что самое главное, училось и рассуждало. За недостатком нового оно перетолковывало и училось старому. Теория Демократического общества из книг и разговоров от отдельных личностей переходила к целому молодому (а можно сказать, и к старшему) интеллигентному поколению.

В проявлениях тогдашней деятельности общества нет недостатка, их пропасть.

Характеристической чертой этих проявлений служат большие и маленькие общества и кружки. Итак, например, довольно вспомнить: Земледельческое общество со всеми его разветвлениями, торгово-земледельческие помещичьи компании, общества университетской молодежи (в России и за границей), пропитанные патриотическим духом; помещичьи круги — в Западном и Юго-западном крае, из которых произошли известные адресы, подаваемые депутатами или предводителями дворянства, например, Каменец-Подольского о присоединении к царству Польскому (предводитель Стецкий), Витебского (Юревич) и Могилевского (кн. Любомирский) об открытии Виленского университета и польский язык во всех учебных заведениях и присутственных местах и др. проекты общественных банков (как в Киеве) и кредитных обществ (как в Вильне); круги молодых офицеров, в особенности Генерального штаба, артиллеристов и инженеров; разные литературные и артистические кружки, как, например, «Литературно-артистическая господа в Варшаве», и множество других кружков неопределенных целей, но с характером вообще народным.

Как характеристической чертой времени служат общества и круги, так опять их черту составляет следующее: 1) все они не имели ясных определенных целей и затрагивали самые разнообразные вопросы и предметы; 2) все толковали о какой-то несознаваемой еще общественной пользе, но в духе старых польских преданий; 3) все критиковали правительство по старым теориям 3) и доискивались способов улучшить положение края и 4) все сближали уезд с уездом, губернию с губернией, одну провинцию древней Польши с другой, чего прежде не было, а что также служило незаметным подготовлением для будущего. Ко всему сказанному необходимо еще прибавить, что, кроме внутренних обстоятельств, и внешние много содействовали нашему развитию по прежнему образцу. Между прочим, вспомним преобразовательную деятельность правительства в империи, составлявшую резкое различие с Царством, переходное состояние русского общества, полное горячки, неудовольствий, критики и псевдо-либерализма, иногда даже в почтенных летах и занимаемою должностью людях; деятельность Герцена и Бакунина, равно как и усилия наших эмигрантов, в особенности Мерославского *); войну за Италию; перемену политического направления в Австрии и затем весьма оживленное движение в Галиции и парламентарную борьбу польских депутатов из Прусской Польши в Берлине. Все эти обстоятельства, взятые в совокупности с внутренним положением края, при облегченной цензуре и словесной довольно значительной свободе, при многолюдных выездах за границу, при возможности читать, явно или тайно, все старое и новое, сильно и весьма сильно содействовали развитию революционных начал в обществе, собственно в молодой интеллигенции края.

Коротко говоря, как мы видели, в непродолжительное время от 1856 и 1861 г., по ошибкам нашим и правительства, кровавые семена прошедшего перешли от отдельных, хотя и многих, личностей, равно как из книг, к целому молодому поколению и сделались его политической верой. В последовавшем затем манифестационном периоде увидим, как они перешли к массам, необходимым для всякого вооруженного движения.

V. Прежде однако же необходимо предпослать несколько слов еще о доманифестационных кружках. Я выше сказал, что все они имели один неопределенный характер относительно цели и затрагиваемых вопросов. Однако же, чем ближе к 1861 г., тем эта неопределенность в некоторых кружках делалась более ясною, хотя, впрочем, никогда не было в них полного сознания ни целей, к которым стремились, ни пути, по которому шли. Они, правда, сознавали себя врагами русского правительства, желали свободы и самостоятельности Польши, но положительных и практических ответов на вопросы, в какой мере быть врагом России, как ее проявлять, как достигнуть самостоятельности Польши и когда, — еще не было. Из таких-то малых, ничем между собой не связанных (кроме личного знакомства и единства убеждений) обществ наиболее заслуживают внимания, не столько по внутреннему их достоинству, сколько потому, что из них произошли будущие тайные заговоры, именно два кружка. Один, главой которого признать можно чиновника комиссии внутренних дел, кончившего курс

*) Кроме литературной деятельности, между прочими, трех журналов «Wiadomości Polskie» (органа консервативно-аристократического), «Przegląd rzeczy polskich» (органа умеренных демократов), «Demokrata Polski» (органа крайних голов),—очень сильное влияние имело намерение Гарибальди, когда был диктатором в Сицилии и Неаполе, образовать международную легию, в том числе и польскую, под начальством Мерославского.

в Дерптском университете, Эдуарда Юргенса, — другой, в котором представителя главы трудно искать, но которого более выразительными и деятельными личностями были: воспитанник Агрономического института и окончательно студент Варшавской медицинской академии Карл Маевский, отставной уланский офицер Нарциз Янковский и артист живописец Карл Новаковский.

Имея общие черты тогдашнего времени, кружки Юргенса и Маевского [4]) различались во многом друг от друга. Главнейшие разницы были: 1) друзья Юргенса были по большей части кончившие курс науки в русских или заграничных университетах и некоторые более образованные и более серьезные помещики, священники, литераторы и граждане города Варшавы. В кружке же Маевского преобладал горячий элемент: молодежь разных учебных заведений, частью артисты, литераторы и ремесленники; 2) Юргенс и его сторонники были вообще более серьезных и основательных взглядов на вещи, они желали восстановления Польши; но, сознавая трудности для ее достижения, они прежде всего обращали внимание на упадок края в едва ли не всех отношениях внутренней общественной жизни. Они видели, что, начиная с чудовищных крестьянских отношений и народного образования, столько нужд и интересов, требующих безотлагательного труда нашего и преобразовательной деятельности правительства, что восстановление Польши следует признавать только венцом патриотических желаний и усилий, а не их исходною точкою. А то тем более, что только что пробудившееся в Крымской войне общество не сумело бы ни взяться за дело восстановления, ни даже захотеть его желанием, порождающим великие перевороты. Друзья Маевского относились к сказанным вопросам совершенно наоборот. Если они в своих беседах и рассуждениях и затрагивали общественный прогресс, то все-таки он стоял у них на заднем плане, независимость Польши была единственной и постоянной мечтой их юношеского сердца. Учить наизусть историю народа после падения государства, воспламеняться геройскими самоотверженными усилиями отцов, оплакивать их несчастия с молитвой о мести, созидать в душе будущность, полную славы и благоденствия, созидать разные отвлеченные проекты для осуществления такой будущности, — вот анализ мыслей и действий возрастающего молодого поколения.

Одна мысль, не то случайно, а наверно по инстинкту сердца явившаяся на свет, еще задолго до манифестаций, сблизила на деле оба кружка и имела огромные последствия. Это было желание заявить о своих чувствах, почтить память отцов и разбудить народными воспоминаниями городскую массу. Друзья Маевского брали ее и применяли на практике просто запросто, без каких бы то ни было положительных сознаваемых намерений. Если же пожелаем приписать им, как зародышу будущей революционной партии, определенную цель и объяснить значение их действий относительно событий, после совершившихся, то они стремились передать массе революционные начала Демократического общества и привести ее к их сознанию. Это и есть объяснение значения всего манифестационного времени. Друзья Юргенса хотели тоже воспоминаниями оживить массы, но с целью облагорожить ее и сделать способною к принятию цивилизации. Вместе с тем они желали заявить правительству, что положение края нуждается в руководителе и реформах, и склонить представителей краевого капитала и интеллигенции к более решительной деятельности.

К фактам такого рода, между прочими, относятся тихие молебствия в годовщину смерти поэтов Мицкевича, Словацкого и Красинского еще до 1860 г., похороны вдовы польского генерала Совинского, которые были только случаем отдать честь на кальвинском кладбище генералу, герою Варшавского штурма, и его товарищам *) и, наконец, празднование годовщины революции 1831 г. Это последнее в особенности важное.

29 ноября 1860 г., в 7 часов вечера, маленькая и еще тогда трусливая толпа ремесленников и молодежи собралась на улице Л е ш н о, перед дверями церкви кармелитов, которых монастырь служил политической тюрьмой до 1830 г. Там перед крестом, при фонарях и лампадах, собравшиеся молились сначала тихо, потом в первый раз с истинным вдохновением запели «Boże coś Polskę...» и другие песни. Главой и руководителем этой настоящей уже манифестации был прекраснейший из фанатиков наших артист К а р л Н о в а к о в с к и й. Полиция в молчании присутствовала тут же. И потому под конец толпа ободрилась и, получив от Новаковского разные песни и фотографические карточки Косцюшки, Килинского и друг., весело разошлась по домам с песнею (Jeszcze Polska nie zginęta»).

Появлялись уже и нерелигиозные манифестации, напр. разные проказы в театре и в Лазенковском парке во время съезда государей в Варшаву (нашего императора, австрийского, прусского и принца Наполеона), выходки противу правительства в спектаклях любителей, «невольники» и «невольницы» в кандалах, разгоняющие своим появлением публичные маскарадные балы, и пр.

VI. М а н и ф е с т а ц и и. Хотя, как мы видели, манифестации начались с 29 ноября 1860 г., но началом их признается 27 февраля 1861 г. нового стиля. В этот день сторонники обоих кружков постановили отпраздновать торжественным образом годовщину Гроховского трехдневного сражения в 1831 г. Цели их были, смотря по началам, различны. Друзья Маевского, затевая манифестацию 27 февраля, попрежнему преследовали свою общую цель, без каких бы то ни было практичных намерений. Юргенс, напротив, взвесив тогдашние обстоятельства и настроение общества, смотрел на Гроховскую годовщину как на практичное орудие для достижения результата, непосредственного и полезного для края. Он хотел посредством манифестации склонить Земледельческое общество, имевшее тогда генеральное заседание в Варшаве, к решению крестьянского вопроса в пользу крестьян (под влиянием председателя гр. Замойского и вообще комитета общества члены долго колебались, что́ принять за основание для решения вопроса, «вечные чинши», как в Англии, или надел собственностью. Замойский был сторонник вечных аренд), а так же точно склонить как их, так и жителей Варшавы, к представлению наместнику Царства адреса на имя государя императора о приведении в исполнение Органического устава с 1832 г. Вместе с тем Юргенс очень основательно предполагал, что побужденные таким образом к деятельности природные представители края не выпустят уже из рук своих инициативы в судьбах народа и тем заставят правительство выйти из вредного для края бездействия. Всякий, кто

---

* Генерал Совинский был кальвинист. Он в 1831 г. был инвалидом без ноги и находился в отставке. Во время штурма ему дан был полк «ветеранов», отставных солдат, и поручена защита кладбища и церкви на предместье «Воля». В самой упорной и кровопролитной резне полк погиб почти до одного. Совинский с горстью оставшихся пал в самой церкви. Ныне церковь, усеянная пулями и пушечными ядрами, обращена в православную [5]).

сколько-нибудь знаком с тогдашним положением Польши, признает, что Юргенс думал и действовал разумно, практично и как добрый патриот.

При единодушном согласии всех агитаторов манифестация состоялась, — а то тем легче, что полиция не приняла никаких мер к ее предупреждению. Правда, что чья-то удачная мысль почтить и русским солдатам в день 27 февраля память своих павших воинов помешала намерению патриотов устроить празднества на самом Гроховском поле, но помешать манифестации в городе никто или не сумел или, что вероятнее, не подумал. Назначен был в 6 часов вечера молебен в церкви Паулинов и затем шествие по городу со священниками во главе, с образами, народным знаменем и факелами. Толпа, вышедши из церкви, должна была направиться к «старому городу» (к центру не лишенного патриотических преданий ремесленного класса) и далее, мимо королевского дворца, к наместниковскому (месту заседаний Земледельческого общества) и, заставив помещиков соединиться, продолжать шествие по другим улицам города. Начало исполнено было буквально. Граждане «Старого города» сонмом толпились около «Белого орла», вся обстановка шествия и песнь «Boże coś Polskę...» растрогали до слез и возволновали народ до глубины души...

... Впрочем, не буду подробно описывать хода этой двухдневной манифестации[6]), потому что тогдашние газеты описали почти каждую ее минуту. Довольно, что масса увлекла за собой все; полиция и жандармы были обижены. Главное, обижен был лично обер-полицеймейстер, тогда полковник Трепов. Наместник князь Горчаков некоторое время колебался, — наконец, приказал стрелять. Пять жертв пало на площади, а тела их остались в руках разъяренного народа.

Я сказал, что князь Горчаков колебался. Это — огромной важности политический грех нашего наместника в продолжение нескольких недель. Минута была самая критическая, самая решительная, меры только решительные и непоколебимой твердости могли спасти положение. Между тем, как действовало правительство? Власть могла бы (потому что знала) и должна была предупредить, говоря юридическим языком, преступление и не предупредила; она могла подавить движение и потушить огонь в зародыше и не подавила, не потушила его; она могла не дать победы улице, и она улице сдалась, — она, наконец, должна была во что бы то ни стало выхватить сейчас потерянное достоинство и дать полезное для себя и общества направление всему происходившему, — и она, к несчастью, уроненного достоинства не возвратила, происходившим ни на одно мгновение управлять не сумела.

Тела убитых оставлены были в руках народа, минута сделала их мучениками свободы. С этой первой уступкой правительства посыпались депутации ex promptu (между прочим Шленкера, гр. Замойского, раввина Майзельса, польского генерала Левинского и друг.) к князю наместнику с разными все более смелыми просьбами и потом не просьбами, а домогательствами. Князь переходит от угроз до ласк, — то не принимал, то принимал депутатов, торговался и, конец концом, каждый час делал уступки без всякой для себя выгоды. Итак, правительство созналось, что несправедливо дан приказ стрелять в толпу и обещало отдать за то ген. Заболоцкого под суд; полиция и войско были отправлены в цитадель, с распоряжением не показываться в городе, управление городом и весь порядок вверены были импровизированной делегации из 12 лиц и констаблям из среды самих жителей. Адрес на высочайшее имя был составлен, тысячами подписей

скреплен и отправлен в Петербург *); торжественные похороны пяти убитых 27 февраля дозволены. Если к этому прибавим, что Земледельческое общество постановило решить крестьянский вопрос в смысле надела крестьян землей [7]), что разница сословий и вероисповеданий потонула в общем восторге, то согласимся, что результат превзошел самые смелые ожидания патриотов; претензии Юргенса, как оказалось, были чересчур скромны.

Следующие затем 40 дней до 8 апреля не представляют никакой перемены к лучшему. Правительство у нас буквально не существовало; старый порядок создать не успели. Городом и целым краем управляла Варшавская делегация, делегацией — клуб, а клубом — толпа и молодежь. Такая всеобщая, часто бестолковая, суматоха встречается редко даже в настоящей революции. У нас в насмешку 40-дневное правление делегации называют «республикой». Хитрый генерал Паулючи считался начальником города, но на деле был в некотором роде депутатом толпы, все еще торгующейся с правительством о разных уступках. Генерал Паулючи (итальянец и католик), получив назначение в обер-полицеймейстеры, отправился к толпе на площадь и спросил, согласна ли она иметь его начальником города. Толпе, у которой полицейский солдат даже до этого времени не просил согласия, очень понравилась щекотливая хитрость генерала и, вскрикнув: «Да здравствует Италия!», «Гарибальди», «Паулючи», просила его быть обер-полицеймейстером. Из этого одного можно было предвидеть, что никто не будет слушаться генерала Паулючи. Полиция была все еще наша (часто из детей), разделена на десятки, сотни, точно для науки, как устроить будущий заговор. Манифестации религиозные и нерелигиозные буквально посыпались по всему царству Польскому и западным губерниям. Манифестаторы провинциальные (а также отчасти за Бугом и Неманом), если слушались кого, так только делегации, т. е. точнее, всякий день новых коноводов всеобщей суматохи, и через это учились покоряться будущему Центральному комитету. За два дня до 8 апреля приехал в Варшаву г. Велепольский с новой системой управления, во главе которого он с тех пор был поставлен. Он в одну минуту закрыл ненавистное ему Земледельческое общество **), делегацию обывательскую, полицию и клуб; солдаты были расставлены по площадям, сборища и пение запрещены. Все эти сами по себе разумные меры, принятые вдруг, без всякого подготовления и постепенности, должны были неминуемо кроваво столкнуться с ненормальным, но уже хронически болезненным настроением жителей. По неизвестному доселе поводу и по

*) Разные были проекты адреса, главнейшие — два: маркиза Велепольского и ученого помещика Ставиского. Велепольский предлагал адрес определенный, т. е. просить государя императора возвратить конституцию 1815 года, без армии; Ставиский, напротив, предлагал нарочно неопределенный, с тем, чтобы, сказав только, что «нам нехорошо», не говорить, чем мы будем удовлетворены, потому что иначе мы даем добровольно подпись на верноподданство при известных условиях. Адрес Ставиского был принят.

**) Маркиз Велепольский был в 1831 г. дипломатическим агентом польского революционного правительства в Англии. После революции он решительно переменил свои убеждения и публично объявил себя сторонником вечного добровольного соединения нашего с Россией. Это высказал он в особенности в брошюре, изданной после несчастной Галицийской резни 1846 г. под заглавием «Lettre d'un gentilhomme polonais au prince de Metternich». В утверждение перемены убеждений он отдал старшего своего сына Сигизмунда императору Николаю на службу в гусарский гвардейский полк. Общество никогда не простило Велепольскому приверженности к России. Земледельческое общество отчасти потому, отчасти по другим причинам отказало ему в принятии в члены общества. С тех пор г. Велепольский, как человек в высшей степени самолюбивый и гордый, магнат, презирающий шляхту, был непримиримым врагом Земледельческого общества и председателя его гр. Замойского.

загадочному до сих пор приказанию собравшаяся перед королевским дворцом 8 апреля толпа была рассеяна силой оружия; мы поплатились в этот прискорбный день сотнями жертв за 40-дневную республику и за ошибки и бездействие нашего правительства. Жертвы эти, павшие по недостатку предусмотрительности со стороны г. Велепольского, не принесли никакой пользы. Спокойствия и нормального порядка не получено, а новая система, еще не родившись, умерла. Единственный правитель, понимающий нужды и вообще положение края, маркиз Велепольский, сделался с 8 апреля невозможным. Остатки доверия и популярности его (чем он, впрочем, никогда не пользовался) погибли в пролитой по принятым им мерам крови.

VII. С 8 апреля правительство, благодаря системе[8]) и личным дарованиям маркиза Велепольского, деятельно принялось за коренные, благодетельные для всех преобразования. К сожалению, оно упустило из виду многое, что в тогдашних обстоятельствах составляло самое существенное. И совершенно новые, противоположные старым начала управления и лихорадочное состояние жителей требовали непременно, чтобы главные личности, которым вверялись судьбы наши, были одного политического характера, одних взглядов на вещи; чтобы существовало полнейшее согласие между властями военными и гражданскими и чтобы ясно были определены круг деятельности каждой, права и обязанности, чтобы раз навсегда было решено, которые из патриотических народных стремлений, минутных увлечений и обычаев признать, что̀ терпеть до времени, а что бесцеремонно, какими мерами подавлять; требовалось наконец, чтобы вся обновленная машина действовала везде и всегда одинаково, энергично и с постоянством. Между тем, взглянув беспристрастно, мы находим, что ни одно из этих sine qua non условий выполнено не было. Итак: в соразмерно короткое время, с 1861 г. до принятия управления его императорским высочеством великим князем Константином Николаевичем, мы имели пять наместников: князя Горчакова, генер. Сухозанета, гр. Лямбера, ген. Лидерса и в промежутках смен генерала Мерхелевича. О характере их политическом и говорить нечего, — довольно сопоставить высокую, благородную, в полном смысле новую личность несчастного гр. Лямбера возле, без всякого сомнения, заслуженного ген. Сухозанета, но личности чисто солдатской, старого покроя, чтобы без дальнейших рассуждений убедиться о недостатке и тени единства политических взглядов во главе управления. Согласие между властями гражданскими и военными не существовало; напротив, везде царствовал нисколько от общества не скрываемый разлад как в самых низших исполнителях, так и в центральных учреждениях. Достаточно вспомнить всем знакомый спор ген. Сухозанета с Велепольским, кончившийся победой последнего. Вопрос, как успокоить взволнованную массу, которым стремлениям и выходкам не мешать, а которые и как преследовать, стоял никогда не решенный на заднем плане. Почти невозможно поверить, что правительство сквозь пальцы смотрело на все наши пения, бесконечные, другой раз очень серьезные политические манифестации, даже на излишества толпы в чисто революционном вкусе, и в то же время не краснело преследовать такие мелочи, как конфедератки, одноглавые орлы, смешные наперстные кресты, даже черные блузы и веревки, которыми разные бородатые и безбородые ребята перепоясывались в пику «москалю». Да если б этот образ действия был, по крайней мере, одинаков во всем крае и во всех случаях, но никогда! Генерал Хрущев дозволил устроить в городе великолепную и, несомненно, очень влиятельную манифестацию в память соединения Литвы с Польшей, а, положим, в Сувал-

ках генерал Рудановский ссылал за крест и блузу. На одной улице в Варшаве взбесившиеся ремесленники преспокойно ломают лавку возненавиженного немца, на другой генерал Хрулев или его подкомандные арестуют какого-нибудь кислого патриота за орла и веревку; а на третей — сам шеф штаба Котзебу лично освобождает из ордонансгауза страдальцев патриотических безделиц.

Такой характер имели действия правительства, по крайней мере, до 15 октября 1861 года.

Мы, т. е. общество, во все это время делали манифестации, доходя просто до сумасшествия. Я не только не думаю обстоятельно изображать поглощающего все тогдашнего наводнения, но даже не упомяну о самых главнейших его эпизодах. Более интересным мне кажется представить в общих чертах, как мало-по-малу стали развиваться будущие партии красных и белых.

VIII. Все мы почти без исключения делали манифестации, но не все одинаково. Одни выдумывали и устраивали бесчисленные молебствия[9]) и годовщины и предавались им всей душой. К ним принадлежали: огромное большинство молодежи, все среднее и низшее городское население, довольно значительная часть молодого духовенства и некоторая часть помещиков. Из них очень немногие сознавали цель этих религиозно-патриотических фантазий. Масса стремилась к ней инстинктивно и вовсе не знала, что фантазии приготовляют материал для революции, людей, средства и орудия для заговора и войны. Вообще это или уже были решительные и крайние враги правительства, фанатики или мало-по-малу в них превращались. Главою их наиболее уважаемою и одною из дельнейших личностей был Карл Маевский[10]).

Другие — а к их составу принадлежали большинство помещиков, зажиточнейшие и выше стоявшие горожане и вообще люди богатые, образованные, постарше летами. Убеждения и цели этой другой партии довольно трудно определить. Всякому сколько-нибудь политически образованному человеку кажется невозможным найти какое-то посредственное место между правительством и крайними его противниками. В тогдашних обстоятельствах практичный патриот должен был выбирать одно из двоих: или итти рука об руку с м. Велепольским или готовить революцию. К несчастью, совестно, но необходимо сознаться, что наши представители не поняли этой простой осязаемой истины, этой азбуки настоящей народной политики. Они сумели приискать себе странную роль вражды и в то же время мира с правительством, вражды и мира с манифестаторами по фаху; они изобрели даже чудовищное название для этой мерзкой роли: «страдательной оппозиции», что-то в роде политического гермафродитизма. Непонятно, как целая партия, среди которой можно указать на многих и весьма дельных, высокообразованных и даже заслуженных людей, могла сделать своим лозунгом такую бессмыслицу.

Они, как дети своего общества, несмотря на превосходство консервативного элемента, желали самостоятельной Польши, знали, что ее можно получить только войной и потому в глубине души соглашались по началам с своими противниками (в насмешку называемыми к р а с н ы м и) и ненавидели русское правительство[11]). Вместе с тем однако же консерваты не могли перестать быть консерватистами. Они как, с одной стороны, сознавали невозможность восстания и преждевременность всякого рода революционных приготовлений, так же точно, с другой, видели, что многоразлич-

ные нужды края требуют спокойного, постоянного труда, и сознавали, что такой труд при системе Велепольского возможен.

Рассматривая в отдельности обе указанные стороны политической веры партии белых, понять их можно, но сложить их вместе и применить без всего к практике жизни, выйдет именно эта неразрешимая дилемма, этот гордиевский узел, который наши статисты думали развязать путем обезьяничи перенятой из Венгрии страдательной оппозиции. На практике вот как это выходило, говоря почти буквально языком белых:

«Мы — враги русского правительства и Велепольского и потому служить им не будем, помогать и содействовать ни в чем; но так как они действуют, и иногда очень дельно и полезно, притом сделали и круг нашей деятельности более обширным, потому мы обязаны трудиться всеми силами над преобразованием и усовершенствованием края во всех отношениях. С другой стороны, манифестационная суматоха мешает нормальным занятиям, и потому мы их заводить сами не должны и обязаны удерживать наших братьев красных». «Однако же нельзя не согласиться с красными, что без войны спасти Польшу невозможно, а так как время войны неизвестно, и она может наступить очень скоро (тогда все предполагалось, что продолжение войны за Италию (за Венецию) скоро последует и через это откроется возможность восстания Галиции против Австрии и ее освобождение, свободная же Галиция была бы военным депо против России), то не мешает не упускать из виду и приготовлений к ней, притом почему же не засвидетельствовать своих чувств в какой-нибудь уже устроенной манифестации, когда это и благородно и справедливо? Вдобавок манифестации небесполезны потому, что при их огне можно торговаться с правительством и вынудить у него более уступок и привилегий для края».

Ближайшим результатом этого круговорота было, что все силы нашего образования и капитала оставались в прежалком бездействии, стояли в стороне преобразований, вводимых правительством, добровольно делались жертвой уличной толпы, составляя не ее главу, а постыдный хвост, и, конец концом, приготовляли неведомо революцию.

Не самой дельной, но вообще наиболее в своей партии уважаемой и известной главой этих прежалких актеров кукольной комедии под заглавием страдательной оппозиции был граф Андрей Замойский.

Из сказанного видно, что белые родились на свет зараженные и обречены были на постоянные судороги, которые произвели смерть. Но на беду революции и первородные ее дети — красные — убивали сами себя, хотя по другим причинам. Манифестации вывели на сцену массы, подготовили, их к восстанию, — это бесспорно, но продолжительностью своею, своим хаотическим характером они принесли в то же время много неизлечимого вреда. Маевский говорил, что для того, чтобы зажечь фонарь, поднести знамя, придумать годовщину народного события, не надо доктора философии, для этого годен даже гимназиальный ребенок, простой ремесленник, иной раз уличный мальчуган. Правда, но Маевский и другие забыли, или лучше, не знали, что толпа считала своим предводителем именно этого ребенка, ремесленника, мальчугана, что такие предводители менялись всякий день, а через это рождались и умножались амбиции не по силам. Коноводы манифестаций не знали далее, что масса, привыкшая к хаотической атмосфере, любующаяся беспрерывно в суматохе, порядка и дисциплины и в будущем не захочет. А эти два несчастия манифестаций в самом деле подарили будущему, доставили чуть ли не целый легион великих однодневных мужей и убили порядок и послушание, эту душу всякого дельного заго-

вора. Манифестации — это обоюдоострое оружие, которое впоследствии очень чувствительно ранило самую же революцию.

Вот общий очерк манифестационного периода. Прежде однако же, чем расскажу краткую историю заговора, необходимо упомянуть об одном событии, случившемся во время управления гр. Лямбера, а именно о выборах членов в ново в 1861 году дарованные царству Польскому земские учреждения, так называемые городские и уездные советы.

Выборы были назначены в августе месяце 1861 г. Вопрос был в том, принимать ли царскую милость и приступить к выборам или напротив? Белые видели в советах возможность, хотя не полную, самостоятельной деятельности общества и его усовершенствования. Красные видели в них согласие с правительством и работу, по натуре своей составляемую гибель революции; люди, серьезно занятые раскладкой податей, школами, контролем администрации, о заговоре и приготовлениях к восстанию не подумают. И потому очень натурально, что, когда пришло время выбирать членов в советы, в первый раз закипела борьба партий, борьба довольно продолжительная, повсеместная, перешедшая даже в первый день выборов из комнаты на площадь. Люди вроде графа Замойского должны были поспорить с рабочими на улице *).

Не думая описывать обстоятельно этого весьма интересного и огромной важности эпизода, скажем, что, конец концом, белые победили. Правда, рассмотрев эту победу попристальнее, легко убедиться, что она более мнимая, чем действительная, и нисколько не послужила в пользу победителей; тем не менее красные, вследствие состоявшихся во всем царстве Польском выборов, потерпели самый тяжелый удар.

Белые выиграли отчасти потому, что польза советов была слишком, так сказать, осязаема, чтобы ее не заметили страдательные оппоненты, отчасти по напряженным усилиям Юргенса (Юргенс образовал выборный комитет в Варшаве, старающийся через своих агентов и друзей склонить жителей к единодушному выбору; по стараниям Юргенса, выбраны были в члены во всем царстве Польском кандидаты, заранее поставленные выборным комитетом), отчасти, наконец, по взглядам Маевского на этот вопрос и перемене, происшедшей в его образе действия.

Манифестации сделали Маевского настоящей главой партии красных [12]). Его, как главу их, признавали даже белые и с ним в случае надобности, главным образом, переговаривались; так же точно его признавали Мерославский и революционная эмиграция. Маевский притом вполне сознавал свои действия. Значит, он был силой и смело, без преувеличений, сказать можно, что он и был в состоянии и имел достаточно материала для того, чтобы составить громадный дельный заговор.

До выборов Маевский никогда не переменял своих убеждений и действий, в эту же решительную минуту, сверх всякого ожидания, переменился. Он видел, что наступает время или итти вперед или остановиться, и потому постановил совершенно беспристрастно и равнодушно смотреть на происходившую тогда борьбу партий и наблюдать за ней как посторонний

*) Это имело место в первый день выборов в Варшаве. Толпа (впрочем, немногочисленная) собралась перед зданием Медицинской академии, местом заседаний избирателей, вытребовала некоторых, как гр. Замойского, каноника Вышинского, купца Шленкера, и представила им «Голос народа к своим выборным» и при возгласах «Долой советы!» требовала не приступать к выборам. После некоторого времени споров, криков и речей Замойскому и прочим удалось склонить толпу разойтись по домам и отказаться от намерения разгонять собрание противников.

зритель, положив принять исход этой борьбы за руководителя для дальнейшей своей деятельности. В случае победы красных он решился было сейчас образовать заговор с целью собирать деньги, покупать оружие и окончательно приготовить восстание, потому что победа красных — это заявление общества о желании и готовности всех к революции. Напротив, если победа останется на стороне белых, это будет явным признаком, что такой всеобщей готовности, такого неудержимого стремления в обществе нет, что затем восстание будет делом партии, делом искусственным, в зародыше потерянным. Очень натурально, что при таком состоянии Маевского партия красных в борьбе за выборы действовала вяло, без надлежащей силы и энергии[13]); недоставало ей главного руководителя, а с ним недоставало многих других дельнейших друзей, разделявших его мнение (впрочем красные имели также свой выборный комитет).

Способствуя таким образом (на основании, по-моему, фальшивой теории) своим противникам, дав им победу, Маевский вслед затем перешел на сторону белых и переменил тем совершенно состав партий и даже самый ход дальнейших событий.

После выборов остались еще почти два месяца манифестаций. Они не представляют ничего особенно важного, — то разве, что служат живым доказательством невероятного сумасшествия масс, излишества фантазий и даже грубых страстей. Манифестации уже пережились, надоели всем, даже самым восторженным их сторонникам, но не могли перестать существовать сами собой, — выжидалось толчка со стороны. Этот толчок, хоть не кровавый, но подействовавший ужаснее крови, вынуждено было дать опять правительство. После истинно королевских похорон архиепископа Фиалковского, в первой половине октября, объявлено было военное положение с воспрещением всякого рода сборищ по улицам, политических манифестаций в церкви и народных гимнов. Два дня спустя, 3 (15) октября, патриоты торжественно праздновали годовщину смерти Косцюшки. Церкви были окружены солдатами (в особенности две — кафедральный собор и церковь Бернардинского ордена) с целью арестовать собравшихся при выходе. Узнав об этом, молящиеся решились не выходить, пока не будет отменено распоряжение наместника. Наконец, когда до 3 или 4 часов ночи церкви оставались все еще запертыми, дан был приказ взломать дверь. Солдаты вошли силой, штыками опорожнили церкви и отвели всех мужчин в крепость. Говорят, что при этом в кафедральном соборе пролита кровь. В ответ на такую меру правительства духовенство, с управляющим метрополией прелатом Бялобжевским во главе, признало обе упомянутые церкви поруганными, требующими нового освящения, заперло все без исключения церкви в Варшаве и пресекло всякое богослужение в городе. В эту же ужасную ночь последовала отчаянная дуэль гр. Лямбера с ген. Герштенцвейгом, кончившаяся мучительной смертью последнего. Гр. Лямбер никогда не думал силой вводить солдат в церковь и производить там аресты. Ген. Герштенцвейг, по собственному усмотрению, на основании общего приказания наместника «арестовать всех находившихся в церкви мужчин», приказал взломать дверь и опорожнить церкви. Это было поводом самого несчастного спора и дуэли. Непосредственно затем гр. Лямбер перестал быть наместником.

Так кончился фантастический манифестационный период, создавший самое безвыходное положение края и оставивший тяжелые для будущего последствия.

З а г о в о р ы. Красные потерпели неоцененную неудачу при выборах, но существовать и действовать ни на минуту не переставали; белые, считавшие себя с тех пор единственными представителями народа, тем более не могли оставаться в бездействии. Обе партии составили два тайные общества, друг другу во многих отношениях враждебные.

А. О б щ е с т в о б е л ы х. Нетрудно, вероятно, заключить само собой, что источником и зародышем партии консервативной были Земледельческое общество и кружок Юргенса. Старые формы были сами собой недостаточны, с закрытием же Земледельческого общества и их нестало. Чтобы как-нибудь поддержать прерванные законом связи, помещики избрали в каждом воеводстве по одному или двум так называемых «м у ж е й д о в е р и я», без какой бы то ни было определенной цели, а просто для поддержания единства. «Мужи доверия» были обязаны знать, что̀ делается в Варшаве, быть в сношениях с некоторыми членами комитета закрытого Земледельческого общества, коноводами манифестаций, правительством и сообщать все своим воеводствам для соглашения действий всякой местности с столицей. Один раз только во все время манифестаций «мужи доверия» оказались на деле полезными, именно во время выборов. Под влиянием гр. Замойского, а в особенности Юргенса, они почти все стояли за принятие советов, и благодаря им выборы производились по указаниям и под руководством Юргенса с редким единодушием.

С тех пор, как Маевский перешел на сторону белых, партия их и числом и значением возвысилась. В сущности Маевский, как это вскоре увидим, не только не принес никакой пользы консервативным началам, а, напротив, несомненный вред, но тогда белые думали, что они уже не одна партия, а слияние обеих, что затем они вмещают в себе и представляют все общество, все его оттенки и стремления, что они не только вправе, но и обязаны даже руководить судьбами народа, иметь в виду и заниматься всевозможными потребностями Польши. Вопрос только был в том, как действовать, чтобы все эти потребности удовлетворить. «Мужи доверия», некоторые другие личности Земледельческого общества, более влиятельные горожане, Маевский и Юргенс очень долго совещались *) и спорили, пока порешили этот вопрос. Инстинкт самосохранения, сильно развитый в помещиках, и отвращение, свойственное консерватистам вообще к подземным работам, долго не дозволяли согласиться на тайный образ действия; но перемешание самых противуположных интересов (между прочим, и революционных), мания оппозиции и торгашества с правительством и, наконец, усилия Маевского склонили белых образовать тайное общество [14]).

Совещания и споры в этом отношении продолжались до конца 1861 года, даже далее, потому что только на съезде воеводских депутатов, в феврале 1862 г., окончательно условлена была организационная форма общества. Рассмотрим вкратце как эту форму, так и цели и действия организации белых.

---

*) Каждый из совещавшихся думал осуществить путем общества свои цели. В моем очерке важнее всего, как смотрел на него Маевский. Маевский пристал к белым с целью не дать им сформироваться в сильную, чисто консервативную, партию, победить отвращение к заговорному образу действия и приучить шляхту быть заговорщиками, приобрести как можно более приверженцев, собрать деньги и, достигши всего этого, раздавить партию консервативную собственными ее руками, затем соединиться обратно с красными и безотлагательно начинать революцию. Едва ли можно предполагать, чтобы Маевский вообще успел в своих намерениях когда-либо; с арестованием же его в июне 1862 г. проекты эти рушились сами собой.

Край разделялся на 8 воеводств, составлявшие 39 уездов; каждый уезд заключал 2-3 округа; округ, наконец, разделялся на участки. Жители всех сословий данного участка, сколько-нибудь интересующиеся народной политикой, выбирали участкового «мужа доверия». Начальники участков — окружного; окружные — уездного; уездные, наконец, — воеводского «мужа доверия». Воеводские и их помощники от времени до времени собирались в Варшаву и составляли воеводский съезд, или, выражаясь технически, воеводский круг (Kolo wojewódzkie). Это была верховная, как бы законодательная, власть общества. Решения по всем главным вопросам, касающимся внутренней политики, сбора денег, заграничных сношений только воеводский круг издавать был властен. Но так как воеводские не могли постоянно пребывать в Варшаве и следить за всем, то для этого существовало постоянно пребывающее в столице учреждение — «Дирекция» общества. Она состояла первоначально из пяти членов, потом с октября месяца 1862 г. из трех, выбираемых воеводскими на съезде. Относительно круга воеводских Дирекция составляла власть исполнительную, представляла проекты и вводила в исполнение постановления круга. Время съездов назначалось кругом, в случае однако же необходимости Дирекция вправе была созвать воеводских. Вводя в исполнение постановленное ими, Дирекция давала приказания, обязательные для всех членов организации, не исключая даже воеводских. Кроме того, так как в промежутках съездов могло случиться что-либо чрезвычайное, не терпящее отлагательства, то дано было право Дирекции, на ее, впрочем, ответственность, решать о вопросах, принадлежащих только кругу воеводских. Печати общества, тайной газеты не было вовсе; равным образом, не было письменных определений в должности, ни вообще переписки.

О лицах, занимавших разные организационные должности, безынтересно да и трудно говорить, потому что они часто переменялись. Так же точно незачем отмечать перемены, происходившие в Дирекции. Довольно, кажется, указать на личности, бывшие в разное время членами ее в продолжение существования организации. Первыми директорами были: помещик Люблинской губернии Тит Войцеховский, банкир Леопольд Кроненберг, Карл Маевский, Эдуард Юргенс и гр. Владислав Замойский, сын Андрея. После происходили разные перемены в составе Дирекции, но, кроме указанных, членами ее были помещики: Люблинской губернии—Люциан Городынский, ... Юлий Пашкевич, меценас сената и вместе с тем помещик Август Тржетржевинский и редактор «Польской газеты» бывший каторжник Карл Рупрехт. Последнюю Дирекцию (трех), в первых числах марта 1863 г. нового стиля, составляли Кроненберг, Рупрехт и Пашкевич.

О цели общества белых я уже упомянул, говоря выше, что они перемешивали самые разнообразные вопросы, затрагивали самые враждебные интересы. Смешным покажется, если скажу, что целью организации было все; тем не менее однако же это сущая правда. Итак белые положили:

1-е. Составлять одну мощную противу правительства, в особенности противу маркиза Велепольского, оппозицию и всевозможными способами торговаться о всевозможных новых уступках.

2-е. Независимо от этого принимать вводимые правительством полезные для края реформы, заниматься крестьянским вопросом и крестьянами вообще, народным образованием, хозяйством, здравием и пр. Заниматься самостоятельно, а не рука об руку с маркизом Велепольским.

3-е. Подготовлять мало-по-малу средства и орудия для революции, собирая даже для этого деньги.

4-е. Покровительствовать везде польским интересам, в особенности стараться иметь влияние на прессу краевую и заграничную, в интересах Польши и общества.

5-е. Не упускать из виду международных отношений и, насколько можно, склонить дипломатию в нашу пользу.

Какую же еще, кроме указанных, можно придумать цель для человеческой деятельности вообще? Кажется, невозможно. Над каждою в отдельности ветвью огромного дерева, которое белые хотели засадить, возлелеять и собирать плоды, люди в составе да и не таких обществ всю жизнь трудятся и иной раз получают очень малые результаты. Притом прошу обратить внимание на то, что в благословенной шляхетской организации овца и волк существуют, как некогда в Эдеме,—например, приготовление к революции дело горячее, подземное, возле крестьянского экономического вопроса народного образования и хозяйства—дела, нуждающегося непременно в солнечном блеске и, как у нас, в руке правительства. Но наши премудрые помещики не страшились ни труда, ни невозможности; хотели сделать все, да и то разом.

Неудивительно, что при таком вавилонском столпотворении действия организации были самые ничтожные. Они не удовлетворили ни одной из целей, мешали всем и парализовали всякую практическую деятельность.

Прежде всего я должен беспристрастно заявить, что $^{9}/_{10}$ организации, в сущности, ничего не делали; толпы помещиков были постоянно заняты, но занятия их походили на танец св. Витта, т. е. они беспрерывно съезжались, отлично угощались и рассуждали: то о том, как устроить и поправить организацию, которая все была недвигающимся туловищем, то о целях и действиях своих, какие должны быть; то, наконец, спорили и воевали: с одной стороны, с красными, каким-то странным, вылитым по теории-языком, а с другой, с правительством по словарю своих противников. Такие-то серьезные занятия выполняло все естество $^{9}/_{10}$ белой организации. $^{1}/_{10}$, а собственно Дирекция и некоторые ее сотрудники хотя тоже платили порядочную дань натуре своих подкомандных, но на деле занимались. Сопоставив действия их с вышеуказанными целями, они были:

1-е. Как оппоненты, они отличались печальною отрицательностью; никогда ни в чем не пособили г. Велепольскому, хотя бы в самых благих его мерах; предлагаемых им должностей, например, губернаторов и уездных начальников, не принимали. Как торгаши и отчасти все еще манифестаторы, они произвели на свет громкой известности так называемый «адрес Замойского», за который гр. Андрей Замойский поплатился изгнанием за границу. История адреса заключается в следующем: его им. выс. вел. князь Константин Николаевич после прибытия своего в Варшаву всячески старался примирить народ с монархом, звал к себе указанных его высочеству, как влиятельных, людей, уговаривал, советовался, просил помогать ему в невообразимо трудном тогда деле управления. Между прочим вел. князь старался примирить Велепольского с Замойским, звал к себе купца Шленкера, сапожника Гиншанского, генерала Левинского, раввина Майзельса. В ответ на это Дирекция придумала представить вел. князю род народного манифеста. В июле (кажется) она вызвала воеводских и посредством их почти всех начальников организации в Варшаву, человек около 200, для совещаний. Проекты манифеста были разные. Наконец, после нескольких дневных совещаний, споров решено было написать ад-

рес к гр. Замойскому с просьбой довести до сведения его высочества о его содержании. Содержание было, попросту говоря, не белое, а довольно красное.

В адресе говорилось, что, так как вел. князь наместник желает знать наши чувства и потребности, то мы и заявляем, что о самостоятельности Польши мы не забыли, единство разделенных провинций сознаем, что только на основании этих непреклонных и святых начал русское правительство может с всеобщим довольствием управлять нами и что залогом соответствующего нашим желаниям управления будет соединение литовских и приднепровских губерний с царством Польским в одно автономическое целое и октроирование сейма *).

2-е. О деятельности общества относительно внутренних преобразований и различных общественных вопросов ничего бы нельзя было сказать, если бы не заседания открытых в сентябре месяце 1862 г. городских и уездных советов. Нужно отдать честь, что члены всех советов, за исключением двух, находившихся под влиянием Центрального комитета **), руководимые Дирекцией, действовали с редким единодушием, затрагивали и очень дельно разбирали преразличные вопросы и доказали понимание краевых нужд, знание дела и даже готовность к пожертвованию. К несчастью, это было накануне войны, потому единственный прекрасный труд белых пользы никакой не принес, доказав только самым лестным образом, что край для земских учреждений вполне созрел.

3-е. Из подготовлений к революции следует упомянуть, что организация пожертвовала часть собранных денег на расходы польской военной школы в Генуе, потом в Кунэо в Италии под начальством революционных генералов, сначала Мерославского, потом Высоцкого. Школа по настоятельным требованиям России была закрыта министром Ратацци, приготовив, впрочем, несколько десятков офицеров.

4-е. О прессе Дирекция не забывала. Внутри края «Польская газета» была ее органом. Для журналистики заграничной, в особенности французской, был образован при Чарторижском в Париже Редакционный комитет, который составлял статьи о Польше и корреспонденции по указаниям и сообщениям Дирекции. Статьи эти печатались во французских газетах или безденежно или за условленную плату.

5-е. Дипломатия была поручена Чарторижскому. О ней лучше не говорить вовсе, потому что о поползновениях такого рода только с иронией отзываться можно.

6-е. Организация собирала деньги. Решено было собирать по 15 000 руб. сер. в год с каждого воеводства, считая Варшаву за отдельное девятое воеводство. Кажется, что весь годовой налог не был внесен в Дирекцию; несомненно однако же, что она располагала суммой до 120.000 руб. сер. Из них около 30 тысяч дано Чарторижскому на прессу и дипломатию, до 15 тысяч израсходовано на военную школу, 30 тысяч получил Лянгевич

*) Гр. Замойский подписи, приложенные к адресу, сожег, а сам адрес представил его высочеству. Замойский в день представления адреса был, по высочайшему повелению, арестован домашним арестом и экстренным поездом, под довольно сильным конвоем, отправлен в Петербург. После короткой аудиенции у государя императора выдан был ему паспорт за границу, куда он выехал, минуя Варшаву.

**) Совет Красноставского уезда Люблинской губернии составил только протокол о невозможности и бесполезности заседаний при военном положении и разъехался, члены же совета Пулуского уезда Плоцкой губернии, разбирая вопрос о рекрутском наборе и др., выказали столько противузаконного и просто революционного характера, что г. Веленольский, несмотря на всю его снисходительность, вынужден был закрыть совет.

и 30 тысяч Центральный комитет [15]). Остальные деньги издержаны на разные мелочные потребности организации.

Как из этих намеков видим, действия организации относительно целей были ничтожны, они не удовлетворили (и не могли по натуре общества удовлетворить) хотя бы одной из них, да и то в самомалейшей части.

Белые однакоже, потому что существовали в указанной форме и руководились указанными началами, значительно содействовали развитию и появлению революции. Будучи по началам врагами правительства, а затем, не представляя никаких резких и непреклонных отличий от красных, они не были партией в собственном ее значении. Они были болезненным наростом на отеческом теле и представляли последние, дай бог, судороги издыхающего шляхетства [16]), в которых видим претензию трупа на старое представительство и руководство судьбами народа, без всякой однако же инициативы, без тени самостоятельности и энергии, без пожертвований и фанатизма, этого нерва всякой партии. Такие судороги (допустим, благородные по происхождению) шляхетской агонии не были в состоянии произвести ничего определенного, своего, для своей партии полезного. Общество белых было бесспорно одним из проводников тогдашней жизни, но это не были самостоятельные деятели, а рабочие своих противников, да и то самые жалкие, потому что невольные. Работали на революцию, принося ей в то же время вред. Поклонники старонародных начал, белые бесконечными своими спорами с красными, бесчисленными съездами раздували огонь, усиливали неимоверно революционную пропаганду Центрального комитета. Будь у белых противуположные красным начала, определенность целей,—наконец, энергичная деятельность человека с убеждением, борьба их с красными произвела бы одно из двоих: или гибель противников и торжество консервативных стремлений и спокойствие края или борьба их стала бы борьбой на жизнь и смерть и имела бы последствием истребление антиреволюционеров, породила бы остервенение, беспощадность фанатика и, быть может, создала бы титаническую силу мятежников, напоминающую старую конвенцию. Ни одного, ни другого у нас мы не видим. Вялость и бесхарактерность белых победу консервативных стремлений сделали невозможной; помогли более определенным и решительным противникам приготовить революцию, распространяя пропаганду, и, наконец, отняли у них очень много силы и отчасти заразили вялостью и бесхарактерностью.

Таким образом действовала организация белых в продолжение более годового своего существования. Чем ближе к концу, т. е. к восстанию, тем хуже; болтовня и пропаганда усиливались, дела не было вовсе. В минуту восстания белые, с одиночными исключениями, были противниками его. В повстанские отряды не поступали, в революционной организации участия не принимали, от денежных и других пожертвований и вообще услуг восстанию уклонялись. Некоторые даже или лично или хитрыми интригами разгоняли повстанцев, т. е. уговаривали их разойтись по домам, а начальников отправляли за границу *). Однако же не устояли долго под слабым огнем революции и пошли за дуновением французских газет и западной дипломатии. Уже в конце февраля Дирекция старалась соеди-

*) Противудействие белых так много вредило восстанию, что в Центральном комитете поставлен был даже вопрос, не подействовать ли на них всеобщим террором, и только боязнь резни наподобие Галицийской заставила отстать от этой мысли. Все-таки жертв до четырех помещиков пало в первый месяц восстания, напр., сенатор помещик Дзедзинский был расстрелян по приказанию Падлевского.

ниться с Центральным комитетом; когда же согласие не состоялось, вскоре после этого, с объявлением диктатуры Лянгевича[17]), вся белая организация безусловно сдалась диктатору, а с падением его, 18 марта 1863 г., революционному правительству.

XII[?]. В. Заговор Центрального народного комитета. Кто сколько-нибудь поближе знаком с последними событиями Польши и поглубже вникнет в их смысл, тот должен признать в них, а именно в восстании, какую-то непостижимую до сих пор страшную, но несомненную историческую необходимость. Легко доказать, что все факты тогдашней эпохи, не исключая даже действий правительства, содействовали неуклонно осуществлению всенародного неудержимого несчастия. История наших заговоров служит одним из доказательств этой необходимости. Везде заговоры выходили от нескольких лиц дружных и одинаковых убеждений. Они-то a priori составляли программу, определяющую начала, цель и форму организации; далее приискивали членов, ее главнейших начальников и, наконец, уже выполняли форму маловажными исполнителями и слепыми орудиями[18]). У нас происходило все наоборот. Мы встречаем у нас заговорщиками не только революционеров, но и природных их противников. Источников начала заговоров никто не в состоянии указать, и доискиваться их нужно в самых незаметных, пустяшных мелочах. Они начинаются не от головы, а от ног, истекают из массы, из образованной или необразованной толпы; развиваются постепенно и напоследок сочиняют организационную форму и ставят начальников. Точно из внутренностей несчастного общества неведомо рождаются, а не наклеиваются, не прививаются со стороны.

Сказанное мною вполне подтверждается очерком организации белых. Мы видели, что она явилась не вдруг, а развивалась постепенно, проистекала не от личностей, а от основания из помещичьей массы, что там, наконец, не голова ставила ноги, а ноги (да и то по выборам) ставят голову. Точь-в-точь то же самое, только еще поразительнее, мы встречаем в заговоре Центрального комитета, который, — заранее скажу, — явился на конец всего здания. С манифестациями первоначальные кружки патриотов, друзей Маевского, Янковского и других распространились, увеличились числом и друг с другом сблизились. Это — натурально. Натурально также, что стремления их с ходом событий получали все более и более революционную определенность, заговора однако же, представителя этих стремлений, в тогдашнее время мы еще не видим. Только что-то похожее на первые шаги представляет организация делегационной обывательской полиции. Полиция состояла из лиц разных сословий, убеждений и возраста, и потому она нисколько не была фалангой революционеров; но и революционеры были полицiантами и практически учились, что организационная связь — десятских, сотских и т.д.—хорошо действует. Под конец манифестации многие чувствовали, что для дальнейшей революционной деятельности нужна определенная форма, и выжидали, так сказать, сигнала и почина от Маевского. Сознание этой необходимости проглядывает уже в разных комитетах красного оттенка, образовавшихся в Варшаве во время выборов в советы и не перестававших с тех пор существовать постоянно. Маевский, как сказано, обманул надежды партии и тем отнял у нее много сил и людей, перешедших или на службу к белым или оставшихся выжидающими нейтральными зрителями происходившего. Вред этот покажется тем замечательнее, если вспомним, что планы Маевского насчет организации белых не осуществились. Таким образом, к осени 1861 года положение партии «Движения»

было очень незавидное. Оно имело основанием низшее городское население— фабричное, ремесленное, но основание это (без всякого сомнения, очень важное) по умственному и материальному своему состоянию давало очень скудные средства заговору, ни дельных руководителей, ни богатства. — Руководители и важнейшие деятели — это обыкновенно были люди малых способностей и образования; между ними встречаются даже нередко молодые люди, только что окончившие гимназию, очень часто испорченные амбицией не по силам и отсутствием порядка. При таких условиях неудивительно, что после почти годового времени, в июне месяце 1862 г., находим только следующее: одной общей программы общества еще нет, все еще существуют заговоры, а не один общий заговор; то-есть, были разные главные комитеты в Варшаве, друг от друга независимые; каждый из них старался приобрести заговорщиков, формировал десятки, сотни наподобие констаблевских и высылал агентов в разные стороны. Зависимости провинций от Варшавы вовсе не было; эмиграция, в особенности Мерославский, хотя и перестала верить Маевскому, но не подчинялась никому другому. Даже в самом царстве Польском пестроты было много. Тем более и речи быть не может о запасе денег, оружия и офицеров, равно как и о назначении срока восстания. Одним словом, проявления революционной деятельности были самые ничтожные и не будь манифестаций и дальнего прошедшего, не будь бестолковой консервативной организации, последствия были бы соразмерны или не было бы их вовсе. При таких однако же условиях, в такой почве, слабые в сущности, но горячие и напряженные усилия молодых фанатиков имели успех громадный. Они избранным по инстинкту орудием победили противников, завладели обществом и сделали заговор необходимым условием жизни. Орудием этим была пропаганда. Самое простое (ведь это только слово, фраза), невинное и незаметное (серьезное либеральное правительство преследовать его не будет, да и не имеет никакой силы), а вместе с тем самое решительное, убийственное; оно льется и проникает везде. Кроме того, нужно заметить, что пропаганда — это орудие самое своевременное; все, даже правительство, только то и делали, что проповедывали *) и что при тогдашнем положении и натуре общества только слово красных победить было в состоянии. Значит, пропаганда — орудие самое дельное. Красные почти исключительно были заняты ею. Тысячи заговорщиков—это легия проповедников неутомимых, разного образования, возраста и звания, проповедников жарких, дерзких и повсеместных. Они печатали и развозили подпольные газеты и статьи, спорили на всяком шагу со всеми, даже с полицантами и шпионами; насылались с наукой везде.

*) Напр., правительство: никогда у нас со стороны правительства не было столько манифестов, воззваний, речей, объяснений, как в это время. В. князь наместник сам п р о п о в е д ы в а л начала мира и верноподданства даже сапожнику Гишпанскому. Издаваемый г. Велепольским официальный «Всеобщий дневник» (образцовая не только у нас, но и в Европе газета) постоянно воевал с красными и в особенности с белыми. Издаваемый Минишевским на счет Велепольского (и едва ли не на счет казны) критически-юмористический журнал «Kommunaty» — это была едкая и другой раз очень талантливая сатира на патриотов. Велепольский сделал даже одну значительную ошибку из желания проповедывать, образумить общество. Он приказал отпечатать в официальном журнале найденные при ревизии «Программу», «Организационную форму» и «Клятву» заговорщиков Центрального комитета с разными толкованиями и критикой. Тем освободил он от всякой ответственности всех, имеющих у себя эти курьезы, и дал в некотором смысле право революционерам явно спорить и доказывать основательность своих действий. Центральный комитет купил и разослал до 1000 экземпляров того номера «Всеобщего дневника», в котором передавались обществу интересные тайны заговора.

XIII. Так было до июня месяца 1862 г. В это время одно событие повело за собой образование Центрального комитета. Из всех комитетов и, так сказать, маленьких заговоров наиболее имел силы и сношений по губерниям так называемый Главный Городской (т. е. Варшавский) комитет. Членами его были: студенты медицинского факультета Владислав Данилловский, капитан[19]) русского генерального штаба Ярослав Домбровский, помещик Каменец-Подольской губернии Матушевич, главный инженер Варшавской железной дороги Витольд Марчевский и бывший студент Киевского университета Игнатий Хмелинский. Комитет в большинстве своем, хотя без денег, без организации в собственном смысле, без оружия, хотел в июле месяце провозгласить восстание, рассчитывая на слабость правительства, предполагаемое расположение в нашу пользу армии и общественного мнения России, на воображаемое содействие многих офицеров русских и поляков и, наконец, на фанатизм городской массы[20]). Больше всех настаивали на назначении срока восстания в июле Хмелинский (жалкая пародия Маццини и Робеспьера) и—удивительно—капитан Домбровский. Под их влиянием срок был назначен. Борьба в недре комитета и постановление срока взволновали многих заговорщиков, сознающих еще тогда свою слабость и невозможность вооруженных действий. Воспользовавшись этим, Данилловский и Марчевский при помощи друзей единомышленников произвели переворот[21]). Хмелевский и, кажется, Матушевский были удалены из комитета, срок восстания приостановлен. В первую как бы минуту переворота приглашены были на место удаленных Карл Маевский и Юлий Пашкевич из белой организации. Признавая положение тревожным и желая подчинить комитет Дирекции, они приняли предложение, были три дня членами комитета и потушили огонь *); не успев однако же завладеть новыми товарищами, оставили их. На их место приглашены были нерчинский каторжник, редактор «Воскресного чтения» (журнала для ремесленников), Агафон Гиллер и варшавский обыватель Владислав Еска. С тех пор начинается прочное существование организации, главою которой был Центральный народный комитет. Главным деятелем на минуту является Гиллер. По его проекту составлена была программа, заключающая в 9 коротеньких параграфах начала, цель и в общих чертах образ действия заговора. Кроме того по проекту же Гиллера установлена организационная форма. Общие черты ее следующие: главою общества — Центральный народный комитет, пребывающий в Варшаве, с властью неограниченною, состоящий из пяти членов и пяти их помощников, не выбираемых заговорщиками, а назначаемых комитетом. В непосредственной зависимости от них состояли: заговор в царстве Польском и провинциальные комитеты в Вильне, Киеве, Кракове, Львове и Познани. Сношения между Центральным и провинциальными комитетами производились посредством взаимных постоянных (по одному) уполномоченных агентов. Устройство заговора в провинциях было по правилам то же, что и в царстве Польском, а именно: Варшава разделялась на четыре отделения, каждое отделение на несколько округов. Округ состоял из нескольких сотен, сотня

*) Домбровский рассчитывал на армию и офицеров отчасти потому, что имел между ними много знакомых, тогда либеральных, и старался даже образовать Военный революционный польско-русский комитет. Маевский вызвал представителей этих офицеров в заседание комитета для положительных объяснений. Болтуны и хвастуны офицеры, когда пришло к рассчетам, посовестились: одни прямо отказали, другие сказали, что не отвечают за расположение своих солдат до такой степени, чтобы те в решительную минуту выдали оружие, как это прежде говорилось.

из десяти десятков Во главе города стоял начальник города, с тем вместе член комитета [22]); отделением заведывал начальник отделения (к числу их принадлежал начальник городской полиции, как пятый начальник отделения); сотней — сотский, десяткой — десятский. За Варшавой весь край разделялся на 8 воеводств, воеводства—на уезды (всех 39), уезды на 2, 3, до 4 округов; округ, как в Варшаве, состоял из нескольких сотен, сотня из десятков. Воеводствами заведывали начальники воеводств, далее шли начальники уездов, округов, сотские и десятские. Города губернские (воеводские), уездные и другие более значительные имели начальников городов и разделялись, смотря по численности, на округи, сотни и десятки. Начальник воеводского города назначался воеводским начальником и так далее. Кроме того, комитет имел своих агентов, посылаемых или на постоянное пребывание в воеводства и уезды или для отдельных случаев. Связью всех была клятва, членов комитета на верность началам заговора и сохранение тайны; прочих—на верность революции, тайну и слепое послушание начальству. Сношения определялись, с одной стороны, приказом, с другой—рапортом. Назначения в должности были письменные. Лозунгом заговора слова: « С в о б о д а, р а в е н с т в о, н е з а в и с и м о с т ь». Все исходящее от комитета скреплялось его печатью. Органом заговора—тайная газета «Ruch» («Движение») *).

Из сказанного выше казалось бы, что со времени реформы поселился порядок и сознательная деятельность среди революционеров. К несчастью революции этого не было. Гиллер и прочие члены комитета ограничились чуть ли самым составлением программы и организационной формы, осуществить же ее на деле не позаботились. В царстве Польском увеличивалось с каждым днем число десятков и сотен, а недоставало очень многих начальников округов, уездов и даже воеводств. Отношения этих последних к агентам комитета (не отличавшимся вообще ни разумом, ни порядком), не были как следует определены. От этого, натурально, происходила в организации неурядица; коренное зло устранено не было. За границами царства Польского организация была еще в колыбели и не зависела вовсе от Варшавы. С революционерами в России сношений никаких. Кроме того, самого главного—приблизительного срока восстания—комитет не назначил. Денег не собиралось, офицеры и оружие не заготовлялись. В начальники организации назначались нередко самые посредственные личности. Даже в недре самого комитета порядка было мало; помощников не назначено, занятий между членами не распределено [23]). Такое состояние заговора тем более кажется странным, что большинство членов комитета, как Домбровский, Марчевский и Гиллер, были люди образованные, которым в способностях нельзя отказать. Объяснить эти пагубные недостатки можно разве арестованием Домбровского скоро после упомянутой реформы и преступным в заговорном смысле отсутствием других членов. Марчевский большую часть времени проводил за Варшавой, занимаясь постройкой Варшавско-Бромбергской железной дороги; Гиллер отправился за границу на какую-то

*) До учреждения Центрального нар. комитета существовала печать, состоящая из искусственного соединения первоначальных букв фамилий членов комитета. Печать Центр. комитета состояла из соединения гербов польского «Белого орла» и литовского «Всадника» (Pogoń) с надписью вокруг: «Центр. Нар. Комитет». Кроме этой, была маленькая, продолговатая, общеорганизационная печать, изображающая две соединенные руки — шляхетскую и мужицкую, с надписью вокруг: «Свобода, равенство, независимость». Что касается тайных газет и журналов, то их было до десяти, но они не зависели от Центрального комитета. Важнейшие из них были «Strażnica» («Сторож») и «Głos kapłana polskiego» («Голос польского священника»).

артистическо-литературную прогулку и для уговора с Герценом; Даниловский был отправлен в Париж к Мерославскому, который, не понимая положения края, не хотел зависеть от комитета и действовать с ним заодно.

Неудивительно, что в таких обстоятельствах по недостатку заранее назначенных помощников членам комитета власть заговора сделалась игрушкою случайности и досталась в сентябре месяце (если не в августе) в руки людей решительных, дерзких, но с тем вместе неосмотрительных и легкомысленных. Всех фамилий заступающих тогда место отсутствующих членов не помню, да и полного комплекта, кажется, не было. Довольно, что распорядителями всего были: восторженный, благородный фанатик инженер С.-Петербургской железной дороги Бронислав Шварце; кончивший курс в Маримонтском агрономическом институте Эдуард Рольский, брат последнего Осип (оба анархические головы с замашками французских революционеров) и бывший ссыльный солдат из оренбургских баталионов Косковский, хуже Рольских, потому что с претензиями на опытность в делах, а человек мелочного самолюбия. Самым решительным из них был Эдуард Рольский. По его проекту и настоянию комитет издал в конце сентября два необыкновенной важности, решающие судьбы революции и края, постановления: 1-е) декрет, налагающий подать (5% от чистого дохода) на всех жителей края; 2-е) печатное заверение, данное организации, что ожидаемый в январе 1863 года рекрутский набор не состоится, потому что до этого времени комитет призовет народ к оружию [24]). Знавши тогдашнее положение, нужно согласиться: 1-е) что два упомянутые постановления дали комитету инициативу, сделали его единственным располагателем происходившего и 2-е) что срок восстания во время набора был неминуем. С тех пор комитет начинает говорить и действовать, как власть, мало-по-малу всеми признаваемая, но и война сделалась неизбежною, неудержимою.

XIV. Многие более рассудительные начальники организации, недовольные без того беспорядочным управлением дел, встревожились, получив два последние издания постановления комитета. Они послушались его, подати расписали и собирали, заверение о наборе, к несчастию, объявили, но денег не выдавали и, убедившись, что опасения их не лишены основания, произвели в октябре месяце переворот, следствием которого был новый состав комитета, а именно: Марчевский, Гиллер, студент медицинского факультета Александр Бернавский, литератор, бывший ссыльный, Иоахим Шиц и поручик русской гвардейской артиллерии Сигизмунд Падлевский. Помощниками их: я, помещик Люблинской губернии, бывший эмигрант, Ян Богданович, Владислав Даниловский, Шварце и помещик Варшавской губернии Франциск Годлевский. А так как члены Бернавский и Шиц, помощник Даниловский, вследствие споров, сейчас же явившихся, удалились или были удалены, то на их место поступили в члены Шварце и чиновник варшавского почтамта Фома Винницкий, в помощники — кончивший курс в Московском университете Ян Верницкий и помещик Плоцкой губернии Осип Наржимский. Этот состав комитета заведывал делами заговора до второй половины декабря.

Желая говорить о действиях комитета в это самоважнейшее время, необходимо прежде всего упомянуть, что с первого заседания почти до конца декабря происходила в недре комитета беспрерывная борьба по самому существенному вопросу, именно — о сроке восстания. Одни, в особенности Шварце, Падлевский и Наржимский, удерживали, что срок, назна-

ченный Рольским, нужно осуществить, несмотря на слабость сил и все недостатки, а то на том основании, что, допустив рекрутский набор, комитет изменит своему слову, расстроит в конец заговор и бросит его в руки правительства. Другие, именно—я, Богданович и отчасти бесхарактерный Гиллер были, напротив, убеждены, что срок необходимо отложить, по крайней мере, до апреля или мая месяца, потому что, не имея ни денег, ни одного карабина, ни одного подготовленного офицера, не находясь в тесной связи ни с провинциями, ни с русскими революционерами, ни с эмиграцией, не имея порядочной и послушной организации в самом царстве Польском, имея, наконец, врагов в белых и крестьян равнодушными, срок в январе или не осуществится или будет несчастием и гибелью края. Если же с отсрочкой восстания часть (хотя бы и тысячи две) заговорщиков оставит комитет и перейдет (допуская немыслимую крайность) в руки м. Велепольского, так это при настоящем стремлении общества к революции целости заговора даже затронуть не в состоянии.

Борьба эта не только занимала значительную часть заседаний комитета, но и создала двухкарактерность в его распоряжениях и в занятиях отдельных членов, смотря по тому, под влиянием какого убеждения состоялось постановление и кто вводил его в исполнение.

Из занятий комитета в это время важнейшие были.

1-е). По настоянию противников январского срока, а моему проекту, заведены были некоторые перемены в организационной форме и более порядка в ее составе, именно — образованы маленькие воеводские комитеты с распределением занятий и установлены воеводские комиссары. Комиссар имел право контроля и надзора за точным и успешным исполнением варшавских распоряжений. В случае несогласия с местными властями он властен был приостановить их действия и донести в Варшаву, а в крайности распорядиться даже самовольно, под личною, впрочем, ответственностью. С тем вместе состав начальников организации в царстве Польском был пополнен и по возможности улучшен; существовавшие же доселе в значительном числе и не раз вводившие замешательство агенты отданы в зависимость комиссаров и воеводских властей или вовсе удалены.

2-е). В пополнение организации учреждены были, по проекту Винницкого, революционная почта (среди самой же правительственной) и, по проекту начальника полиции Франциска Ковальского, варшавская полиция, которой формы и во время восстания, в сущности, не переменились. Начальник полиции зависел от начальника города, от него же зависели и три инспектора полиции для трех больших частей Варшавы; каждый инспектор имел в распоряжении 4-х циркулярных (квартальных) комиссаров полиции. Все полицейские начальники имели по одному помощнику и по несколько агентов и рассыльных, называемых «галёпэнами», — фальшивые паспорты и другие фальшивые документы выдавались начальником полиции, и потому он имел разные подложные печати, бланки и проч.

3-е). Комитет вошел в сношение с провинциями за пределами Царства. По согласию с депутатами: литовским—кандидатом С.-Петербургского университета Северином Вериго и русским *)—отставным подполковником генер. штаба Эдмундом Ружицким, был издан устав, определяющий взаимные отношения Центрального и провинциального комитетов. Вскоре однако же Литва, частью по разным варшавским ошибкам (в особенности комиссара Нестора Дюлерана), частью по

*) Т. е. украинским.—*Прим. ред.*

бестолковым провинциальным претензиям, прервала на некоторое время сношения с Варшавой и они были восстановлены только в первых неделях восстания. В польско-прусских владениях организация только что начиналась, не было даже провинциального комитета, а делами заговора занимались комиссары: в Познани — доктор Лукашевский, в Западной и Восточной Пруссии — торговый агент Осип Демонтович. Не лучше дела стояли в Галиции. В Кракове существовал какой-то бессильный призрак комитета под названием «Лавы», при котором варшавским уполномоченным был студент тамошнего университета Щепаньский.

4-е). Комитет вошел в сношения с русскими заговорщиками и с кружком офицеров-патриотов в Петербурге, а так же точно с Мацциии, эмиграцией в Париже и с главным завсегда революционным агентом в Дунайских княжествах Сигизмундом Милковским. Упомянуто уже выше, что Гиллер был отправлен за границу условиться с Герценом. Согласие состоялось на основании письма Центр. комитета к лондонским деятелям и герценовского ответа, которые были помещены в «Колоколе». Герцен и Бакунин дали Падлевскому доверительные письма для заключения прочных отношений с Петербургом. С помощью этих писем, при посредничестве Падлевского как депутата с нашей стороны и, кажется, Утина со стороны русского Центрального комитета взаимное соглашение было заключено в ноябре 1862 г.[25]). Что касается эмиграции, то, когда согласие с Мерославским, несмотря на все усилия посылаемых к нему депутатов комитета Цверцякевича, Ески и других, не состоялось, образован был так называемый Парижский комитет под председательством ген. Высоцкого*). Комиссаром при нем был Цверцякевич, а агентом для выбора покупаемого оружия прусский артиллерист и после гарибальдийский командир баттареи Лянгевич. Парижский комитет был обязан склонить возможно большее число эмигрантов к послушанию варшавской централизации, выбирать из среды их офицеров, покупать и пересылать оружие и амуницию и находиться в сношении с иностранными революционерами. Милковскому, наконец, поручены были действия на Востоке, а в особенности образование сильного отряда эмигрантов, для вторжения в русские пределы, причем дано ему на первоначальные издержки около 5 тысяч руб. серебром.

5-е). Комитет значительно увеличил свои силы присоединением к заговору всего почти католического и униатского духовенства и образованием для успешнейшей деятельности отдельной духовной организации. Патриотическое польское духовенство долгое время стояло в недоумении, которую из двух существующих политических организаций признать лучшею и которой содействовать не отдельными членами, а всей массой. Белые и красные наперерыв старались склонить нерешительных в свою пользу. Наконец, в октябре 1862 г. под влиянием Сендомирского комиссара, кончившего Маримонтский агрономический институт Игнатия Мацеевского, учителя Радомской гимназии Владимира Александровича (православного), каноника Котковского и некоторых других священников, уже заговорщиков, все почти до одного духовенство

*) Мерославский, обманутый Маевским, не хотел никому верить, требовал полной зависимости комитета и права назначать и удалять его членов. Когда же это оказалось невозможным, Мерославский старался посредством своего секретаря Яна Куржины образовать в Польше свою организацию, отличавшуюся от существующей тем, что основанием ее служил не десяток, а «пятерка». Несмотря однако же на все усилия Куржины и других приверженцев Мерославского, организация не устраивалась.

Сендомирской епархии, в общем собрании, до 100 человек священников, признало своей главой Центр. комитет, дало клятву на послушание, представило проект отдельной, от Центрального комитета зависящей, духовной организации и отправило своих депутатов в соседние и отдаленные епархии с воззванием следовать его примеру. Пример, в самом деле, был в высшей степени заразительный; епархии Краковская, Люблинская, Подляская—католическая и униатская—несколько недель спустя присоединились к нам: присоединению прочих епархий царства Польского и литовских помещали только недостаток времени и под конец занятия более военные *).

6-е). Комитет собирал деньги в число подати, установленной сентябрьским декретом, и покупал оружие. Всех денег с октября до половины января собрано до 100 000 руб. сер. приблизительно. Оружие куплено уже 4 000 карабинов, а другие 4 000 в половине заплочено, притом куплено соразмерное количество холодного оружия, револьверов и амуниции. Внутри края заготовлялись и собирались ружья, косы, пики и проч.

7-е). В связи с предыдущим находятся, наконец, проекты восстания, и об этом необходимо поговорить несколько подробнее. Даже из отрывочного представления истории заговора за последнее описываемое время ясно, что, хотя комитет, говоря революционным языком, был на хорошем пути, стремился к цели шибко и соответственными мерами, не упуская из виду ничего, но никак нельзя было еще ставить безвозвратные проекты восстания и заниматься окончательной к нему подготовкой. Организация в царстве Польском только что приходила к кое-какому порядку и силе, но много было начатого, требующего времени для полнейшего развития. Между прочим, белые все еще существовали, а крестьяне были лишь затронуты. Пропаганда между этими последними едва начиналась с присоединением духовенства [26]), и нужно было по крайней мере, 3-4 месяца для того, чтобы сотни наших духовных агентов, проповедующих, как один человек, по руководству комитета, подготовили несомненную нашу победу среди равнодушного вообще крестьянского населения. Денег было мало, карабина внутри края ни одного, офицеров едва ли более одного - другого десятка. Заговор литовский хоть и существовал уже несколько месяцев, но далеко ему было даже до такой, как в царстве Польском, степени. Притом Литва не имела ни гроша денег, которые могла бы пожертвовать на покупку оружия, и, главное, находилась в споре с Варшавой. Русь Днепровская делала только первые шаги, о Познани и Галиции тем более говорить нечего. И потому провинции, услыхав о намерении восстания в январе месяце 1863 г., откровенно объявили себя противу этого срока и всеми силами старались отсрочить последний час до мая месяца. Ружицкий и Вериго прямо объявили, что, если восстание и вспыхнет у нас в январе, то они ничего, малейшего даже движения, сделать не в состоянии, по крайней мере, до конца марта. Такой же отсрочки (до мая) требовал русский Центр. комитет в Петербурге, заявив через Падлевского и в письменных отношениях, что в

*) Духовная организация заключалась в следующем: все священники (в том числе монахи) каждого благочиния (dekanatu) выбирали благочинного (dekanalnego) «мужа доверия». Деканальные — епархиального, епархиальный зависел непосредственно от Центрального комитета, которого приказания получал обыкновенно через начальника воеводства или комиссара. Член организации обязан был исполнять всякого рода приказания; между прочими — принимать заговорные клятвы по указаниям, собирать деньги, принимать организационные должности начальников уездов, округов, воеводств и проч. Единственным условием духовенство положило не нарушать комитету сущности религии и прав церковных.

противном случае он ни в чем не в состоянии содействовать нам, разве поддержкой в общественном мнении, какою-то фантастическою суматохою на Дону и мелочами в данных случаях. Этого же самого требовали офицеры-поляки в Петербурге, Милковский, Высоцкий, даже Маццини, задумывавший, кажется, о революционном движении в Италии весною 1863 года.

Несмотря однако же на все это, несмотря на сознание самого комитета существующих недостатков, какой-то злой дух революции, в лице Шварце, Наржимского и в особенности Падлевского, гнал нас к роковому январскому сроку. После продолжительной борьбы срок январский был утвержден.

Комитет принял следующий, изготовленный Падлевским, проект восстания. Восстание должно вспыхнуть, если не за несколько дней до набора, так в этот же самый день, но только в одном месте, именно в бывшей Радомской губернии, все прочие губернии должны оставаться в покое. Радомская губерния, в особенности некоторые ее округа, избраны были потому, что они гористы, богаты по природе, промышленны и имеют казенные железные заводы; с другой стороны, они прикасаются двух границ и тем представляют наиболее удобства для транспорта оружия, амуниции и офицеров. Притом Радомская губерния была одною из лучших в заговорном отношении. Вот Падлевский предлагал заранее собрать тайно хотя бы всех заговорщиков и других молодых людей, которым угрожает набор, в указанных местах, привезти туда все оружие и послать всех офицеров, бывших в распоряжении, и в назначенный час составить 10 до 15 тысячную армию отчаянных беглецов от рекрутского набора. Предполагалось, что эта армия, не имевшая возвратного пути, явившись вдруг, будет драться храбро и сделает огромные успехи, прежде чем слабое правительство решится на какие-нибудь меры, а то тем более, что тревожное положение края, предвещавшее ежеминутный повсеместный пожар, не дозволит правительству сосредоточить в скором времени больших сил на один пункт. Проект далее говорил: вооруженные действия беглецов не будут признаваться восстанием, а просто сопротивлением рекрутов до тех пор, пока действующий тайно комитет не признает возможным призвать народ к поголовному восстанию. И потому, если до этого времени рекруты будут окончательно разбиты, то такой исход не будет считаться подавлением восстания, а только усмирением рекрутского бунта, и затем не будет иметь убийственного влияния на революцию, долженствующую, во всяком случае, вспыхнуть скоро затем.

Проект Падлевского был одобрен пользующимися некоторым авторитетом разумности Милковским и Ружицким, и комитет принялся за приготовления согласно указаниям и требованиям Падлевского, назначенного в то же время главнокомандующим армии беглецов. Описывать этих горячих и бесполезных усилий не стану и упомяну только, что для отправления подлежащих рекрутскому набору на сборные пункты приготовлены были паспорты и предписаны маршруты (что-то вроде заговорного этапа), которые были разосланы подведомственным начальникам организации, а все это очень искусственно созданное на бумаге дело перемещения называлось «дислокацией».

Но не суждено было сбыться проекту Падлевского, несмотря на все усилия комитета, упускающего на время из виду все прочее. Комитет отправил за границу члена своего Франциска Годлевского за разными делами, а в особенности с тем, чтобы он, как сведущий всех тайн, кончил покупку

8 000 карабинов и проч. и отправил оружие в возможно скорейшем времени на избранные уже транспортные пункты, на что и даны были Годлевскому значительные деньги, что-то около 30 000 руб. сер. К несчастию, Годлевский с тем вместе вез с собой какое-то пустяшное письмо комитета к Маццини. Непонятно бдительная и всесведущая французская полиция, узнав об этом последнем, из преувеличенной осторожности арестовала Годлевского и Цверцякевича со всеми деньгами и бумагами, Лянгевич же и член Парижской комиссии Владимир Милевич принуждены были выехать из Франции. А хотя Годлевский после двух или трех недель был освобожден и все деньги и бумаги выданы ему обратно, хотя полиция буквально ни в чем не изменила тайнам[27]), случайно попавшимся в ее руки, но прошло уже самое драгоценное время, и оружие никак не могло поспеть даже к половине января. При этом осторожность не дозволяла доверяться французским полицейским агентам, и необходимо было переменить все транспортные пункты по обеим сторонам границы.

XV. Таким образом весть об арестованиях в Париже, полученная в Варшаве в половине декабря, с одного разу разрушила проект Падлевского. Около этого же времени были арестованы: начальник полиции Францишк Ковальский и Шварце в Варшаве, а Богданович в Люблинской губернии. Все это были очень важные аресты, и комитет должен был из предосторожности предполагать, что полиции удалось проникнуть в некоторые тайны *).

Кроме того, с падением проекта Падлевского, комитет находился в полнейшем недоумении, что делать дальше. Мне казалось, что можно воспользоваться таким положением дел и дать перевес моему мнению об отсрочке восстания на май месяц. На переворот в собственном смысле я не решался, потому что имел грешное в этом случае отвращение к интриге, хитрости, потворству, а, может быть, и насилию, но мне казалось, что замена существующего состава комитета людьми новыми сама собой удержит революцию на краю гибели. По моему, при очевидной невозможности даже самые крайние революционеры не утвердят январского срока, лишь бы только они не находились под влиянием idée fixe, полусумасшедшего круговорота, в каком вертелись мои теперешние товарищи. И потому я предложил комитету, по причине очень важных арестов и вообще тревожного положения, всем нам добровольно удалиться и поручить одному или двум избрать новый состав только из пяти членов, долженствующий быть тайной даже для нас самих. Предложение было принято, а мне и Марчевскому поручено исполнить его, однако же с тем, чтобы с поставленных нами новых членов взять клятву, кроме обыкновенной, еще на верность традиции комитета, т. е. обязать их перенять все толковое и бестолковое прошедшего. Касса и печати отданы нам как единственным посредникам при сдаче дел старыми членами новым. Новыми членами были: архитектор Осип Яновский, чиновник комиссии финансов Ян Майковский, священник Свято-Александровского Варшавского прихода Карл Микушевский, Гиллер и Падлевский. Хотя никак нельзя было исключить Падлевского из нового состава, но я вполне был убежден, что большинство будет моего взгляда на вещи. Яновский и Майковский были мои друзья, Гиллер, несмотря на его бесцветность, все-таки был противни-

*) Тем более, что в то же время открыта была одна из важнейших тайных типографий комитета, в которой печатался «Ruch», и что арестованные в крае и за границей имели разные бумаги, и сразу не было известно, насколько важные и могущие компрометировать.

ком январского срока. О Микушевском, не зная его хорошо, я думал, что он по самому своему священническому характеру будет посдержаннее *).

Однако же два первые заседания нового комитета самым ужаснейшим образом разочаровали меня. Бесхарактерный Гиллер, несмотря на все мои просьбы, из непростительной в решительную минуту трусости, оставил комитет, и Падлевскому удалось выудить у новых товарищей назначение на место Гиллера одного из решительнейших и способнейших революционеров, бывшего киевского студента Стефана Бобровского. Кроме того, Микушевский оказался личностью самолюбивою и политически бессовестною; преступно равнодушный к могущему разразиться несчастию края, он готов был начать восстание всякий час. Комитет опять попал в руки Падлевского.

Всетаки была надежда, что крайность положения и короткое время, оставшееся до рекрутского набора, победят сумасшествие. Падлевский не мог придумать никакого нового плана восстания, а я, все присутствовавший на заседаниях комитета, делал, что только было в моих силах, для предотвращения несчастия. Вдруг, неожиданно, пользующийся каким-то необыкновенным расположением и сочувствием всех Ярослав Домбровский послал комитету из тюрьмы в цитадели подробно расписанный проект повсеместного восстания, основанный на нечаянном ночном нападении на крепость Ново-Георгиевск (Модлин). Домбровский доказывал, с одной стороны, возможность ворваться в крепость стремительным ночным нападением, перебить ее гарнизон и завладеть ею при помощи измены десятка—другого офицеров, а с другой, богатство военного запаса Ново-Георгиевска, готового для скорого вооружения значительной армии. Для Падлевского это было доска спасения. Но непонятно, что не только Микушевский и Бобровский пристал к нему, а и остальные. Майковский и Яновский единодушно подали голос в пользу проекта, созданного в болезненной голове арестанта. Военное образование Домбровского, как капитана генерального штаба, фантастичность ночного нападения и громадность ожидаемого результата увлекли за собой весь комитет. Мой голос не имел уже никакого весу.

Затем следовали только окончательные приготовления: назначение военных воеводских начальников, сбор оружия, последние военные и гражданские инструкции, манифест о восстании и декрет о наделе крестьян землею. Что касается Ново-Георгиевского нападения, то оно было поручено Падлевскому. Он предназначил для этого до 4 000 заговорщиков—3 000 из Варшавы, 1 000 из окрестностей Ново-Георгиевска, собрав для них оружие и офицеров; назначил сборные пункты и хотел 3 (15) января отправить первую партию людей из Варшавы.

Вдруг рекрутский набор, ожидаемый 13 (25) января, состоялся 3 (15) ночью, и это обстоятельство разрушило в конец все планы. Но это принадлежит уже собственно к истории восстания.

Примечания.

[1]) На полях против этого абзаца помета карандашом: «Автор оправдывает стремления Польши».

[2]) Все эти «блага» были не результатом «милости монарха», а последствием поражения русского самодержавия в Крымской войне. Смягчение цензуры, впрочем, вплоть до февральских событий 1861 г., было лишь самое незначительное.

*) Микушевский был редактором «Голоса польского священника». Я предполагал поэтому, что лучшие статьи журнала были его пера, а статьи эти выказывали революционера образованного и рассудительного. Оказалось, что авторами их были сотрудники его, а не он.

[3]) Автор имеет здесь в виду старые тенденции национально-освободительной борьбы и «теории» польского Демократического общества, влияние которого на современников он, впрочем, явно переоценивает.

[4]) Фактическим организатором и руководителем кружка Маевского был Н. Янковский. Сведения о роли Маевского почерпнуты автором от самого же Маевского и не соответствуют действительности.

[5]) Предание о смерти ген. Совинского, излагаемое автором, не соответствует действительности.

[6]) Автор смешивает здесь два различных исторических факта: манифестацию 25/II 1861 г., в «Старом городе», во время которой был избит Трепов, и гражданскую манифестацию 27/II 1861 г., во время которой пало пять жертв.

[7]) На деле Земледельческое общество высказалось лишь за необходимость замены барщины денежным чиншем и за выкуп крестьянами своих наделов путем постепенного погашения капитала. И это решение, впрочем, прошло лишь под непосредственным нажимом улицы. Руководящие круги партии красных фактически также стояли на позиции выкупа, лишь в более замаскированной форме. (Согласно формуле: «наделение крестьян землей без выкупа, но с вознаграждением землевладельцев из средств казны», т. е. прежде всего из кармана того же крестьянина).

[8]) Слова «благодаря системе» подчеркнуты карандашом, и на полях сделана помета: «Противоречие».

[9]) В сущности молебствия и т. п. манифестации религиозного характера шли по линии «пассивной оппозиции», сторонники которой на данном этапе пытались подменить революционные выступления масс т. н. «моральной революцией». Руководство «красных» со временем отмежевалось от этой тактики.

[10]) На деле в это время Маевский перешел уже на сторону «белых», в руководящих революционных кругах пользовался репутацией ренегата и никакого влияния на ход революционной борьбы не имел.

[11]) Выразителем стремлений крайне консервативной фракции помещиков, пытавшейся отстаивать основы крепостнического строя, являлась не «страдательная (т. е. пассивная) оппозиция», а именно маркиз Велепольский.

[12]) Утверждение это является полнейшей фантазией; оно почерпнуто из лживых рассказов самого Маевского и основано единственно на том факте, что в прошлом Маевский действительно являлся полномочным агентом Мерославского, пока тот не убедился в его измене. В руководящих кругах организовавшейся в 1861—1862 гг. партии красных Маевский вообще никогда не состоял.

[13]) Позиция «красных», ставших на точку зрения бойкота, осложнялась тем, что умеренная фракция, т. е. сторонники Гиллера (в то время, впрочем, не объединенные еще организационно с собственно «красными»), высказалась за участие в выборах.

[14]) На деле Маевский пытался сколотить беспринципный «национальный» блок из активнейших элементов партии белых с привлечением сторонников правого крыла красных, т. е., вопреки утверждениям автора, действовал против интересов революции.

[15]) Последние суммы были израсходованы только в 1863 г., после присоединения дирекции «белых» к восстанию.

[16]) Партию «белых» автор неправильно рассматривает как исключительно дворянско-помещичью. На деле либерально-консервативный блок, известный под именем партии белых, являлся защитником общих интересов национальной буржуазии и основной массы движущегося по прусскому пути капиталистического развития поместного дворянства.

[17]) Объявление диктатуры Лянгевича было именно результатом закулисных интриг партии белых.

[18]) В такой универсальной форме обобщение это, конечно, неправильно.

[19]) Следует: штабс-капитан.

[20]) Здесь и в нижеследующем примечании, пытаясь умалить значение военного заговора, автор следует заведомо лживой информации Гиллера.

[21]) На деле переворот был организован гиллеристами, которые сумели использовать в качестве орудия студенческую организацию Даниловского.

[22]) Первым революционным «начальником города Варшавы» был Ярослав Домбровский.

[23]) Относительно разделения функций информация Авейде неправильна.

[24]) Заявление это было выпущено Э. Рольским, заменившим Я. Домбровского (после его ареста) на посту начальника г. Варшавы, насколько известно, без формального согласования с комитетом.

[25]) Фактически 5/XII 1862 (н. ст.). См. «Note de Comité Centrale National au Comité de la Russie libre». (Архив революции и внешней политики. II Секретный архив, № 12).

[26]) Дело так обстояло лишь в воображении Авейде, которому именно и принадлежит идея привлечения крестьянства на сторону революции не путем поддержки аграрного движения, а путем агитации духовенства за единение крестьян с помещиками.

[27]) Насколько известно, французская полиция предоставила русскому посольству возможность использовать захваченные бумаги.

Из записной книжки архивиста

Июльские дни 1917 г.

В организованной буржуазией в июльские дни 1917 г. провокации, имевшей целью дезориентировать и разгромить стремительно большевизировавшиеся солдатские и рабочие массы Петрограда, выдвинулись и сыграли свою роль российские Кавеньяки в миниатюре — непосредственные исполнители подготовлявшегося беспощадного подавления «вооруженного восстания большевиков».

Одним из таких беспринципных авантюристов был поручик В. Т. Стуканцев, начальник 2 отряда добровольцев увечных воинов, рапорты которого о действиях руководимого им отряда печатаются ниже. Его отряд разоружал в дни 3—7 июля на улицах Петрограда революционных солдат и матросов, громил редакцию «Правды», захватывал цитадель большевистской партии — дворец Кшесинской.

Победные реляции Стуканцева, краткие и сухо-деловые, написаны так, как это было нужно авторам провокации: «проезжавший автомобиль... открыл огонь по выставленному караулу», «я был обстрелян из домов, находящихся вблизи», —нападающая сторона большевики, а не войска Временного правительства, — такова настойчивая интерпретация событий этим героем буржуазной улицы.

Фигура поручика Стуканцева чрезвычайно характерна для тех деклассированных мелкобуржуазных прослоек, которые в эпохи социальных сдвигов и революционных потрясений питают своими соками, отравленными бешеной ненавистью потерявшего точку опоры мелкого собственника, политический авантюризм всевозможных оттенков, а в наше время— фашизм.

Начав свою военную карьеру вольноопределяющимся 2 лейб-гусарского Павлоградского полка, он уже 20 декабря 1914 г. получает чин прапорщика и в течение кампании 1915—16 гг. награждается четырьмя орденами. После июльских дней он производится в штабс-ротмистры и... попадает в тюрьму, обвиненный в растрате нескольких тысяч рублей, собранных на благотворительном вечере в пользу отряда.

Следствие по делу Стуканцева закончено не было: такие люди, как он, готовые на все в борьбе с растущей пролетарской революцией, Временному правительству были нужны.

Арестованный в августе 1917 г. Стуканцев уже 1 сентября в рапорте на имя верховного главнокомандующего просит разрешить ему организовать «отдельный конный отряд смерти», якобы, для борьбы с Корниловым. Дальнейшая судьба поручика Стуканцева неизвестна. Дошедшее до нас дело следственной комиссии Военно-революционного комитета не содержит на этот счет никаких указаний.

Подлинники публикуемых документов хранятся в Центральном архиве Октябрьской революции (ф. 336, д. 290).

Вл. Елагин.

Приказ начальника отдела нарядов войск штаба Петроградского военного округа начальнику 2-го отряда добровольцев увечных воинов поручику Стуканцеву 5 июля 1917 г. № 4329.

По приказанию главнокомандующего войсками Петроградского военного округа, предлагаю вам немедленно, по получении сего, отправиться в 1-й кадетский корпус и взять с собой из добровольческой команды и инвалидов 50 солдат, с которыми очистить здание типографии редакции «Вечернее время», занятое анархистами. Об исполнении донести рапортом.

Начальник отдела нарядов войск
Ник. Паршин.

Делопроизводитель [подпись].

Рапорт начальника 2-го отряда добровольцев увечных воинов главнокомандующему войсками Петроградского военного округа Половцеву 5 июля 1917 г. № 15.

Доношу, что, согласно словесного вашего разрешения от 3 сего июля обезоруживать всех проезжающих по городу вооруженных солдат, мною в ночь с 3 на 4 июля был захвачен легковой автомобиль с 8 вооруженными солдатами и пулеметом системы Максима.

Винтовки и пулемет находятся в моем отряде.

Поручик Стуканцев.

Рапорт начальника 2-го отряда добровольцев увечных воинов главнокомандующему войсками Петроградского военного округа Половцеву 5 июля 1917 г. № 16.

Доношу: 4 июля сего года, при несении караульной службы в штабе главнокомандующего, в 1 час дня, по Мойке, со стороны, где находится типография газеты «Правда», проезжавший автомобиль с 5 солдатами и 4 пулеметами открыл огонь по выставленному караулу. Открытым огнем моей команды шофер автомобиля был ранен, после чего находившиеся в автомобиле солдаты скрылись, оставив его на месте.

Грузовик-автомобиль, 4 пулемета и винтовки при помощи моих людей были доставлены во двор штаба.

В перестрелке ранен в руку находившийся в числе моей команды председатель комитета добровольцев увечных воинов Лапин.

Поручик Стуканцев.

Рапорт начальника 2-го отряда добровольцев увечных воинов главнокомандующему войсками Петроградского военного округа Половцеву 6 июля 1917 г. № 17.

Доношу: в $4^1/_2$ часа утра 5 июля я получил словесное приказание обезоружить всех находящихся в редакции газеты «Правда» солдат, а также захватить переписку и документы. Означенное поручение было мною выполнено.

Документы и 10 винтовок доставлены моими людьми в штаб.

Поручик Стуканцев.

Рапорт начальника 2-го отряда добровольцев увечных воинов главнокомандующему войсками Петроградского военного округа Половцеву 6 июля 1917 г. № 18.

Доношу, что при занятии дома Кшесинской людьми моего отряда были взяты 3 пулемета системы Кольта без треног, 10 запасных дул и 25 винтовок.

Все перечисленное находится при моем отряде.

Поручик [Стуканцев].

Рапорт начальника 2-го отряда добровольцев увечных воинов главнокомандующему войсками Петроградского военного округа Половцеву 6 июля 1917 г. № 19.

Доношу, что ввиду словесного разрешения в 2 часа дня 6 июля помощника главнокомандующего произвести обыск в помещении комиссариата, находящегося на Б. Зелениной ул. в д. № 4, я по прибытии на указанное место в помещении комиссариата оружия не нашел.

При посадке на автомобиль я был обстрелян из домов, находящихся вблизи и на стороне комиссариата. Предпринять решительных действий не мог за малочисленностью своих людей.

Один из моих людей ранен в ногу.

Поручик Стуканцев.

Приказ начальника отдела нарядов войск штаба Петроградского военного округа начальнику 2-го отряда добровольцев увечных воинов поручику Стуканцеву 7 июля 1917 г. № 5145.

Поручается вам немедленно совместно со своей командой ликвидировать возникшие беспорядки на углу Надеждинской и улицы Жуковского.

Начальник отдела нарядов войск
Ник. Паршин.

Делопроизводитель [подпись].

Приказ начальника отдела нарядов войск штаба Петроградского военного округа начальнику 2-го отряда добровольцев увечных воинов поручику Стуканцеву 8 июля 1917 г. № 5339.

Предлагаю с получением сего отправиться для производства осмотра и обыска на завод Маркса.

Начальник отдела нарядов войск
Ник. Паршин.

Делопроизводитель [подпись].

Рапорт начальника 2-го отряда добровольцев увечных воинов главнокомандующему войсками Петроградского военного округа Половцеву 8 июля 1917 г. № 27.

Доношу, что, получив от коменданта Васильевского подрайона подпоручика Виноградова сведения, что в комиссариате на 5 линии Васильевского острова в д. № 68 помещается организация «анархистов-коммунистов», принимавшая самое энергичное участие в вооруженных столкновениях с 3 июля, я со своими людьми, поддержанный матросами Сибирского морского ударного «батальона смерти», после обыска 7 сего июля, обнаружил [1]) 1 орудие, 3 пулемета, чековую книжку анархистов-коммунистов, 20 винтовок и массу анархических листков «Коммуна».

Поручик [Стукайцев].

Приказ начальника отдела нарядов войск штаба Петроградского военного округа начальнику 2-го отряда добровольцев увечных воинов поручику Стукайцеву 10 июля 1917 г. № 5547.

Предлагаю вам с вверенным вам отрядом прибыть в распоряжение подполковника Дубинского для производства обыска на Васильевском острове.

Начальник отдела нарядов войск
Ник. Паршин.

За делопроизводителя [подпись].

Подложный манифест 1861 г.

В декабре 1861 г. кухарка Н. Г. Чернышевского, подкупленная агентами III отделения, доставила в знаменитое «здание у Цепного моста» какие-то бумаги, данные ей ее хозяином для уничтожения. С большим любопытством рассматривали чиновники III отделения эти бумаги. Но их ждало полное разочарование: «по рассмотрении сих бумаг в них не оказалось ничего подозрительного». Сообщая об этом своему начальству, третьеотделенские чиновники чувствовали потребность чем-нибудь утешить его и доказать, что их усилия на этот раз не пропали даром. Поэтому в своем донесении они добавили: «Только почерк положенных сверху листов обратил на себя внимание тем, что он как будто имеет некоторое сходство с почерком рассылавшихся в апреле месяце по городской почте, у сего представляемых отдельно, воззваний по крестьянскому делу». [2])

Однако представленных «у сего» воззваний не сохранилось, и поэтому оставалось до сих пор неизвестным, к рассылке каких именно воззваний чиновники III отделения хотели припутать великого публициста.

Ответ на этот вопрос дает дело III отделения, 1 экспедиции, 1861 г., № 125, озаглавленное: «О письмах, заключавших в себе манифест предосудительного содержания, обнародованный будто бы 20 февраля, относительно освобождения крестьян от крепостной зависимости». [3])

Из этого дела видно, что в середине апреля 1861 г. в Петербурге рассылался по почте рукописный «манифест» следующего содержания:

«Божею милостью мы, Александр II и пр. и пр. и пр.

В манифесте нашем от 19 февраля сего года объяснили мы причины, побудившие нас постановить уничтожение крепостной зависимости. Для благоустроения одного сословия мы потребовали от другого жертвы, доселе беспримерной в истории народов, — жертвы собственности.

И российское дворянство не только безвозмездно с благородным бескорыстием отрекается от своих прав на личность крестьян, но уступает им в постоянное пользование значительную часть собственности родовых и благоприобретенных земель.

Да не думает Россия, что мы не оценили таковой жертвы дворянства, да не думает она, что и мы сами для блага отечества не готовы принести жертвы, также беспримерной в истории государей!

Вступая на прародительский престол, положили мы в сердце своем обет посвятить всю жизнь на благо нашего народа. Обет сей указал нам то, что неограниченная власть монарха, некогда необходимый образ правления, ныне уже несовместна ни с духом времени, ни с потребностями народа, ни с благоденствием России.

Убедясь, что дело коренного изменения положения всего государства на лучшее, исполнение клятвы, данной прародителем нашим Михаилом Федоровичем при избрании его на царство, есть жребий, чрез течение событий поданный

[1]) Над этим словом написано карандашом «дуло орудия».

[2]) «Красный архив», т. XIV, стр. 101.

[3]) «Архив революции и внешней политики».

нам рукою провидения, мы отрекаемся за нас и за наших преемников от самодержавной власти и даруем всей империи государственную уставную грамоту.

Православная Россия! Осени себя крестным знамением и призови с нами божие благословение на предстоящее великое преобразование, залог блага общественного и твоего величия!

Дан в С.-Петербурге в 20 день февраля в лето от Р. Х. 1861-е, царствования же нашего седьмое.

Александр».

В деле III отделения имеется два экземпляра этого «манифеста», написанных разными почерками.

Один из них был прислан по почте княгине Е. П. Кочубей при следующем письме:

«Ваше сиятельство, милостивая государыня.

Манифест, копия которого здесь прилагается, был подписан государем императором 20 февраля, но по неизвестной причине не был обнародован.

Не знаете ли, когда эта неизвестная причина будет устранена?»

Другой экземпляр «манифеста» был прислан М. Н. Муравьеву, в то время, как известно, бывшему министром государственных имуществ, при следующем письме:

«20 февраля сего года был государем императором подписан манифест, который по неизвестной причине не был обнародован.

Препровождаем вашему превосходительству копию сего манифеста».

Из дела III отделения видно, что третий экземпляр такого же «манифеста» был получен министром финансов.

Ввиду того, что в апреле 1861 г. никаких других воззваний в Петербурге не рассылалось, несомненно, что чиновники III отделения хотели припутать Н. Г. Чернышевского к рассылке именно этого «манифеста». В действительности же он, конечно, не имел к нему никакого отношения. Вряд ли мы ошибемся, если выскажем предположение, что рассылка «манифеста» производилась людьми, принадлежавшими к крепостническому лагерю. Среди крепостников, недовольных отменой крепостного права, в то время была довольно распространена мысль о необходимости ограничения самодержавной власти в пользу дворянства в виде компенсации за отнятое у него право владеть человеческими «душами». В этом отношении печатаемый нами «манифест» является документом, весьма характерным.

Б. Козьмин.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Первомайские марки латышских большевиков в 1914 г. С предисловием *Я. Б.*	3
Румынская Сигуранца. С предисловием *Д. Заславского*	10
К истории „Рабочей группы" при Центральном военно-промышленном комитете. С предисловием *Ив. Меницкого*	43
Первая Государственная дума в Выборге	85
К истории польского восстания 1863 г. С предисловием *Ч. Ясинского*	100
Июльские дни 1917 г. Сообщил *Вл. Елагин*	140
Подложный манифест 1861 г. Сообщил *Б. Козьмин*	142